

Родная Дядога

№ 2' 2007

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

**издается ежеквартально
при участии:**

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора Православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Архиепископ
Тихвинский КОНСТАНТИН
*«ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ
ДУХОВНЫХ ШКОЛ ОТ ОСНОВАНИИ
ДО РЕФОРМЫ: 1721—1808 ГОДЫ»*

Валерий ГАНИЧЕВ
«С НАМИ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Михаил ДУНАЕВ
«ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО»

Николай ДЕНИСОВ
«ПРЕДСКАЗАНИЕ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Протоиерей Николай АГАФОНОВ (Самара) — член Союза писателей России, награжден орденом святителя Иннокентия 3-й степени.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, член Правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, секретарь Правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь Правления Союза писателей России.

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (Москва) — профессор Московской Духовной Академии, доктор богословия, доктор филологических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, генеральный директор и руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь Правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Образования, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель Постоянной Комиссии по вопросам правопорядка и законодательства ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь Правления Союза писателей России, лауреат Государственной премии, герой Кубани, главный редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член Правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель Правления Союза писателей России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век», заместитель председателя Нижегородской писательской организации, член Союза писателей России.

СЕМЕНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации, член Правления Союза писателей России.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — председатель совета Собора Православной интеллигенции, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Михаил Дунаев. Третьего не дано.....	5
Валерий Сдобняков. Скреп русской державности.....	127

ПОЭЗИЯ

Юрий Кублановский.....	12
Ирэна Сергеева	45
Борис Сиротин	47
Юрий Шестаков.....	91
Владимир Балачан.....	94
Сергей Донбай.....	181
Николай Рачков	183

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Дмитрий Лушников. По образу и подобию Божьему.....	16
--	----

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ефимовская. «Я совсем не боюсь умереть». <i>О книге И.А. Сергеевой «Господь пасет мя»</i>	37
Игорь Изборцев. Как рождается молитва? <i>Размышления о романе</i> <i>протоиерея Николая Агафонова «Иоанн Дамаскин»</i>	201

ЛЕСТВИЦА

Александр Раков. «Неудаляющимся днем»	50
---	----

История и СОВРЕМЕННОСТЬ

Архиепископ Тихвинский Константин. История Санкт-Петербургских духовных школ от основания до реформы: 1721 – 1808 годы.....	60
Валерий Ганичев. С нами Александр Невский	163

ПРОЗА

Иван Никульшин. Утица луговая. <i>Рассказы</i>	98
Александр Громов. Прощённый понедельник. <i>Рассказ</i>	187

Русские СУДЬБЫ

Николай Денисов. Предсказание.....	134
---	-----

БЕССЕДА

Интервью с депутатом ЗАКСа, председателем Постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законодательства ЗАКСа Аркадием Крамаревым. «Хочешь переделать мир, начинай с себя» ...	177
--	-----

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Михаил ДУНАЕВ

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Дунаев Михаил Михайлович — родился в 1945 году в Москве. Окончил филологический факультет МГУ и Московскую Духовную Академию. Основные труды: «Своеобразие русской религиозной живописи» (М., 1994) и «Православие и русская литература» в 4-х тт. (М., 2001). Профессор Московской Духовной Академии. Доктор богословия, доктор филологических наук. **Живет в Москве.**

Важнейшее качество нашей отечественной словесности — ее **православное** миропонимание, религиозный характер отображения реальности. Религиозность литературы проявляется не только в связи с церковной жизнью, и не в исключительном внимании к сюжетам Священного Писания, а в особом способе воззрения на мир. Литература нового времени принадлежит светской секулярной культуре, она не может быть сугубо церковной. Однако Православие на протяжении веков так воспитывало русского человека, так учило его осмыслять свое бытие, что он, даже видимо порывая с верою, не мог до конца отрешиться от православного мирозерцания.

Именно Православие повлияло на пристальное внимание человека к своей духовной сущности, на внутреннее самоуглубление, отраженное литературой. Православие — основа русского миропонимания и русского способа бытия в мире.

«Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию» (Рим. 7,22).

Православие устанавливает единственно истинную точку зрения на жизнь, и эту точку зрения усваивает (не всегда в полноте) русская литература в качестве основной идеи, становясь таким образом православной по своему духу. Православная литература учит православному воззрению на человека, устанавливает правильный взгляд на внутренний

мир человека, определяет важнейший критерий оценки внутреннего бытия человека: смирение.

Вот почему новая русская литература (вслед за древнерусской) задачу свою и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих. Вот откуда идет и признание совести мерилom всех жизненных ценностей. Свое творчество русские писатели сознавали как служение пророческое (чего католическая и протестантская Европа не знала). Отношение к деятелям литературы как к духовидцам, прорицателям сохранилось в русском сознании до сих пор, хотя и приглушенно.

Важно, что и те процессы в литературе XIX столетия, которые развивались как бы вне православной традиции, характерны не индифферентизмом по отношению к религии, но активным отталкиванием от нее, противостоянием Православию. Это позволяет рассматривать и названные процессы в тесной связи с общим ходом всего литературного творчества русских классиков.

Отечественная литература была (воспользуемся гоголевским образом) «незримой ступенью» ко Христу, она преимущественно отразила то испытание веры, которое совершалось в жизни народа и отдельного человека, которое, собственно, и есть главное испытание, коему подвержены мы в земной жизни.

Литература русская имела опору в Евангелии. Как писал Гоголь: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии». Разумеется, каждый православный человек должен отыскивать критерий истины в евангельских откровениях, должен поверять все свои рассуждения, как и все вообще, порожденное человеческим разумом, — словом Спасителя.

Нужно признать, что нет иных критериев Православия, которые бы пребывали вне Священного Писания и Священного Предания Церкви Христовой, вне догматов православного вероучения.

Опору для осмысления русской литературы найдем в Нагорной проповеди:

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...» (Мф. 6, 19–20).

В этой великой заповеди определена сокровенная суть двух пониманий смысла человеческой жизни, как и двух мировоззрений, двух различных типов мышления, двух типов культуры. В этих словах Христа — указание на смысл того разделения, которое Он принес в мир (Лк. 12, 51–53). Две системы жизненных ценностей, связанных с той или иной ориентацией человека в земном мире, обуславливают и различие в понимании мира и зла вообще.

Ведь если не мудрствовать лукаво, то всякий из нас понимает под добром то, что так или иначе способствует достижению сознаваемой нами цели бытия. Под злом — то, что препятствует такому достижению. И если кто-то ставит перед собой исключительно материальные цели (собираение сокровищ на земле), то все духовное станет лишь мешать ему и восприниматься как зло. И наоборот.

Культурологи выделяют в связи с этим два типа культуры — *сотериологический* (от греческого «сотерио», спасение) и *эвдемонический* (от греческого «эвдемония», счастье). Переходом от первого ко второму в европейской истории стала, как известно, эпоха Возрождения, возродившая именно пристальное внимание к земным сокровищам — и предпочтение их. На Руси это совершалось гораздо позднее. И совершенно логично, что приверженцы сокровищ земных объявили тяготение к духовному, возвышение небесного над земным — косностью и отсталостью.

Предпочтение того или иного — дело совести и свободы каждого. Нужно лишь ясно сознавать, что столь прославляемая ныне западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения *сокровищами на земле*. И так называемый прогресс — отыскание все более совершенных средств к овладению такими *сокровищами*.

Стремление к земному понятно и близко каждому. Следует лишь уточнить, что к земному относятся не только непосредственные материальные блага и связанные с ними чувственные наслаждения, но порой и отказ от исключительно материальных ценностей ради, например, земной власти (вспомним внешний аскетизм многих тиранов и деспотов), славы, стремления к самоутверждению в обществе и т.д. Даже то, что иным представляется принадлежностью чисто духовной сферы, также может стать ценностью чисто земной. Например, эстетические переживания, превращаемые в самоцель ради эгоистического душевного наслаждения. Или любовь, понимаемая как обладание (не в физиологическом только, а и в нравственном смысле). Даже нравственные поиски, когда они совершаются ради отыскания средств для более благополучного земного обустройства, — и они) могут оказаться бездуховными в своей основе. Так случилось со Львом Толстым, например, отвергшим мысль о спасении, а из всего учения Христа воспринявшим лишь моральные постулаты, которые он хотел приспособить для устройства общественного бытия, но ценность которых в отрыве от Божественного Откровения оказалась весьма сомнительной. Сокровищем земным может оказаться в умах людей и Церковь Христова, когда ее начинают рассматривать, подобно иным политикам-прагматикам, лишь как средство, пригодное для использования в борьбе за власть.

Так или иначе, но тяга к *сокровищам земным* наблюдается на всех уровнях нашего земного существования. И она не может не стать предметом философского и эстетического осмысления.

Но где критерий собирания сокровищ? Как точно определить, что именно собирает человек? Ведь в силу необходимости каждый вынужден существовать в земном мире и не может обходиться вовсе без земных, материальных вещей, связей, мыслей. Христос Спаситель обозначил такой критерий ясно и просто:

«Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6,21).

Но ведь мы вполне определенно ощущаем то, к чему прикипаем мы сердцем, если начинаем вслушиваться в голос совести. (Отчего мы так часто и глушим ее, чтобы отогнать от себя непримиримую истину.)

Вот главная тема русской литературы — противоборство двух раздирающих душу и сердце наших стремлений к *сокровищам небесным* и *сокровищам земным*. Это тема, проблема не просто литературы исключительно, это проблема жизни, творческих поисков (нередко — метаний) и самих писателей, путь которых был отнюдь не прямым и направленным лишь к Горним высотам, но отмеченным многими ошибками, падениями, отступлениями от Истины.

Но — что есть Истина? Вопрос вековечный. Однако для православного сознания такой проблемы нет и не может быть: это вопрос Понтийского Пилата. В Православии Истина есть полнота Личности Христа Спасителя. Православие не занято поиском Истины, оно заботит каждого человека мучительным сознанием своей удаленности от Истины, направляет внимание ко *внутреннему человеку*. И каждый начинает сознать в себе (а не вне себя) то страшное противостояние добра и зла, какое определяет конечную судьбу нашу не во времени, но в вечности.

Человек обречен на выбор между добром и злом, но он усугубляет заключенный в этом трагизм своего существования еще и метаниями между различными пониманиями добра и зла. Эту смятенность души высветила русская литература, сделав ее главным предметом своего сострадательного исследования. Она сумела приобщить читателя к таким внутренним переживаниям, таким терзаниям совести, погрузить его в такие бездны души, о каких имела весьма малое представление литература европейская.

Все проблемы русской литературы многократно усугублены и тем, что гармония обладания небесными дарами искусству секулярному вообще неподвластна. Или, сделаем уступку самолюбию художников, почти неподвластна. Искусство чувствует себя свободным и всесильным лишь в стихии противоречий и конфликтов. Мы должны ясно сознать, что сфера художественного творчества ограничена областью души в системе христианс-

кой трихотомии: тело, душа, дух. Это вовсе не оскорбляет и не принижает искусство, но лишь точно определяет границы его возможностей. Однако пространство душевное столь обширно и необозримо, что искусство и в строго ограниченных пределах вряд ли сможет когда-либо исчерпать предназначенное ему. Точно так, как и корабль, который может плавать лишь внутри пространства, очерченного береговой линией. Вопрос лишь — куда и зачем плыть, ведь океан-то слишком необозрим. Искусство, и литература в частности, может в необозримом пространстве души замкнуться в тех областях, где душа соприкасается с телесным естеством, но может возвыситься и до сфер, пограничных с пребыванием духа. Такова в высших своих достижениях русская литература.

Но знать Истину и следовать Истине не одно и то же. Какая пропасть порою лежит между двумя этими состояниями! И какая мука человеку от ощущения той бездны в самой душе его. Об этом говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Быть духом, иметь духовные потребности и стремления и не находить им удовлетворения — какое мучение для души!»

Эти мучения стали предметом эстетического осмысления и отображения в русской литературе. Но не поводом для отстраненного созерцания и холодного рассудочного анализа, а предметом и собственного душевного терзания художника. Главной причиной таких терзаний стало именно то счастливое (по высшей мерке) обстоятельство, что как ни сильно было западное влияние, как ни победно проникал в российскую жизнь земной соблазн, однако Православие все же оставалось неискорененным, со всей полнотой заключенной в нем Истины, — и никуда не могло исчезнуть. Души были повреждены — да! — но как бы ни блуждала в темных лабиринтах соблазнов общественная и личная жизнь россиян, все равно стрелка духовного компаса упорно указывала прежнее направление, хотя бы большинство и двигалось в прямо противоположном. Западному человеку, скажем еще раз, было проще: для него неповрежденных ориентиров не существовало, так что и сбившись с пути, он порою о том мог и не подозревать вовсе.

Внутренним терзаниям русского человека со стороны дивились, над ними недоумевали и даже насмехались, но они давали прочную закалку, крепили душевные силы, распространяли очищающее влияние на окружающий мир. Это прежде всего запечатлела в себе литература наша.

Мы обязаны трезво осмыслять все отступления от Истины в творчестве и жизни любого писателя (как и любого человека): не для осуждения его, ибо нам заповедано не осуждать (*Мф. 7,1*). Мы должны осознать: в личности и творчестве великого художника обостренно и ярко могут быть выявлены те дурные свой-

тва натуры человека, которые в прикровенном виде существуют и в нас же. Человек чаще узнает грех в другом человеке, если имеет такой грех в себе самом. Я могу, в силу собственной слабости или боязни, не догадываться о своей порабощенности этому греху, но как только я узнал его в другом — я познал его и в себе. Однако не все о том догадываются.

Когда мы трезво распознаем грех в творчестве и в жизни великого художника не для осуждения его, но для осуждения себя, — тогда мы получаем несомненную духовную пользу от общения с литературой. Она помогает распознать то, о чем мы порою даже не подозревали. А это всегда мучительно. Оттого-то многие и не хотят читать про «темные» стороны бытия: в себя заглянуть страшно.

Но что же делать? Устремиться на поиски внешних врагов? Искать их особенно и не нужно: они и так на виду. Но главное-то не в том. Вл. Соловьев, осмысляя Достоевского, сумел дать ответ на терзающие нас вопросы:

«Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, — пока эта темная, основа у нас налицо — не обращена и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее *дело*, и вопрос *что делать* не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела; а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления». Вот что нужно понять: гуманизм (первородный грех, эгоистическое тяготение «все отнести к себе и все определить собою») есть болезнь, несущая все беды нашему страдающему эгоизму. Но чтобы стремиться к подлинному исцелению, необходимо понять, что мы больны. А чтобы это понять, нужен верный критерий здоровья. Этот критерий можно обрести только в Откровении Божиим. Не в человеческих искажениях этого Откровения, а в полноте Христовой Истины, то есть в Православии. Отвержение Православия неизбежно приведет к прогрессированию болезни и к гибели. Поэтому-то необходимо осознать, что Православие есть тот *удерживающий*, о котором говорит Апостол:

«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...» (2 Фес. 2,7).

Удерживающий есть Православие. И не абстрактное, а осуществленное в воцерковленном сознании и типе поведения.

Средоточием этого удерживающего начала ныне является Россия. Именно на Россию Божиим Промыслом была возло-

жена ответственность за судьбу Православия. Русская мысль осознала это достаточно полно, выработав идею Москвы — третьего Рима.

Назначение России — нести в себе удерживающее начало и противостоять тайне беззакония. Ибо в том решаются судьбы мира.

Так осуществляется Промысл Божий. Он осуществляется посредством синергии, соработничества человека с Богом, через соединение воли человека, познавшего смысл своего бытия, с волей Творца — в деле спасения. Христос Спаситель восстановил в Себе, как в Новом Адаме, разорванное единство человеческого бытия. Но человек должен сознательно совершить волевое движение к соединению со Христом. Если он откажется от того, *удерживающий будет взят*. Для соединения же со Христом необходимо пребывание в Православной Церкви.

Подлинно выразил русскую идею Достоевский, когда утвердил: «Правда выше России».

Правда Христова — вот что важно.

Великий смысл бытия русского начала в служении этой Правде. Иначе вся история наша обесмысливается, русские замкнутся в националистическом чванстве и погибнут со всем миром, спасти который призваны.

Мировое зло обрушивается на Россию именно потому, что в ней еще не угасла православная вера. Не против России просто, но против Православия в России направлена вражда мирового зла.

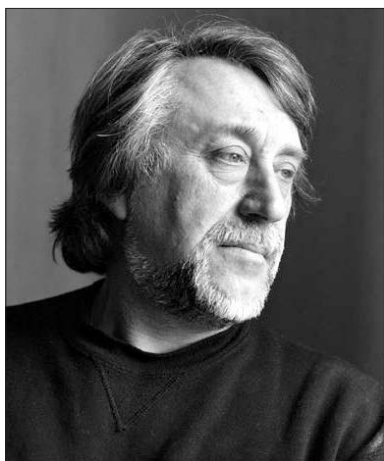
Должно сознать, что вражда «мировой закулисы» к Православию есть выражение бунта *тела* против *духа* и Бога, есть стремление тела окончательно утвердить власть над духом.

Удерживающий именно тело, и душу, и дух наши еще *удерживает* нас в подчинении Богу.

Вот коренные положения, по которым должно осуществляться и наше осмысление искусства, литературы, в частности. Сколько бы ни твердили нынешние либеральные теории, что искусство осуществляется вне какой бы то ни было борьбы, над этой борьбой, — сколько бы ни твердили, — истина в том, что искусство активно действует в пространстве этой борьбы. И здесь оно: или на стороне Удерживающего, или на стороне апостасии. «Кто не со Мною, тот против Меня» (Мф. 12,30). Третьего не дано.

ПОЭЗИЯ

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Кублановский Юрий Михайлович — родился в 1947 году в Рыбинске. Окончил искусствоведческое отделение МГУ. С 1982 по 1989 год находился в эмиграции. Заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир». Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат премии Александра Солженицына. **Живет в Переделкино.**

НА ХОЛМАХ С НЕЗДЕШНИМ СВЕТОМ

На холмах с нездешним светом
колосится воздух-рожь.
Обжигающий при этом
ветер соткан из рогож.

Самолетик малокровный,
уподобясь миражу,
оставляет в ярко-темной
тверди рыхлую межу.

Так лети, лети, служивый,
санным следом сумрак рань,
в жадных поисках наживы
все пространство прикармань:

драгоценную пушнину
зимних гаснущих небес,
ночи звездчатую льдину,
вставшую наперерез

и усыпанную сажей
тех галактик, чей распыл
по сравненью с кровной нашей
скоротечен слишком был.

Но, сорвавшись с выси страшной,
ты, серебряный комар,
не разбей земной пустяшный
елочный стеклянный шар.

В БАЗИЛИКЕ СЕН-ДЕНИ

Тронутые коррозией
листья последних дней.
Осень еще не поздняя,
будет еще поздней.

Раз навсегда таинственный
обруч нам сжал сердца:
каждый из нас — единственный
у своего Отца.

Мы не из касты правящих.
Я, например, в бегах,
будто безвестный прапорщик
в стоптанных сапогах.

Но моего служения,
чтобы о нем узнать,
камерами слежения
скрытыми не заснять.

...Все-таки вавилонскую
жизнь мою искони

что-то роднит с Бретонскою
Анной из Сен-Дени

с мраморными ключицами,
косточками у плеч.
Мы, монархисты, с птицами
схожи, теряя речь.

* * *

...Если даже выпадают фишки
мне по жизни, хоть пиши меморий,
все равно, как Плюшкин у кубышки,
нюхом чую грозные подвижки,
новую нарезку территорий.

Перекрой пространства впрок, а коли
повезет, и времени. Но тише.
Главное, не поддаваться боли,
если лихо делается лише.

Я живу с простым и твердым чувством
приближения к границе жизни.
Только вот не я к ней приближаюсь,
а она проходит возле дома.

Так долой ухватки феодала,
круговую самооборону!
Не шуми, когда берет фортуна
вдруг за горло в нужный ей момент.
Лишь берез серебряные руна
неподвижны вдоль шоссе́йных лент.

ЭЛЕГИЯ САДА МОНСО

Молоко тумана; листва в коррозии
и ее ж на ветках еще ошметки.
С хладнотойкими, очевидно, розами
деревцо, распятое на решетке.
Осень — это всегда анархия.
Двадцать лет тому, а кажись, что давеча
Бродский тут бубнил: «Не моя епархия,
извините, деятельность Исаича».

Много меньше стало в Монсо под снегом
занимающихся спортивным бегом.

...Через год с копейками ход истории
на глазах убыстрился, словно в сказке,
а точнее, какой-то фантасмагории,
к неизвестной только глупцам развязке.
Так что я спешу, твою руку трогая —
как ты их осенью согреваешь? —
досказать посбивчивей то небольшое,
о чем ты еще не знаешь.

ПРЕДГОРЬЯ

Олегу Целкову

Предгорья лучше гор — они волнуются,
их волны разных уровней колышутся,

в заснеженности скудной соревнуются,
и посвисты ветров оттуда слышатся.

Что будет с жизнью, быстро отступающей
к последним рубежам? Еще не знаю, но

возможно, то же, что и с убывающей
лазурью, в чей зенит светило впаяно.

И в парном дрейфе старый коршун ястреба
опережает, как судьбу судьба.

...Я сызмала хворал, бывало, гландами
и помню про синдром совковой выучки.

Но мнится — в приграничье с Нидерландами,
усердный подмастерье, мою кисточки

и в расписной аркообразной горнице
вдруг вижу в утро вещее, погожее

в оконце за плечом у Богородицы
предгорья, на подводный мир похожие.

ПАРИЖ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

Над Сеной ива клонила гриву.
Дождь начинался раз сто на дню.
Народ стоял на ретроспективу
Дега: бега, балерины, ню,
оттенки от голубого к пиву
и дальше — к рыжему и огню.

По-катапультировски раскрывался
мой зонт раскидистый, в меру стар,
и плащ двубортный пообтрепался.
А за углом — сохранился бар,
где к Эренбургу завербовался
в товарищи Элюар.

ЦАРЬ

..Вдруг проснулся не у пыльных полок,
а проникшим в полутемный терем
на подушках Софьи Палеолог
полугосударем-полузверем.
И когда поднес к губам, намятым
за ночь заревую, ковш долбленный,
быстротечной жизни склон покатый
перелился в вал волны соленой.

Да, кажись, я правил этим миром,
где шумят леса до океана,
где зенит меняется с надиром
местом в толще белого тумана.
Нет, не помню, кем я был на свете.
Нынче ж в положение переходном
я уже по щиколотку в Лете,
в мутном молоке ее холодном.

ЦАРЬ (2)

Не в степном зачуханном улусе,
а в лесном московском эмпирее
поднесу к губам, заросшим усом,
золотую чарку романей.
Облачусь в парчовые доспехи,
за оконцем золотые пятна
потускнели листьев и помехи
увеличились тысячекратно.

Впредь ветрам в отместку огрубелым
и путям их неисповедимым
я останусь тут последним Белым
памятным Царем непобедимым.
И покой моей оберегая
родины, чьей гибели не внемлю,
пусть альтернативная, другая
длится жизнь наследовавших землю.

ЕВРАЗИЙСКОЕ

Существую сам, а не по воле
исчисляемых часами дней.
А окрест — непаханое поле,
поле жизни прожитой моей.

Кое-как залеченная рана
неспокойных сумерек вдали.
Писк лисиц в улусе Чингисхана,
вспышки гроз над холмами земли.

Кто-то вновь растерянных смущает
тем, что ждет Россию впереди.
Кто-то мне по новой обещает
много-много музыки в груди.

Разгребал бы я костер руками,
только дождь упорнее огня.
Воевал бы я с большевиками,
только червь воинственной меня.

Взятую когда-то для прокорма
нам тысячелетие спустя
языки стихающего шторма
возвращают гальку, шелестя.

А в степях, в солончаках всю зиму —
не поймешь — средь копий и корзин:
то ль акын соперник муэдзину,
то ль акыну вторит муэдзин.

* * *

Сделалось с годами, допекая,
все слышней дыхание в груди,
с ним таким теперь на пик Синая,
потакая звездам, не взойти.

Кажется, что жизненная квота
вычерпана — но, наоборот,

из кармана заставляет кто-то
доставать затрепанный блокнот.

Словно это юнкер темноокий
у себя в казарме налегке
спит и видит сон про одинокий
и мятежный парус вдалеке.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Дмитрий ЛУШНИКОВ

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ БОЖИЮ

Лушников Дмитрий Юрьевич — родился в 1972 году в городе Салаир Кемеровской области. В 2002 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где преподает «Основное богословие», «Историю русского богословия» и «Историю русской религиозной философии». Кандидат богословия. Живет в Санкт-Петербурге.

«Неописанное слово Отчее из тебе, Богородице, описася вопрошаем, и осквернившийся образ в древнее вообрази, Божественную доброту смеси, во исповедающе спасение, делом и словом сие воображаем»¹.

Кондак недели
Торжества Православия

Человек, формируя свое мировоззрение, т.е. пытаясь ответить на все вопросы, возникающие в его сознании, неизбежным образом встает перед решением самого главного и существенного вопроса — о смысле жизни и, связанного с ним непосредственно, вопроса о смысле смерти. При этом он со всей очевидностью наблюдает в себе две вещи: ненасытную жажду бессмертия и стремление жить не одной только физической жизнью, состоящей в удовлетворении биологических потребностей: «...два близкие между собой желания, как два невидимых крыла поднимают душу человеческую над остальной природой: желание бессмертия и желание правды, или нравственного совершенства»².

Для думающей и стремящейся к совершенству личности, самодовлеющее животное наслаждение есть глубочайшее мучение, трагедия жизни. «Добрая душа страдает, ничем земным не удовлетворяется, ищет небесного, старается пос-

¹ Постная Триодь. М., 1974, с. 147.

² Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Собр. соч. т. 3. Брюссель, 1966, с. 305.

тигнуть непонятное и смиряется только перед непостижимым»³. Другими словами, у человека «на какой бы он ступени развития ни стоял, есть потребность жить высшей духовной жизнью, чем та, которую он видит вокруг себя»⁴. В тоже время человек замечает, что в нем самом что-то противостоит всем его благим устремлениям, осуществлению того, к чему человек, как разумное существо, стремится, противоположное и непонятное закону ума и, в тоже время, заставляющее человека выполнять его «повеления»; *«не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»* (Рим, 7:15).

Но что же это за темная сила в человеке, властно проявляющая себя и довлеющая над его сознанием? И есть ли для человека хоть какая-то возможность справиться с ней, освободиться от ее господства для того, чтобы реализовать себя как духовное, отличное от всего окружающего мира существо?

Вообще этот феномен психической жизни человека в психологии получил название «закона иррационального противоборства», открытого нансийской школой психологии (Куэ, Бодуэн), и привлечшего к себе пристальное внимание.

Действует этот закон как «стихийное "не хочу", побуждающее в нас отрицательный моральный запрет»⁵, и, по мнению апостола Павла, коренится он в «плоти». Но «понятие о плотском не следует смешивать с понятием о телесном»⁶, это именно то, что в психологии принято относить к понятию подсознания или бессознательного.

С давних времен мыслящее человечество интересовалось этими вопросами, но «решение их, несмотря на все усилия ума ускользало от него, как ртуть между пальцами»⁷. И связано это с тем, что «само существо человеческой души и ее отношение к телу недоступны для нашего сознания»⁸. Тем не менее мы можем судить о свойствах, способностях нашей души, поэтому то явления душевной жизни, до такой степени разнообразные и своеобразные, удивительные и загадочные, что познание их законов всегда во все времена составляло важнейший предмет человеческого знания»⁹.

³ Аврелин М. Секрет творчества // Вопросы философии и психологии, кн. 17, 1893, с. 237.

⁴ Глаголев С.С. Мистерии на берегах Конго // Богословский вестник, 1907, т. 3, 12, с. 720.

⁵ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. Соч. т. 2. М., 1996, с. 408.

⁶ Соловьев В.С. Оправдание добра. Собр. соч. т. 8. Брюссель, 1966, с. 72.

⁷ Харитонов Ф. К вопросу о сознании // Вопросы философии и психологии, кн. 14, 1892, с. 108.

⁸ Иоанн Златоуст, свт. Творения. т. 1. кн. 2. Сергиев Посад, 1895, с. 528.

⁹ Давыденко В. Святоотеческое учение о душе // Вера и разум, 1902, 14, с. 429.

При этом можно с четкостью констатировать тот факт, что существует некоторая область, на которую не распространяется власть сознания, в которой «бессознательное эмансипируется, где направление и характер действий определяются не выставленной сознанием целью, а другими целями, лежащими ниже порога сознания»¹⁰.

Характер бессознательного, его роль в душевной жизни человека по разному оценивается психологами и исследователями. Одни определяют его как «некое чужеродное тело, проникшее в психику, не связанное с сознанием прочными ассоциативными связями и потому разрывающее единство сознания»¹¹, другие как «внутреннее сознание, которого мы теперь не ведаем, но которое и образует первоначальное ядро всякой индивидуальности»¹².

Не попадая в сферу внимания нашего сознания, подсознательное, тем не менее, оказывает ощутимое влияние на нашу душевную деятельность. Она является как бы «магнитным полем, внутри которого, подобно стрелке компаса, вращается центр нашей духовной энергии»¹³. Все наши инстинкты, привычки, произвольные движения, наши настроения, симпатии и антипатии, предрассудки, интуиции, предположения, фантазии, убеждения, сны и т.д. непосредственно связаны с деятельностью подсознательного. В нем находят себе прочный приют множество мимолетных впечатлений, часто почти не замечаемых сознанием. И весь этот материал существует не беспорядочно, а приводится в некую систему, «речь идет о существовании и постоянном возникновении психических образований с особым субъективным содержанием вне и помимо сознания»¹⁴.

Есть предположение, что самый акт нашего мышления, как таковой, осуществляется вне нашего сознания, поскольку «вслед за явлением какой либо мысли в нашем сознании, мы незаметным образом погружаемся в обсуждение ее, затем снова в нашем сознании всплывает та же мысль и противопоставление ее чему либо другому, далее мы снова отдаемся бессознательному суждению и, наконец, после целой цепи бессознательных звеньев мышления, соединенных кратковременно промелькивающими сознательными моментами, перед нами всплывает то или иное

¹⁰ *Мордухай-Боговский Д.* Случай и бессознательное // Вопросы философии и психологии, кн. 115, 1912, с. 102.

¹¹ *Бахтин В.* Фрейдизм / Под маской. М., 1993, с. 26.

¹² *Соловьев В.С.* Современное состояние вопроса о медиумизме // Вопросы философии и психологии, кн. 23, с. 427.

¹³ *Дмитриевский И., свящ.* Теософия — религия нашего времени // Вера и разум, 1911, 12, с. 762.

¹⁴ *Лопатин Л. М.* К вопросу о бессознательной душевной жизни // Вопросы философии и психологии, кн. 54, 1900, с. 748.

решение, или стремление, которое путем известных действий приводится к тому или иному осуществлению. Таким образом, громадная доля так называемого сознательного мышления, лучше сказать — мышления, по временам освещаемого сознанием, протекает в области неведомого, недостижимого для нас»¹⁵.

Но неверно было бы понимать подсознание только как источник чего-то низменного и темного. Из него могут происходить как злые, так и добрые деяния, в нем возникают все наши мистические переживания, в нем заложены и корни религии, оно — таинственная сфера соприкосновения нашего «Я» с Источником бытия. «Подсознательное иррационально не только в смысле низшей своей сферы, соприкасающейся с «плотью», но и в смысле высшей, соприкасающейся с «духом» и являющейся органом духа; его иррациональность, глубина и бездна обнимают как высшие мистические переживания, так и низшие "утробные" влечения»¹⁶.

В библейской терминологии подсознание может быть сближено с понятием сердца — «скрытого сокровенного центра личности... основной орган религиозных переживаний, орган для восприятия Божественного Слова и Духа Святого, в который изливается божественная любовь (Мф. 13:19; Мк. 4:15; 7:9; Лк. 8:12,15; 24:23; Деян. 2:27; 7:54 и т.д.)... сердце есть более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух»¹⁷.

Но может ли человек овладеть этими подсознательными силами своего естества, этой концентрацией всех потенций души? Направить их в нужное ему русло? Другими словами, способно ли подсознание реализовывать себя в высших своих проявлениях? Для ответа на эти вопросы необходимо определить если не сущность подсознательного, то по крайней мере, глубинную динамическую направленность этой психической энергии человека.

Здесь мы должны остановить свое внимание на понятии «эроса», как силы, определяющей природу подсознания,

Для Фрейда эрос, как синоним влечения к жизни, сводится к психической энергии, направленной на удовлетворение сексуальных потребностей. Естественно, что при таком понимании внутренней сущности подсознательного, никакого места для возведения его к высшему смыслу, никакой возможности для облагораживания, сублимации здесь быть не может. Но все же и Фрейд допускал некоторую степень сублимации, понимая ее, как «от-

¹⁵ Шаталов Н.Ф. Бессознательная психическая деятельность и ее роль в жизни человека // Вопросы философии и психологии, кн. 43, 1998, с. 183.

¹⁶ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994, с. 45.

¹⁷ Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // Путь, 1925, 4, сс. 60-62.

клонение энергии сексуальных влечений от их прямой цели, получения удовольствия и продолжения рода, и направления их к несексуальным (социальным) целям»¹⁸, т.е. речь идет о некоей «социальной сублимации» в рамках социального развития.

Этот факт немаловажен, так как доказывает саму возможность возвышения подсознательного, хотя бы и в таком ущербном виде. Большого от Фрейда и нельзя требовать, поскольку «будучи бескомпромиссным атеистом, считая религию несовместимой с опытом и разумом, он видел в ней лишь форму массового невроза, имеющего в основе психосексуальные отношения»¹⁹.

Бесконечно большее содержание объемлет в себе учение об эросе у Платона. Эрос там представляет собой «существенную несводимую функцию души, функцию стремления, уходящую в бесконечность и многообразную по содержанию, но всегда направленную на возрастание бытия»²⁰; это — некая жажда жизни, стремление к ее полнейшему осуществлению, «стремление к красоте, жажда гармонии, жажда полной и вечно прекрасной жизни»²¹. Другими словами, платоновский эрос — это «рождение в красоте для бессмертия,... средство единения богов и идей»²² или «силы, ведущие человека к богам»²³. Таким образом мы видим, что Платон предвосхищает христианское понимание эроса, как жажды воплощения, преображения, воскресения, как жажды обожения.

Итак, мы выяснили, что в самой природе подсознательного заложена некая скрытая потенция или склонность к сублимации, «В этом источник того огня, который одушевляет нас изнутри, той силы, которая неустанно и неутомимо влечет нас всегда вперед»²⁴. И основное свойство подсознательного заключается в способности действительного развития, в постоянном раскрытии новых проявлений, новых актов, непосредственно расширяющих конкретные содержания, «это коренной признак его — развитие, расширение, всестороннее разрастание жизни»²⁵.

¹⁸ См.: Соколова Е.Е. Краткий словарь психоаналитических терминов / Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989, с. 442.

¹⁹ Ярошевский М.Г. З. Фрейд — выдающийся исследователь психической жизни / Фрейд З. Психологии бессознательного. М., 1980, с. 25.

²⁰ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса, с. 46

²¹ Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в древней философии в связи с развитием идеализма // Вопросы философии и психологии, кн. 36, 1897, с. 100.

²² Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Вопросы философии, 1988, 12 с. 134, 138.

²³ Платон. Пир, 202 с. СПб., 1992, с. 36.

²⁴ Зинковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993, с. 52.

²⁵ Лопатин Л.М. Теоретические основы нравственной жизни // Вопросы философии и психологии, кн. 5, 1890, с. 50.

Но каким законам подчиняется этот процесс? Что является определяющим фактором его осуществления? Может ли как-то воздействовать на его развитие сознание человека, или же оно остается совершенно безучастным?

Следует сразу указать на то, что отмеченное ранее воздействие бессознательного на сознание не является безграничным и беспредельным, «само наличие стыда, жалости и благоговения, или преклонение перед высшим, есть ничто иное, как реакция духовной природы против грозящего ей подавления и поглощения со стороны низших сил»²⁶. Более того, «человек только тем и отличается от других тварей, что инстинкты, которые в них властвуют магически и непобедимо, над человеком теряют свое неограниченное могущество»²⁷. И понятными тогда становятся слова выдающегося русского психолога, одного из основателей журнала «Вопросы философии и психологии» Н.Я. Грота, который утверждал, что «высшая цель человека — овладеть самим собой, сделать из своего организма орудие своей воли, усовершенствовать свои нравственные и умственные силы, выработать свой характер, подчинить разуму свои страсти»²⁸.

Но, к сожалению, как показывает практика, сделать это только усилием воли невозможно. Наличие воли в человеке, естественно, представляет собой позитивный момент для спасения, но она, хотя и не до конца подчиняется подсознанию, все же не властна над ним, и, следовательно, требуется другая способность души, могущая привести человеческую сущность к совершенству.

Такой способностью, могущей «заставить» сублимировать подсознание, возвести человеческое существо, его внутреннюю психическую сущность к совершенству, через преодоление ее разобщенности, которая выражается во внутреннем противоборстве, является, по мнению Б.П. Вышеславцева, «воображение».

В обывательском понимании значения слова воображение предстает как способность человека к умозрительному представлению, к фантазии. Но на самом деле понятие воображения имеет так же и глубокий метафизический смысл, и означает вхождение во образ чего-то, т.е. предполагает возникновение определенной онтологической связи, ранее не существовавшей. Именно такое значение слово воображение имеет в славянском языке (см. словарь В. Дала).

²⁶ Соловьев В.С. Первичные данные нравственности // Вопросы философии и психологии, кн. 24, 1894, с. 380.

²⁷ Лопатин А.М. Критики эмпирических начал нравственности // Вопросы философии и психологии, кн. 3, 1890, с. 65.

²⁸ Грот И.Я. Жизненные задачи психологии // Вопросы философии и психологии, кн. 4, 1890, с. 74.

Но что же это за сила воображение? Как она действует и каким законам подчиняется?

Еще святой Иоанн Дамаскин писал, что «способность воображать есть сила неразумной части души»²⁹, подобное мы можем прочесть и у Никодима Святогорца: «воображение есть сила неразумная, действующая большей частью механически, по законам сочетания образов»³⁰. Эти непонятные законы есть ничто иное, как бессознательное творчество воображения, когда явно что-то создается в нас, принимая иногда очень интенсивный характер, при этом наше сознание остается в совершенно страдательном положении.

Таким образом, мы установили, что воображение не относится к деятельности сознания, и при этом влияние воображения на формирование личности переоценить трудно. Освещение вопроса стало возможным во многом благодаря труду Б.П. Вышеславцева «Этика преображенного эроса», где он убедительно показывает психологическую сущность, метафизическое, этическое и мистическое значение воображения.

Воображение, по его мнению, обладает удивительной способностью влияния на человека. «Мощь положительного образа есть нечто изумительное, она становится настоящим чудом и источником чудес, когда этот образ проникает в подсознание»³¹. Введение при помощи воображения прекрасного образа в подсознание реализует природную склонность эроса к сублимации, его устремленность к прекрасному. «Воображение вносит в темную область подсознания прекрасные образы, пробуждая любовь к ним, оно преобразует инстинкты и таким путем ведет к воплощению их, к магическому творению новой реальности»³².

Наиболее наглядная и исключительная роль воображения проявляется в сфере искусства, творчества, которое охватывает всю нашу жизнь. «Искусство есть творческое воображение, иначе говоря воплощение любимого образа — в камне, в цвете, в звуке, в жесте, в плоти и крови»³³. Таким образом, воображение неразрывно связано с воплощением, т.е. образы творческой фантазии имеют не только субъективное, но прежде всего объективное значение. «Способность воображения есть способность творческого порождения новых содержаний бытия, точнее новых «сущностей», воплощение которых в бытии уже «техни-

²⁹ Иоанн Дамаскин, *прп.* Точное изложение православной веры, М., 1992, с. 60.

³⁰ Никодим Святогорец. Невидимая брань. М., 1912, с. 114.

³¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса, с. 52.

³² Лосский И.О. История русской философии. М., 1994, с. 417.

³³ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса, там же.

ческая проблема»³⁴. Из всего сказанного для нас важно подчеркнуть, что воображение образов есть начало их воплощения в бытии, по крайней мере в бытии личном.

В христианской традиции тема и самый опыт сублимации подсознательного получает особое значение, приобретает особую направленность, так как человек, согласно Священному Писанию, сотворен по образу и подобию Божию. Конкретизируя тайну Откровения о человеке, некоторые отцы и учителя Церкви (свт. Ириней Лионский, Тертуллиан) говорят, что человек был сотворен по образу того человечества, которое предстояло воспринять Богу-Слову в Его воплощении. Поэтому только образ Христа — всего Его домостроительства плоти — может проникать в предельные глубины человеческого сердца и сублимировать его с высшей степенью интенсивности, «*доколе не изобразится*» в нем «Христос» (Гал. 4:19). Следовательно, действие воображения напрямую связано с осуществлением главной цели человеческого бытия: «*стать причастниками Божеского естества*» (2 Петр, 1:4) и этим преодолеть смерть и нравственное несовершенство.

Здесь важно обратить внимание на то, что воображение действует не как какая-то стихийная сила, «значение смысла образа не может исходить только из сознания или только из бессознательного, но только из их взаимного соотношения»³⁵. Сублимация достигается не только деятельностью воображения, но и силой свободной воли. «Не воображение, а свободная воля решает, вступить ли на путь сублимации или профанации эроса; совершив это избрание, воля обращается к помощи воображения, для того, чтобы обходным путем преодолеть сопротивление плоти»³⁶. Но, с другой стороны, воображение не находится под прямым контролем воли. В конфликте между волей и воображением побеждает последнее. Воля может победить воображение только в том случае, если сделает из воображения своего союзника, а не врага. Иначе говоря, необходим процесс «не разрушения и подавления эмоций и ощущений, но их переориентация на высшее Благо, т.е. устремление их к Богу, взыскание Которого, обозначается в качестве желания блаженства»³⁷.

Далее мы считаем необходимым показать, что приведенные выше соображения не являются каким-то отвлеченным теоретизированием, но находят свое подтверждение или разрешение в практике аскетического христианского делания. Для отцов Цер-

³⁴ Левицкий С.А. Трагедия свободы. Соч. т. 1, М., 1990, с. 155.

³⁵ Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1992, с. 101.

³⁶ Лосский И.О. История русской философии, с. 418.

³⁷ Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1908, с. 110.

кви обожение, т.е. воображение в себе Христа, не есть только идея или теория, а прежде всего факт их внутренней жизни.

Действие воли, как направленности всего человеческого существа, находит свое выражение в любви. Стремление к благу, духовному совершенству, его желание и есть первоначальный источник любви в человеке, «воля блага есть любовь в своей внутренней сущности»³⁸. Воображение же культивирует тот образ, в отношении которого может реализовывать себя любовь.

Любить невозможно какую-то абстракцию, необходим образ, причем не созданный мечтой, а реально существующий. «Христианская мистика представляет Божество не в образе безличной монады а в образе совершеннейшей личности, в образе ипостасной любви. Живое представление такой личности наполняет сердце мистика чувством неизреченного восторга и служит интенсивнейшим стимулом, побуждающим его искать наитеснейшего общения с Божеством»³⁹.

Любовь, разрастаясь и разгораясь, «поглощает в себе все душевные движения в человеке»⁴⁰, это когда душа ничего из существующего не предпочитает познанию Бога. Любовь выступает «силой связи и единства»⁴¹, а не просто субъективным психологическим состоянием. Любовь становится «онтологической связью любимого бытия с любящим существом,... некоей онтологической перестройкой»⁴².

Именно такое тесное общение с Богом в любви делает возможным процесс обожения.

Итак, любовь ко Христу составляет господствующую стихию, движущий нерв настроения христианина, «это — почва на которой только и может возникнуть и возрасти действительное и реальное общение со Христом»⁴³.

Любовь с психологической необходимостью требует внутреннего уподобления Христу. На практике это всепоглощающая любовь к Богу может достигаться при помощи молитвы Иисусовой, когда человек устраняет все образы, возникающие в его сознании, и концентрируется на едином Божественном образе. «Обработка эмоциональных подсознательных глубин личности, глубин сердечных совершается при помощи молитвы Иисусовой,

³⁸ Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Собр. соч. т. 3. Брюссель, 1966, с. 108.

³⁹ Минин П. Главные направления древнецерковной мистики. Сергиев Посад, 1915, с. 6.

⁴⁰ Флоровский Г., прот. Прп. Максим Исповедник / Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб. 1997, с. LXIII.

⁴¹ Флоровский Г., прот. Corpus Areopagiticum / Дионисий Ареопагитум. О небесной иерархии. СПб., 1997, с. XXII.

⁴² Лосский И.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. с. 180.

⁴³ Зарин С.М. Аскетизм по православному христианскому учению. М., 1996. с. 67.

которая вводит Божественное имя и образ Богочеловека в наше подсознание»⁴⁴. Бог начинает обитать в человеческом существе, и это обитание Бога должно пониматься не только как нравственное, внешнее и поверхностное единство, а «как существенное, как бы физическое обитание в смертной природе человека бессмертного божественного естества»⁴⁵.

Но нельзя понимать использование молитвы Иисусовой и воображение образа Христова как какое-то магическое действие. Она «не является, техническим средством стяжания благодати»⁴⁶. Действие, которое оказывает образ Христа на подсознание, лишь только подготавливает его к принятию Христа, но вовсе не заставляет Христа воображаться в душе. «Спасение человека, его обновление достигается не высвобождением каких-то природных энергий, присущих тварному бытию человека, но энергиями самого Бога, который через них встречается с человеком, объемлет его и приемлет в общение с Собой»⁴⁷.

И действительно, образ и воображение могут обладать преобразующей силой лишь при участии благодати Божией, даже сама подготовка к реальному единению со Христом, т.е. сублимация внутренней сущности человека, невозможна без участия благодати Божией.

Именно этот момент, на наш взгляд, упущен Б.П. Вышеславцевым в его теории воображения, по которой довлеющую роль играет личность человека, а Богу отводится некая пассивная роль «наблюдателя»; в лучшем случае участие Бога сводится к Воплощению, как некоему историческому фактору, создавшему возможность посредством явленного образа, воображать его в человеке, и тем сублимировать в человеческой сущности. «Вышеславцеву не хватает понятия спасения»⁴⁸. Поэтому, факторами таинственного возрождения человека следует считать «с одной стороны, благодать Божию, подаваемую Иисусом Христом, а с другой — деятельное состояние человека, его постоянное устремление, движение навстречу благодати»⁴⁹. Поэтому вообразить в себе Христа, т.е. прийти с Ним в онтологическое единство, нельзя собственными силами, ведя лишь борьбу с ложными

⁴⁴ Вышеславцев Б.П. Предисловие / Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж, 1930. с. 3.

⁴⁵ Попов И. Религиозный идеал св. Афанасия // Богословский вестник, 1904, март, с. 449.

⁴⁶ Мейендорф И., прот. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997, с. 202.

⁴⁷ Флоровский Г. прот. Святитель Григорий Палама и традиции отцов / Флоровский Г. прот. Догмат и история. М., 1998, с. 390.

⁴⁸ Зинковский В.В. История русской философии. т. 2, ч. 2. Л., 1991. с. 121.

⁴⁹ Муравьев В. Новый человек — по учению ап. Павла // Вера и разум» 1922, с. 614.

образами и дурным воображением. Прп. Паисий Величковский пишет, что «если кто дерзнет восходить на таковые видения помимо света благодати Божией, пусть знает, что он воображает, по Григорию Синаиту, мечтания»⁵⁰. И это вполне понятно, так как причина смещения ложных образов с истинными лежит в самом человеке — в его безблагодатности. Подвижники Иисусовой молитвы решительно боролись с таким видом «творчества», потому что «оно является процессом, обратным по порядку действительного бытия, так как при этом человек творит Бога по образу Своему и подобию»⁵¹.

Подлинное же мистическое восприятие образа Христа возможно не как следствие воображения чувственных телесных образов, а как плод живого благодатного воздействия на душу, когда «тот, кто имеет вообразившимся в себе Христа, знает движения Его и взыграния, т.е. осияние и облистание Его, и видит внутри себя воображение Христа. Причем видит всушественно, невидимо видимым и недомыслимо постигаемым, в образе безобразном и в виде безвидном»⁵², — так описывает прп. Симеон Новый Богослов то мистическое онтологическое единство со Христом, которого удостаивается человек.

Чтобы понять возможность взаимодействия души человеческой и Логоса, а вместе с тем и возможность обожения, необходимо принимать во внимание два фактора; то, что человек есть образ Божий и то, что в воплощении Христовом произошло действительное соединение Божественной и человеческой природы. Имея в себе образ Божий, человек уже изначально имеет в себе возможность онтологического единения с Богом. «О чудо!» — восклицает прп. Симеон Новый Богослов, — «о непостижимый дар благодати! Что в образе Божиим люди бывают и что никем невместимый Бог может образовываться в них»⁵³. Воплощение же Спасителя явилось преодолением той пропасти, той разобщенности между Богом и человеком, которое было следствием грехопадения человека. Следствием воплощения стало то, что в лице Иисуса Христа человеческая природа приняла участие в свойствах Божественной природы, достигла высшей степени своего развития. Человеческая природа была реально обожена в лице Иисуса Христа, ипостасно соединившись с Бесконечным, Вечным, Божественным. «Само Божество приобщилось челове-

⁵⁰ Четвериков С., *прот.* Путь умного делания и духовного трезвения // Путь, 3, 1926, с. 57.

⁵¹ Софроний (Сахаров), *архим.* Старец Силуан, жизнь и поучения. М., 1991, с. 138.

⁵² Аникеев П.П. Апология. мистики по творениям прп. Симеона Нового Богослова // Христианское чтение, 1915, II, с. 406.

⁵³ Василий (Кривошеин), *архиеп.* Прп. Симеон Новый Богослов. Н.-Новгород, 1996, с. 425.

честву, а человечество в божестве обожилось»⁵⁴. А прп. Максим Исповедник говорит о том, что «воплощение — первая и безусловная цель творения, конечная цель — именно само воплощение, с последующим нашим вхождением в Тело Воплотившегося»⁵⁵. Другими словами своим воплощением Христос показал для чего был сотворен человек, а именно, для восхождения к славе обожения, через что вся тварь «исполняется в Боге». Человеку изначально присуща способность воплощать, воспринимать и усваивать качества Божественной жизни, воображая в себе Бога.

Поэтому воображение, мыслимое не психически, а аскетико-сотериологически, выступает, прежде всего, как сообщенное человеческой природе свойство воспринимать в себе Божество и восходить в порядок Божественной жизни, и реально оно может осуществиться во Христе или через Христа. Без Христа, без Его динамического участия, только лишь силами самого человека, эта возможность воображать неосуществима в своей заданности и деградирует или вырождается в магизм.

Вообще можно сказать, что магизм воображения стал присущ деятельностью человека после его грехопадения. Ведь магизм основывается на стремлении человека постичь духовный мир, но не просто постичь, а заставить служить его себе. Это стремление является следствием извращения такого религиозного «таланта» человека, как стремление к богообщению. Человек пытается построить это общение на желании утвердить свою власть и волю над высшим. Так, например, являясь прикладной частью каббалы, «магия выражается в ней в целесообразном употреблении имен Божиих для произведения различных чудес»⁵⁶. Причиной такого поведения человека стала, по мнению исследователей, метафизическая катастрофа, оторвавшая человека от полноты непосредственного созерцания Бога. «В магизме скрыта та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человека: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы»⁵⁷. Магизм исходит из убеждения, что высшую силу можно заставить подчиниться, нужно лишь найти ключ, слово, действие.

Магическое качество может приобретать сознание всякого человека, в том числе и христианина. «Яркий пример магизма в христианской практике — крещение или причащение челове-

⁵⁴ Скурят К.Б. Учение об обожении / О вере и нравственности по учению православной Церкви. Л., 1991, с. 193.

⁵⁵ Флоровский Г, *прот.* *Сир Deus Homo?* О причине воплощения / Флоровский Г. *прот.* Догмат и история. М., 1998, с. 160.

⁵⁶ Соловьев В.С. Каббала. Статьи из энцикл. словаря. Соб. соч. т. 10. Брюссель, 1966, с. 343.

⁵⁷ Светлов Э. [*—Мень А., прот.*] Магизм и единобожие. Брюссель, 1971, с. 77.

ка по принуждению или по чисто житейским побуждениям (например, чтобы не болеть), а не по вере. Магическое восприятие культа является вообще одной из главных причин вырождения христианской религии, ее искажения, причиной роста язычества, особенно атеизма, оккультизма и сатанизма»⁵⁸.

Но для нас важно показать возможность и характер действия воображения как свойства человеческой сущности, которое может приводить к практическому осуществлению тех или иных форм сверхъестественных явлений, причем последние принято относить к магизму в широком смысле этого слова.

Спектр упомянутых явлений очень широк, сюда относятся: ясновидения, гадания, способность действовать на расстоянии, «умение останавливать и вызывать жизненные процессы одним властным внушением, создавать пластические формы или материализовывать духовные сущности и де-материализовывать телесные»⁵⁹, вся область медиумических и спиритических явлений, некромантия и т. п. И все это становится возможным во многом благодаря действию воображения, которое «лежит в существе магии и обладает бесконечно большей силой, чем люди «воображают», что оно обладает магической силой»⁶⁰.

Вообще, воображение является ценнейшим, но и опаснейшим даром. «Сосредоточение внимания на определенных образах усиливает присущую образу тенденцию к воплощению»⁶¹, поэтому воображение может быть не только мощной творческой, но и стихийной разрушительной силой. Образ, проникая в подсознание, может как бы овладевать всем нашим существом. «Магия воображения состоит в том, что человек становится тем, что он воображает, а мир становится таким, каким мы его воображаем»⁶².

Постараемся проиллюстрировать высказанные положения.

Даже не входя в сферу сверхъестественного, мы можем наблюдать действие воображения на человека. Например, в театре у актеров, которые пытаются «войти в образ», т.е. пытаюсь представить воображаемое, как реально существующее или ожидаемое в своем осуществлении. «Мы можем зафиксировать вегетативные изменения: побледнение, покраснение, слезы, дрожь и т.д., происходящие на основе воображения или вызова посредством стимуляции возникновения соответствующей воображаемому установки»⁶³.

⁵⁸ Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М. 1997, с. 269.

⁵⁹ Соловьев В.С. Мистика, мистицизм. Статьи из энцикл. словаря. Собр. соч. т. 10. Брюссель, 1966, с. 243.

⁶⁰ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса, с. 61.

⁶¹ Левитский С.А. Трагедия свободы. Соч. т. 1, М., 1996, с. 160.

⁶² Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса, с. 62.

⁶³ Наталге Р.Г. Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972, с. 72.

Но, конечно, «серьезное» использование воображения, связано, прежде всего, со стремлением достигнуть главной цели человеческого существования — единения с Богом, при этом «внехристианский мистик стремится достигнуть этой цели без всякого постороннего посредства, при помощи одних лишь собственных сил»⁶⁴. И обычно это находит выражение в процессе постепенного абстрагирования и удаления содержания сознания путем концентрации внимания на одной какой-нибудь идее или образе: «такова психическая природа индусской йоги, браманского самади, буддийской дьяны, суфийского мелекут»⁶⁵. Концентрация внимания на одном образе влечет за собой опустошение сознания от всего того, что не связано с этой идеей. И по мере того, как поле сознания суживается, образ приобретает все большее господство и усиливается в своей интенсивности связанное с ним чувство, постепенно поглощая собой человеческое сознание и все его существо. «В случае концентрации внимания на каком либо одном пункте наблюдается изменение личности»⁶⁶.

Ошибочно было бы полагать, что созерцательная практика восточных мистиков напрочь лишена каких-либо образов. Человек так устроен, что он не может мыслить безобразно. Так например мистическая практика секты суфиев (основатель Абу-Саид-Аби-л-Хайра) предполагала вместе с размышлением о соединении с божеством, призыванием имени Божия (Зикр), также «представление божества под видом красавицы, которого она есть символ, идеал, видимое выражение»⁶⁷.

Индийский мудрец Шри-Шанкара-Ачария, один из идейных деятелей «реабилитации» браманизма, в своем стремлении к безличному абсолюту, обращается все же к некоторому посреднику за помощью, а значит имеет перед собой какой-то образ, пусть неясный и неопределенный: «отдаюсь во власть твою, о наставник, друг удрученного мира и река самоотверженной доброты»⁶⁸. Но и до него браманские аскеты для достижения созерцательной способности сосредотачивали внимание на каком-либо блестящем предмете, каким могли быть: солнце, поверхность воды, драгоценные камни и т.д., и при этом они бесконечно повторяли таинственное слово «аум» (оно), т.е. брама — абсолютный дух⁶⁹.

⁶⁴ Иванов С. Мистика ареопагитик // Вера и разум, 1914, 6, с. 699

⁶⁵ Минин П. Мистицизм и его природа // Богословский вестник, 1911, т. 1, апрель, с. 816.

⁶⁶ Струминский М., свящ. Изменения и раздвоения личности // Вера и разум, 1917, 1, с. 157.

⁶⁷ Уманец С. Религиозная метафизика мусульманского Востока // Вопросы философии и психологии, кн. 7, 1891, с. 62-63.

⁶⁸ Джонстон В. Шри-Шанкара-Ачария, мудрец индийский // Вопросы философии и психологии, кн. 36, 1897, с. 23.

⁶⁹ Минин П. Мистицизм и его природа, с. 816.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что воображение играло ключевую роль в мистической практике разнообразных религиозных течений Востока. Это делание направлено, прежде всего, на раскрытие таинственных сил человека, подчинение его воле скрытых процессов, «на овладение могуществом таящихся в человеке духовных сил»⁷⁰. Одним из наиболее ярких примеров этого может служить практика йогизма. «Йога основана мудрецом Патанджами и является одним из шести «ортодоксальных» философских направлений Индии»⁷¹, и, будучи крайним напряжением психофизических способностей человека, позволяет практикующему йогу творить удивительные «чудеса»: «магическим путем сообщаться через избранных лиц с людьми на любом расстоянии, давать ответы на письма, невидимым образом перебрасывать через закрытые двери и так далее»⁷². Эти чудеса, представляют собой ничто иное, как «действие психической силы, от йога зависящей и от него исходящей»⁷³.

Подобную же картину можно наблюдать и у буддистов, которые не верят в чудеса, как проявления сверхъестественной силы. Все чудеса, по их мнению, совершаются естественными силами, и существует даже специальная практика для приобретения этой чудодейственной силы — Локоттара, существом своим имеющая внутреннее саморазвитие индивидуума⁷⁴.

Интересные явления можно увидеть в тибетском направлении буддизма — ламаизме, который представляет собой синкретическое объединение индийского буддизма и древней религии Бон. «Крупнейший знаток магии Подмасамбхаву включил местных тибетских богов в буддийский пантеон божеств в качестве дхармапал — защитников буддийской веры, тем самым заложил новое направление буддизма, включившего в себя элементы бонской религии»⁷⁵.

В ламаизме существует некий таинственный обряд — «закливание со стрелой», употребляющийся как способ отыскания потерянной вещи и состоящий в том, что лама дает кому-нибудь из желающих стрелу и после некоторых приготовлений, начинает произносить заклинательную молитву, при этом стрела начинает дрожать в руке и, двигаясь, увлекает держащего к месту, где находится утерянная вещь. Очевидец этих событий относит уви-

⁷⁰ Булгаков П. Философия йогизма // Вера и разум, 1914, 21, с. 410-411.

⁷¹ Джонстон В. Очерк Бхагавадгити // Вопросы психологии и философии, кн. 47, 1899, с. 204.

⁷² Р. Современная теософия в России // Вера и разум, 1910, 21, с. 497.

⁷³ Р. Из области мистических исканий // Вера и разум, 1913, 23, с. 654.

⁷⁴ Бергс А.Л. Христианское вероучение и буддизм // Вера и разум, 1902, 8, с. 357.

⁷⁵ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон. СПб., 1998, с. 298.

денное им «не внешнему влиянию данного момента, а тем идеям, которые были в сознании человека раньше. Его убеждение, что стрела его потащит, доходила до слепой веры, он знал, что рука будет качаться и что он не в силах будет ее остановить. Нужен был только толчок, как ослабление под действием чтения ламы сознания, что привело к бессознательным действиям. Воображение создало движение»⁷⁶.

Но одно дело Восток с особенностями его метафизических представлений и своеобразием духовной жизни, когда происходящее там западному сознанию может показаться чем-то далеким и почти нереальным. Другое дело, когда проявления воображения как магизма мы наблюдаем в культуре европейской.

Так для западного христианства характерно явление стигматизации, т.е. появления на теле человека ран или язв, подобно язвам на теле Спасителя. По мнению исследователей, раны на теле человека появляются как следствие интенсивного представления страданий Христа на Кресте. Воображение носит характер прочувствования и напряженности, что приводит к экстатическому состоянию и появлению ран на теле. Более того, некоторые стигматизированные в пятницу, вспоминая момент смерти Спасителя, впадали в бессознательное состояние, которое продолжалось до утра воскресения, когда они как бы воскресали со Христом. Но «нет оснований считать стигматизацию действием или явлением чудесным, каким-то особым дарованием Духа Святого, стигматизация есть действие яркого, живого воображения, направленного на созерцание телесных страданий Христа»⁷⁷. Обладавшие наиболее пламенным, чувствительным, живым воображением могли, «сосредотачиваясь на крестных страданиях Спасителя, свободной силой воображения разгонять свою кровь по соответствующим направлениям, т.е. к местам язв Господних на руках, ногах и правой стороне груди, так что кровь наконец пробивалась наружу и образовывала шрамы, получившие название «стигматов»⁷⁸.

Здесь мы видим возможность человека уподобляться, воплощать или воображать в себе Божество таким, каким он его себе представляет или воображает. Так же здесь можно наблюдать поразительный феномен того, как воображение может влиять не только на духовную сторону человека, но и изменять физическую. Еще более отчетливо ресурсы возможности воображения сказываются в спиритическом феномене материализации.

⁷⁶ Токарский А.А. «Закливание со стрелой» тибетских лам // Вопросы философии и психологии, 1895, кн. 22, с. 190-192.

⁷⁷ Георгий, архиеписк. Стигматизация // Вера и разум, 1904, 24, с. 629.

⁷⁸ Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. т. 3. Н-Новгород, 1997, с. 310.

Феномен сводится к тому, что в присутствии медиума, погруженного в транс, получается как бы некоего рода истечение материи (эктоплазмы). Сначала эта материя имеет вид светящегося облака, как бы первичной туманности, затем она начинает сгущаться и принимает форму человеческого тела, превращаясь в живое существо, которое движется, говорит, а потом растворяется и исчезает⁷⁹. Б.П. Вышеславцев не дает определенного объяснения, если оно вообще может быть дано, но предлагает к рассмотрению три гипотезы, стремящиеся дать объяснение этому явлению: спиритическую, по которой эти явления производятся душами умерших; оккультную, где признается действие невидимых духовных существ; и научно-имманентную, в которой явления приписываются неизвестным силам самого человека, в частности медиума.

Для нашей работы особый интерес представляет последнее, так как мы можем попытаться проследить здесь связь рассматриваемого феномена со способностью человека воображать. Это подтверждается тем фактом, что «в призраке не может быть ничего такого, чего бы не было в медиуме, или в ком-то из присутствующих. Призрак не может сообщить что-нибудь такое, чего не знают и никогда не знали никто из присутствующих на спиритическом сеансе»⁸⁰.

Само по себе вхождение в транс, который является непременным условием материализации, есть ничто иное как умение до предельного уровня сконцентрировать свое воображение, что приводит в действие в человеке какие-то неведомые, но могущественные силы. Таким образом, с учетом последнего, действие воображения оказывается не просто способностью воплощать в себе что-то или строить себя по образу воображаемого объекта, но также и способностью усваивать воображаемому качества материальной реальности.

Несмотря на весь ужас и трепет, в который приходит душа от сознания таких возможностей воображения, человек не может отказаться от него — и потому, что оно ему онтологически присуще, и потому, что с ним именно сопряжена реализация самой человеческой природы, осуществление главной цели человеческой жизни.

«Последовательное же отрицание воображения, — считает Б.П. Вышеславцев, — было бы отрицанием всякого образа Божия, отрицанием икон, иконоборчеством»⁸¹.

⁷⁹ Подобные явления неоднократно описаны в научной литературе и подлинность их имеет экспериментальное подтверждение. Напр., см.: *Вышеславцев Б.П. Наука о чудесах // Путь, 1926, 5, с. 97-99.*

⁸⁰ *Дмитриевский И., свящ. Спиритизм // Вера и разум, 1910, 17, с. 622.*

⁸¹ *Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса, с. 73.*

Глубина содержания иконы в том, что «икона ничего не изображает, она являет»⁸², являет уже осуществленную в Евангельской истории реальность.

Это реальность Царства Христова, реальность преображенной обожженной твари, реальность того самого преображения, которое в своем лице явил Христос. Икона есть встреча с другим миром, «в иконе мы находим живое, действенное соприкосновение двух миров, двух планов бытия»⁸³. И, если в будущем веке все будут зреть Бога лицом к лицу, то икона есть уже начало этого созерцания. «Икона имеет своей целью вывести сознание в мир духовный, показать видимые изображения тайных и сверхъестественных зрелищ»⁸⁴.

Вместе с тем церковное предание настойчиво подчеркивает и вспомогательную, воспитательную роль иконы в деле богопознания. Ибо являя собой образ Божий, икона становится «лестницей ведущей к первообразу»⁸⁵, местом общения образа с первообразом и способом возведения к первообразу духа молящегося.

Икона есть ни что иное, как реальная связь между образом и Первообразом, и «эта действительность обнаруживается нами в самом акте иконопочитания и опознается как истинная»⁸⁶.

В том, что в основе почитания иконы лежит возможность подлинного восприятия духовного мира, может убедиться каждый верующий человек на своем личном духовном опыте. И чем глубже вера, чем серьезнее духовное делание человека, тем бесспорнее принимается «онтологическая насыщенность духовного созерцания иконы»⁸⁷. А чем глубже мы проникаем в откровение иконы, тем больше мы осознаем, что «не извне воспринимаем образ, но в себе самих припоминаем; икона есть напоминание о горнем первообразе, т.е. пробуждает в сознании духовное видение»⁸⁸.

Однако история христианской Церкви знает опыт последовательного отрицания иконопочитания. Само по себе явление иконоборчества имеет под собой весьма серьезную философскую подоплеку, и, являясь «на первый взгляд движением простым до грубости в своих основных выводах, целях и средствах, при ближайшем анализе оказывается весьма сложным явлением»⁸⁹. Основополага-

⁸² *Зинов (Теодор), архим.* Беседа иконописца. Новгород, 1993, с. 36.

⁸³ *Трубецкой Е.Н.* Два мира в древнерусской иконописи / Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1997. с.

⁸⁴ *Флоренский П., свящ.* Иконостас // Богословские труды, 1972, 9, с. 105.

⁸⁵ *Тарабукин Н.М.* Смысл иконы, М., 1999, с.78.

⁸⁶ *Ивонин И., диак.* Богословие «образа» в творениях патриарха Фотия // Христианское чтение, 1997, 15, с. 56.

⁸⁷ *Платон (Игумнов), архим.* Почитание креста, икон и мощей / О вере, нравственности по учению Православной Церкви. Л., 1991, с. 284.

⁸⁸ *Флоренский П., свящ.* Иконостас, с. 102.

⁸⁹ *Мелиоранский Б.* К вопросу о иконоборчестве // Христианское чтение, 1901, VIII, с. 293.

ющий тезис иконоборчества сводится к тому, что Бог невообразим. При этом рассуждения имели следующий характер: «Христос есть не простой человек, но Бог и человек в одном лице, в коем Божество и человечество соединены нераздельно и неслитно. Как же может быть изображен Он, Единый из двух, ставший одним Лицом, раз одно из естеств (Божественное) в Нем неопишимо? Икона может изобразить только человеческую природу Христа, но отнюдь не божественную — неопишиму; таким образом, она есть икона не Христа, как Богочеловека, а простого человека и не может называться иконой Христа. Если же иконописец, изображая икону, называет ее Христом, то он или Христа признает тварью, или опишет неопишимо божество описанием созданной плоти, и впадает в заблуждение Ария, или сливает неслитное соединение естеств и впадает в заблуждение монофизитов. Если же скажет, что посредством иконы изображает только плоть Иисуса Христа, которую мы видим и с которой обращались, то или отделяет плоть, сплетающуюся с Божеством (во Христе) и обоготворенную, т.е. разделяет неразделенного Христа на двое (Сына Божия и Сына Марии) и следует заблуждению Нестория, или, отделяя плоть от Божества, представляет ее имеющей собственную иконопись, усваивает ей особое лицо и тем «прибавляет к Троице четвертое лицо»⁹⁰.

Другими словами, иконоборцы говорили о «неопишимости» Христа по телу, в силу того, что плоть Христова была обожествлена. Также и признание Богочеловечества за одну Ипостась в двух нераздельных и неслиянных естествах казалось иконоборцам несовместимых с учением о возможности описать его, заключить его образ в искусственное очертание и, следовательно, создать его икону, поскольку одно из двух естеств Его неопишимо. «Единение естеств во Христе превышает всякую мысль и понимание. И если оно выше всякой мысли и понимания, то выше и всякого представления: будучи непредставим Христос и неизобразим. Отсюда и спор иконоборцев с православными сводился к тому: возможно ли вообразить и изобразить существо, непостижимое для разума?»⁹¹ Решение иконоборцами этого вопроса носило отрицательный характер. «Икона Христа считалась ложным образом не потому, что живописцы плохи, а потому, что создать истинную икону Христа метафизически невозможно»⁹².

Объективное разрешение вопроса о возможности существования иконы может мешать в раскрытии понятия образ. «Образ — *eivkw,n* — бывает естественным, т.е. по природе, и искусственным — по подражанию; к первому относится Сын Божий

⁹⁰ Доброклонский А.П. Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийской. Б/м, б/г, с. 103.

⁹¹ Мелиоранский Б. Философская сторона иконоборчества // Вопросы философии и психологии, 1907, кн. 87, с. 158.

⁹² Там же, с. 163.

как образ Отца, Дух Святой как образ Сына, всякий сын как образ своего отца; ко второму — человек как образ и подобие Бога, все образы и формы невидимых и бестелесных предметов»⁹³.

То Слово Отчее, которое имеет Отец, так как Он Сам рождает Сына, есть Его собственный образ, но ипостасный, рождаемый и рождающийся Сын.

Далее важно отметить, что Христос сохраняет в своем воплощении образ Отца, «совершенный образ Отца, поскольку Он полностью подобен Ему, но не по признакам Своей плоти или фигуры тела, а по своему Божественному всемогуществу и славе, и Его человечество нельзя при этом открывать от Его Богосыновства»⁹⁴.

Человек по своему творению тоже имеет в себе образ Божий и есть главная икона Божества. «Человек более запечатлел в себе образ Божий, нежели ангелы, являющиеся истинными духами»⁹⁵. Но грехопадение затмило этот образ Бога в человеке и хотя он неистребим и просвечивает в человеке через личину греха, эта нечистота делала человеческий образ как бы не истинным образом Бога. «По учению св. Иоанна Дамаскина, первой в мире иконой стал созданный по образу и подобию Бога человек. Грехопадение нарушило, испортило, повредило человеческий беспорочный облик, наложило искажающие черты на его первоизданную чистоту»⁹⁶.

Только воплотившееся Слово, Христос, Новый Адам, став воистину человеком, восстановил в своей человечности истинный образ Божий. «Христос имеет истинный человеческий образ, который и есть образ Божий, живая нерукотворная икона Божества. В этом-то и состоит действительное значение боговоплощения для догмата иконопочитания»⁹⁷.

Человеческое естество вполне раскрылось как икона Божества после того, как оно было явлено во Христе. Главной же ошибкой иконоборцев было то, что они разделяли в отношении к образу две природы во Христе, тогда как икона человечества Христова не есть только икона Его тела, безотносительная к Божеству, но есть вообще Его икона, именно как образ Его Божества в тварном естестве, — иначе говоря образ ипостаси Богочеловека, а не какой-либо из Его природ. «Образ воплотившегося есть образ Бога, а не только изображение тела»⁹⁸.

Далее важно показать, как практически осуществляется иконопись. Дело в том, что появление иконы, «рождение» ее напрямую связано со способностью человека воображать.

⁹³ Доброклонский А.П. Преподобный Феодор..., с. 110.

⁹⁴ Шенборн К. Икона Христа. Милан-М., 1996 с. 89.

⁹⁵ Сергей (Голубцов), архиеп. Воплощение богословских Идей в творчестве прп. Андрея Рублева // Богословские труды, 1981, 21, с. 14.

⁹⁶ Дунаев М.М. Своеобразие русской иконописи. М., 1995, с. 21.

⁹⁷ Булгаков С. прот. Икона и иконопочитание. М., 1996, с. 76.

⁹⁸ Флоренский Г., прот. Восточные отцы V-VIII веков. Изд. 2-е. Париж, 1990, с. 252.

Являясь «воплощением невысказуемого и неопишуемого, символическим языком красок, линий, композиций, неся свидетельство о подлинности реального иного бытия, иного времени, иных ценностей, неведомых человеку ранее»⁹⁹, икона свидетельствует о некоей причастности иконописца к изображаемой реальности.

Действительно, только преображенным зрением иконописец может увидеть и затем выразить в красках светоносную сущность горнего мира. Иконописец не придумывает изображения, не фантазирует, а изображает то, что ему уже в той или иной степени онтологически присуще. «Только истинно пережитый, личный опыт может дать возможность найти те слова, те формы, краски и линии, которые истинно соответствуют тому, что они выражают»¹⁰⁰. Иначе говоря, иконопочитание предваряет, сопровождает и направляет иконописание.

Способность иконописца изобразить связана, прежде всего, со способностью вообразить. Он должен сначала вообразить в себе Бога, обожиться, запечатлеть Его образ в себе. «Образ Христа, находится в сердце христианина и высвечивается во всей природе его постольку, поскольку человек приближает себя к этому образу»¹⁰¹. Иконописец должен высветить в себе образ Христа, должен стать живой иконой, образ Божий должен в нем раскрыться, реализоваться. И тогда, наблюдая себя, он сможет выразить увиденное в живописи, материализовать его.

Таким образом, икона есть доказательство не только истинности воплощения Логоса, но и возможности и истинности воображения Его в человеке.

Как отмечалось, в данной работе было особенно важно подчеркнуть, что воображение — не просто способность что-то фантазировать, представлять в уме, а, прежде всего, изначально присущая способность человека онтологически воображать, т.е. действительно осуществлять в себе то, к чему человек устремляется.

Эта способность дана человеку Богом для преодоления разобщенности с Ним, как способность соединения с Ним.

Воображение — это великий и страшный дар, потому что может как приводить к Богу, так и отдалять от него. Без благодати, без участия Бога в процессе восхождения к Нему, как реализации присущей человеку устремленности к Вечному, воображение приобретает магический характер.

Отрицание же воображения есть ничто иное, как отрицание возможности преображения человека, его обожения, восстановления его в исконном достоинстве иконы Божества.

⁹⁹ Бобков К.В., Шевцов Е.В. Символ и духовный опыт православия. М., 1996, с. 51.

¹⁰⁰ Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Колонна, 1989, с. 136.

¹⁰¹ Ранне А., прот. Нравственная самореализация личности в образе Божиим. Курс. соч. Л., 1983, [машинопись,] с. 106.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

**«Я СОВСЕМ
НЕ БОЮСЬ УМЕРЕТЬ»**

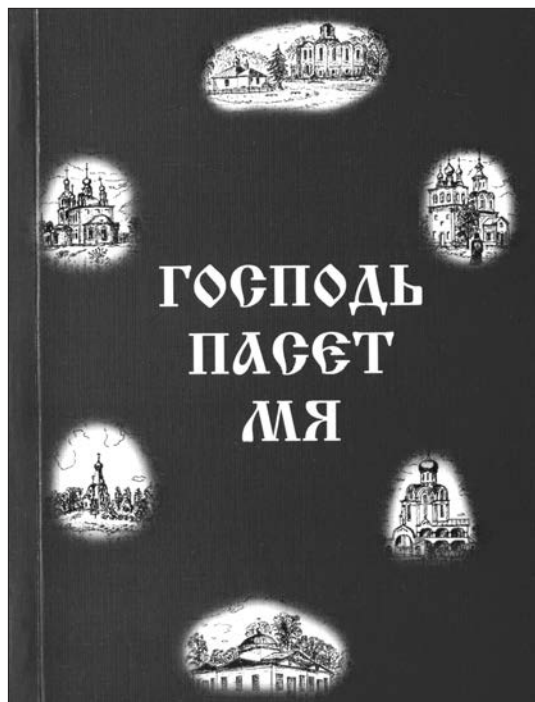
*о книге стихов
И.А. Сергеевой
«Господь пасёт мя»*

Ефимовская Валентина Валентиновна — поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения. Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в Библиографическом словаре «Русские писатели» (изд. Пушкинским Домом в 2006 г.), большой цикл статей публиковался в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Случилось так, что одновременно у меня появились две новые книги. Одну, книгу стихов «Господь пасет мя», маленькую, скромно оформленную, в переплете цвета северного сумеречного неба, подарила мне наша известная петербургская поэтесса, лауреат премии им. Н. Заболоцкого — Ирэна Сергеева. Другую я купила сама, прельстившись и ее интригующим названием «Религия как освобождающая сила в философии XX века», и именем ее автора, современного священника франсисканского монаха Фьоренцо Эмилио Реати, и оформлением — на глянцевой обложке красочная и такая знакомая православная икона «Преображение Господне». Конечно, сразу же я обратилась к последней — к таинственной иностранной книге, которая, как сулило оглавление, обещала моему недоверчивому, неудовлетворенному разуму новые ответы на вопросы о сущности и понимании религии, взаимосвязи веры и знания, об особенностях религиозного языка. Маняще сверкали на страницах имена знаменитых философов: Канта, Хайдеггера, Гадамера. И я, не убоившись «достигать истины через труд понятия» (Гегель), погрузилась в чтение...

Беспомощно я тонула в чужеземных зловещих терминах и путалась в сложных стилистических конструкциях, которые были привлечены автором для того, оказывается, чтобы «изложить древние непреходящие истины христианской веры на

новом языке, более понятном современному читателю». Используя ключевые формулировки и язык герменевтической философии, богослов пытался переформулировать вечные истины христианской веры, как сам об этом сообщает, то есть «благоотворно воздействовать на нынешнюю, более секулярную, по сравнению с прошлым, философию, а верующим помочь, дать разумное изъяснение их веры». Словосочетания «религия разума», «рациональное доказательство», «рассудок», «поиск ответа» — чаще встречаются на страницах книги, чем понятия «откровение» или «вера», а о словах «любовь», «красота», «премудрость» автор, кажется, не знает вовсе.

Измученный постижением рациональных доказательств Всевышнего вместе с франсисканским монахом, мой бедный разум сжимался от ужаса при мысли о том, какими же знаниями, какой силой доказательств должен обладать православный священник, чтобы должным образом вступить в полемику с этой современной католической философией и достойно победить... В изнеможении и страхе, словно отпрянув от раскрывшейся передо мной бездны, я, лишь для успокоения рук, взяла ту, другую книгу, — книгу стихов, и легко, словно пальцами по клавишам знакомого инструмента, пробежала

глазами несколько стихотворений. И зазвучали, запели, неожиданно заискрились чудесные слова.

*Горит икона золотая,
не увядает райский сад.
Ах, мама, ты совсем седая,
и у тебя печальный взгляд!
Ах, мама, горести растают,
как майский снег,
как невский град,
где есть икона золотая
и для страдальцев
райский сад...*

Я читала дальше и дальше, казалось, не глазами, а душой. Стихи были в стиле И. Сергеевой — короткие, емкие, словно мерные удары церковного колокола.

*Быть бы Марфой иль Марией —
лишь бы только возле быть,
слышать бы слова благие,
Истину душою пить.
А теперь, в века лихие, —
силы Истины копить,
быть — и Марфой, и Марией,
и другим помочь испить.*

Ну, конечно же, — Истину надобно не разумом, а душою пить. Ведь как просто!.. И не нужно никаких богословских споров, интеллектуальных сражений, а только сказать:

*Час проспала — и выпалась.
Крошки не съев, сыта.
Мысли сложила в исповедь,
встав на порог скита.*

И повержен будет прилюдно католический богослов, и уверуют многие наши современники. Воистину, велика сила слова, если им говорит душа.

Поэтическое слово Ирэны Сергеевой особенно, узнаваемо, бережно-экономно, убедительно. Ей удастся минимальными художественными средствами создавать яркие, запоминающиеся поэтические творения. Она не пишет стихотворной прозы или рифмованной философии, не измучивает читателя нескончаемыми рефлексиями. Она создает то, что и должно называться стихотворением, величаться поэзией.

*Часы мои такие точные,
часы свечные, не песочные!
Свеча — на час, на два часа...
Елико посчитаю вчерне я —
как раз на правило вечернее —
в молитвах славить небеса.*

Двумя-тремя строфами, состоящими из 30-40 слов, поэтесса творчески фиксирует разнообразные проявления жизни, прибавляя тем самым к ней и обогащая ее. Стихи И. Сергеевой не мертвые фотографические свидетельства человеческого бытия, но крупинки «живой действительности». При всей своей поэтичности, эти стихи, как я уже отмечала, отличаются особым ху-

дожественным своеобразием, которое заключается в непостижимой емкости, глубине и целостности каждого отдельного стихотворения. Выражаясь словами Е. Трубецкого, можно сказать, что каждое из стихотворений «подчинено архитектурному замыслу». Есть что-то «каменное», незыблемое в поэтических миниатюрах поэтессы,

где очевидна смысловая концентрация вокруг некоего Главного Смысла, «Камня живого», вокруг Которого всегдалюдно, тесно, нет свободного, незаполненного пространства. Именно так, в «тесном смысле слова», в непременной, присущей духовному искусству симметрии вокруг единого центра, строится каждое стихотворение И. Сергеевой, словно маленький собор.

Где, как не в соборе «в века лихие» можно «силы Истины копить». Поэтический собор И. Сергеевой символичен, метафоричен.

*Мы поставим часовню на Замшина улице...
Ты свети нам, лампада, свети —
кто за хлебом сюда, только хлебом столуется,
и до храма кому не дойти...
Жизнь—вода протекает незримыми речками,
изойдет — может быть, исцелит...
И вздохнет Богоматерь над нашими свечками,
милосердна, простая на вид.*

Часовенок полным-полно на Руси, а вот такой, о которой говорит поэтесса, нет. Этот возвышающий, усиленный поэтический образ-символ поэтесса создает, так как знает, что «в действительности в человечестве царствует раздор и хаос: оно не является единственным храмом Божиим; чтобы ввести его во храм и осуществит в нем полную соборность, нужен «пост и труд, и теснота, и всякие скорби» (Е. Трубецкой «Умозрение в красках»), нужна исповедь.

*Статьи церковные писала —
не зря, быть может, я жила...
Не ела колбасы и сала...
И не желала людям зла...
И не скажу, что возносилась,
себя считала лучше всех...
С собой справлялась. И молилась.
Но тем гордилась — это грех.*

Человек, готовящийся к исповеди, знает, как неимоверно трудно найти слова, которыми следует поведать священнику о своих прегрешениях. В этот катарсисный момент хочется изъясняться быстрее, точнее и легче. Видно, что И. Сергеева владеет этим сложным искусством в совершенстве благодаря и опыту церковной жизни, и поэтическому дару. Поэтесса избегает лобового решения любой темы, иногда ограничивается лишь интонацией, намеком, единственным словом, так что все стихотворение обретает дополнительный смысл. Любое, даже самое маленькое стихотворение И. Сергеевой, закончено, многогранно, художественно, так как в нем есть, что переосмысливать, говоря словами Гете, в нем есть «двойное освещение».

*Нет, не заброшено
твое Лыкошино,
могилы дедов над рекой,
рекой Валдайкою,
мальчишки стайкою...
Оно — у неба
под рукой.*

Всего 15 слов. Но какая емкость этого произведения, какой добрый свет исходит от него. Два образа «мальчишки стайкою» и «у неба под рукой» создают конструкцию, подобную мирозданию. Под заботливой Отцовской рукой неба и веселые мальчишки — будущее мира, и то, что является основой будущего и настоящего — могилы дедов, мирно покоящиеся над величественной рекой. В стихотворении об этом не говорится, но кажется очевидным, что могилы эти ухожены и поименованы. Иначе и быть не может в любимом мире поэтессы, где символ смерти — могила, обладает жизнеутверждающей силой. И. Сергеевой удастся передать это ощущение читателю благодаря уникальной поэтической пластике, поэтическому рельефу, в котором разрабатывается несколько плоскостных планов. На первом плане дано движение — резвящиеся мальчишки, но сюжет уходит вглубь, к статичной границе, обозначенной дедовыми могилами. А между этими двумя планами, как между двумя плоскостями, течет «у неба под рукой» Валдайка — спокойная, незыблемая река жизни. Задняя плоскость этого рельефа, очевидно, имеет особое значение для всего построения. Она подобна непроницаемой плоскости стены античного древнегреческого рельефа, основанного на идеальном равновесии движения и вместе с тем статики. Закон рельефа, являющегося олицетворением гармонии, издревле действовал в скульптуре и в разных школах живописи и иконописи. Поэзия И. Сергеевой, по моему мнению, является уникальным примером овладения «законом рельефа»

в поэзии, закона, которому «должно соответствовать мироощущение, родственное вечной гармонии, содержащейся в красоте тварного мира» (Н.Н. Третьяков «Образ в искусстве»).

Красота и радость жизни в творчестве И. Сергеевой является той мерой, которой и могут быть измерены на «узком пути» христианина «пост и труд, и теснота, и всякие скорби». Сложением этих двух векторов и определяется пространство поэтического бытия поэтессы, наполненное смыслом жизни, в котором скорбь претворяется в радость, блаженство вырастает из страдания, а смерть имеет жизнеутверждающий аспект.

*И оставшись сиротою,
преступая стыд и срам,
не за хлебом и водою —
за Любовью в Божий храм.
В храме, тихая старушка,
утешенье всем одно... Где же кружка?
Грошик падает на дно.*

Благодаря особому поэтическому зрению и слуху поэтесса обладает и самобытным поэтическим почерком, который определяется не только обилием оригинальных, неожиданных тропов:

*Хочу в бездонные архивы
и в храмы бедные войти.
Листы архивные красивы,
в них может Истина цвести...*

но и мелодичной звукописью, виртуозным владением рифмой

*Видела радугу,
Видела даже двойную, —
Только проехали станцию
Нашу родную...
Если рисую Россию,
То радужно—чисто.
Боже, признание
Прости мне
Ныне и присно.
Это сияние
Церковь сия
Оставляла...
Даже в скорбях
Радости было не мало.*

Поэтесса мастерски владеет и не боится дактилической рифмы, в ее арсенале ассонансные и диссонансные, составные и тав-

тологические, смежные и перекрестные рифмы, хотя излишне часто, на мой взгляд, встречаются глагольные рифмы. Такое разнообразие ритмических находок не есть самоцель, но необходимость для выражения художественного замысла, о котором не задумываешься, когда читаешь поэтические строки И. Сергеевой, кажущиеся такими безыскусными, простыми.

*Весна. В окно влетают осы
на цвет герани. У окна
береза распустила косы,
прозрачно светится она.
Блестит распахнутая рама,
в ней осень отражу сама.
А в комнате в постели мама,
Совсем сгая, как зима.*

Даже поэтический штамп «береза распустила косы» мастерски транспонируется и звучит в иной, пониженной тональности, контрапунктом седым волосам матери. Но внешняя красота поэтических строк И. Сергеевой лишь средство, благодаря которому ей удастся ввести читателя в истинный мир стихотворения, заставить задуматься над его духовным содержанием.

*Воздух рощи прагедовской чище,
И не так уже страшно стареть.
А взглянув на родное кладбище,
Я совсем не боюсь умереть,*

— так просто и спокойно говорит поэтесса о смерти. Хотя в стихотворении не поясняется, на родовом ли кладбище лишь на время исчезает страх смерти, или состояние физического небытия для поэтессы является естественной ипостасью жизни вечной, понятной верующей душе? На этот вопрос нельзя ответить сразу, понимание его обретается с прочтением всей книги стихов, в которой сама поэтесса исследует своим жизненным опытом сложнейший духовный мир, который открывается тем ярче, становится тем виднее, чем более отрешается человек от всего видимого.

Художественное слово И. Сергеевой по поэтическим свойствам таланта подобно маятнику, который колеблется между мистическим и естественным богопознанием. Но главное в этом

творчестве, на мой взгляд, не только то, что поэтесса рассказывает о сложной истории своей души, утверждающейся в вере о жизни вечной и творящей себя в правилах этой веры. Скупым, исповедальным языком И. Сергеева так искренне рассказывает о жизни своей души, что заставляет читателя вжиться в эту жизнь. Поэтессе удастся воплотить свой жизненный христианский опыт, типичный для русского человека, в душу читателя, так что последний начинает идентифицировать себя с лирическим героем книги, чувствовать и говорить, как автор, переноситься в сложный авторский мир и становиться на путь обретения веры.

*«Спеши, спеши ко мне, спеши!»
«Спешу, спешу к тебе, спешу!»
Открыта дверь моей души:
молюсь, читаю и пишу.*

Не это ли ее большое духовное читательское семейство, которому поэтесса завещала все свои духовные сокровища, дает ей силы не бояться смерти, быть уверенной в неиссякаемости жизни, носителем которой является вечное слово.

*Утром солнышко разбудит,
будто мама теплою рукой.
Мама, мама, что со мною будет?
скоро ли и мне уж на покой?
И не страшно, что в земле зароят,
коль как прежде солнышко взойдет...
Но не знаю, кто глаза закроет
и отмолет кто, и отпоет...*

Очевидно, что поэтесса, понимая конечность своего физического существования, уверена в бесконечной сущности самой жизни, временными носителями которой в дальнейшем становятся те, «кто глаза закроет, и отмолит кто, и отпоет». Ей не важны их личности, но важно их наличие на оси бытия, бесконечность которого только и может быть определена конечными величинами, так же как в физическом мире только с помощью конечной величины скорости света телескопы могут заглянуть все дальше во Вселенную, увидеть далекое Прошлое, которое в бесконечности смыкается с Будущим.

Гравюры художника Нины ЯКОВЛЕВОЙ
из книги И. СЕРГЕЕВОЙ «Господь пасёт мя»

ПОЭЗИЯ

Ирэна СЕРГЕЕВА

ВСЛУШИВАЮСЬ В ЗВЕЗДНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Сергеева Ирэна Андреевна — поэт, критик, литературовед, член Союза писателей России с 1976 года. С 1977 по 1991 год работала литературным консультантом журнала «Звезда». Автор многих поэтических сборников, литературоведческих статей, переводит стихи с грузинского, украинского, сербского, белорусского и др. языков. Инициатор и составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы». Лауреат премии им. Н. Заболоцкого. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ЛЮБЛЮ

Люблю я все старое:
старый наш сад,
и старый наш дом,
и деда портрет...
Люблю я и новое:
новый свой плат,
и день за окном,
и ночь в Новый год...
И «Новый Завет»!

* * *

Я не знала: спать, не спать,
то ли поздно, то ли рано.
Маме руки целовать,
чтоб она не умирала?
Ей лекарства принимать...
Мне — молиться о рассвете...
У кого такая мать,
тот счастливей всех на свете.

ПАМЯТИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Татьяне Александровой

У Аларчина моста
жизнь у нас была проста,
но не гасла.
Жили с мамой. Без креста,
без причастья, без поста...
Хлеб без масла...

Ныне все уже не то —
не одно, а два пальто...
Ходим в храмы.
Живы Праздником, постом —
с Божьей Матерью, с Христом!
Но без мамы...

* * *

Береза под окном растет,
ее скворцы облюбовали.
В заветный день — который год —
садились, пели и играли.
Плодами в яблочный канун
с ветвей срывались то и дело...
Как будто арфа в сотню струн,
береза плакала и пела.

* * *

Люблю погоду сыроватую,
сады в цвету и не в цвету,

когда туман ложится ватой
на эту сторону, на ту
Полюстровского пар-
ка грустного...

И ничего, что солнца нет, —
в душе — свет
«цвета» петербургского
и новой церкви ближний свет.

* * *

Дорожу ночами одинокими,
все с годами больше дорожу,
не дрожу
над жизненными сроками,
но людей дрожащих не сужу.

Вслушиваюсь в звездное
 пророчество,
вглядываюсь: разве там темно?
О, мое ночное одиночество,
вечности раскрытое окно!

* * *

Остановилась у порога —
взглянуть в лицо молодого дня.
Дорожники вели дорогу,
казалось, прямо на меня.

А я по тропке шла, по тропке,
где вовсе не было дорог.

Приподнимали берег топкий,
возили гравий да песок.

И не желала тщетной славы,
но оглянулась: что же там?..
Там шли лихие самосвалы,
казалось, по моим следам.

* * *

Эти свечи, угодные Богу,
не чадят и сгорают дотла.
Берегу их и жгу понемногу,
славлю руку, что мне их дала.

Слава Богу, мой слог не заумен,
я в молитвах прибавлю огня...
Как там братия, авва игумен?
Помолитесь и вы за меня!

* * *

Что в комнате?
Два стула. Стол. Кровать.
Что на столе?
Хлеб, соль. Перо, бумага.
Все тяжелее зиму зимовать,
без болей целый час —
и то нам благо.

Но золотом сияет Божья Мать.
«Владычице и Мати!..»
Пост, молитва...
Что в кельи?
Два стула. Стол. Кровать.
Перо, бумага...
За Россию битва.

ПОЭЗИЯ

Борис СИРОТИН

НЫНЕ ЗДЕСЬ ВСЯ ВЕЛИКАЯ РУСЬ

Сиротин Борис Зиновьевич — родился в 1934 году в Новочеркасске на Оренбургщине. Много работал как переводчик для издательств «Современник», «Советский писатель». Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Фета. Член Союза писателей России. **Живет в Самаре.**

* * *

О доме, о хлебе заботы,
Но будь хоть полсвета родни, —
Без Господа все мы сироты,
Без Бога мы в мире одни.

Тебе не помогут нисколько
Ни мать, ни отец, ни семья
Нащупать концы и начала
В громадном клубке бытия,

Когда дует ветер зловещий,
И кругом идет голова
Пред миром, где вещи на вещи
Налезли, слова на слова.

И только лишь с именем Бога
Просторен всегда окоем,
Молитвенно, чисто и строго
Во временном доме твоём.

* * *

Я бодрый приходил с мороза,
Заваривал крепчайший чай...
О зимняя скупая проза!
И труд. И счастье невзначай!

Стояли светлые морозы,
Но в них играла мощь, не злость,
Трещали сосны, а березы
Белели, твердые, что кость.

В стране безбрежной и холодной
Трудиться, славы не стяжать,
Чтоб общей участи народной
Не минуть и не избежать!

* * *

«Сегодня стыдно быть богатым»
Валентин Распутин

Сегодня стыдно быть богатым —
Пожалуй, не поспоришь тут.
Но не стыдней ли быть покатым,
По коему сии бегут
К своим деньгам, к своим успехам?

А он, сутулый эрудит,
Покатый этот, брызжет смехом,
У телевизора сидит.

Лишь изредка, в провалах ночи,
На помутненные глаза,

На эти выцветшие очи
Находит ясная слеза.

* * *

Электронная болтовня,
Бесовское в стране веселье...
Кто-то молится за меня,
Потому и живу доселе.

Кто-то молится за меня —
Может, не на земле, на Небе —

О моем ежедневном хлебе,
Да чтоб больше в печи огня.

Может, бабушка за меня
Слезно просит в ногах у Бога...
И живу, дышу понемногу,
Хоть не легче день ото дня.

* * *

«Весны не будет!» — объявили
По радио... Ну что ж, тогда
Все наши воздержанья в силе,
Как в силе снег и холода.

— Весны не бу-у-дет! — изгалялся
По телевизору остряк,
И телевизор накалялся
От слов, сулящих хлад и мрак.

И вслед за ним другой — построже,
Но как бы этого двойник:
— Не будет выборов!
...Ну что же,
Перезимуем и без них.

Хватило б только дров для печки,
Мы пододвинем к ней кровать,
Мы будем в сумерках при свечке
Родного Пушкина читать.

* * *

Вот в эти дни Великого поста,
Пока еще зима гнетет нам плечи,
Не смели бы произносить уста
Застольные торжественные речи!

Дабы в высоких креслах усидеть,
Рекут слова заботы и опеки —
И попадают в шелковую сеть
Наивные родные человеки...

Вот в эти дни Великого поста,
О коем должен помнить
царь и нищий,
В России происходит срамота
Великого обжорства телепищей.

И пусть подходит Божия гроза
К жилищам телегрешников
вплотную, —
Все так же будут пожирать глаза
Грохочущую суету цветную...

* * *

Мужики, не умирайте,
Бог вас упаси,
Из кого же встанут рати
На святой Руси!

Мужики, скажите зелью
Истовое «нет!»,

Возлюбите снова землю,
Этот ясный свет!

Возвращайтесь снова к пашням,
Чертежу, стиху —
Вопреки торгам и шашням
Этих, наверху.

Хохоча, вопя, рыдая,
К денежной игре
Приросли, а мать родная —
Рядом на одре...

Мужики, не множьте горе
В этот смутный час:
Полный счет предъявит вскоре
Кто им, кроме вас!

* * *

И пускай сирены пели
Нам, скитавшимся во мгле,
В величайшей из Империй
Все ж мы жили на земле!

И какой бы груз на плечи
И на сердце ни давил,
Но Державу, как на вече,
Весь народ благословил.

А сирены пели сладко,
Но, хоть склонна к глухоте,
Вся Россия, без остатка,
Услыхала песни те.

Услыхала, удивилась —
И как зелья опилась, —

Обольстителям на милость
Без роптания сдалась.

И сейчас среди развалин
Неприкаянно стоит,
Взгляд беспечный стал печален,
Обветшалый, нищий вид.

Все, что издавна копилось, —
Все охаяли враги.
Уж в который раз купилась
На чужие пироги.

Обласкала лжемессию,
А теперь стоит скорбя...

Это я не про Россию,
Про тебя я, про себя.

* * *

В храме время иначе течет,
Брежит луч, преломившийся в раме,
Плечи сбросили времени гнет,
И из прошлого древний народ
Вырастает в грядущее в храме.

Ныне здесь вся великая Русь,
Ибо нищие духом — блаженны;
Все вмещающая — и радость, и грусть, —
Раздвигаются тяжкие стены.

В небо тянется крест золотой —
Это мы поднимаем руками

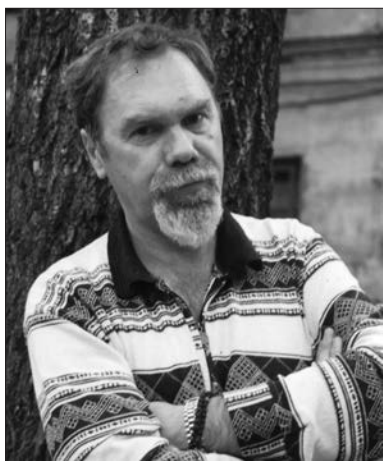
Над безумьем его, над тщетой,
Чтобы вровень с былыми веками
Он сиял, вровень с Русью святой!

В храме время иначе течет,
Не касаясь житейского хлама,
Но слышать, как корысть и расчет
Хищно рыщут за стенами храма.

И о том ныне песню пою,
Что народ мой не весь ошельмован,
Воздвигает он крепость свою
С золотым и победным шоломом!

ДЕСТВИЩА

Александр РАКОВ

«НЕУДАЛЯЮЩИМСЯ ДНЕМ»

Раков Александр Григорьевич — профессиональный журналист, главный редактор народной просветительской газеты «Православный Санкт-Петербург» и ее дочерних изданий, лауреат премии Русской Православной Церкви «За преданность профессии», член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Имя автора в особой рекомендации не нуждается. Александр Раков — профессиональный журналист и писатель, многолетний редактор газеты «Православный Санкт-Петербург» и сопровождающих ее изданий. «Заметки редактора», печатающиеся в газете из номера в номер, подали автору мысль о публикации таких заметок в виде книг, в том числе и «Былинок». «Былинки» — пестрое собрание непритязательных, как думается, и безыскусных прозаических миниатюр, не связанных ни единым сюжетом, ни интригой. У них, в сущности, нет начала, как нет конца. Поэтому, будучи продолжением первой, вторая книга «Былинок» тоже, в свою очередь, может быть продолжена. Такая принципиальная незавершенность сказанного заключена в самой природе автобиографической, исповедальной прозы Александра Ракова. Она напоминает дневник, в который писатель, не заботясь о порядке и последовательности, заносит все, что останавливает его внимание, что задевает душу — какой-нибудь факт, воспоминание, мелькнувшую вместе с ними ассоциацию, бытовую сценку, газетную хронику, чье-то письмо, свою или чужую мысль и т.д. Кажалось бы, это мелочи. Но из таких мелочей и состоит по большей части наша жизнь. Каждую миниатюру замыкает стихотворение, назначение которых автор объясняет сам. Они имеют и прикладную, и самостоятельную ценность, доставляя читателю эстетическое удовольствие и

свидетельствуя о высоком уровне современной поэзии, не забываящей классических традиций. Объединяет весь этот пестрый материал личность автора, отбирающего предметы для разговора, обдумывающего и оценивающего их сообразно со своим складом чувств и понятий. При этом неожиданность переходов от темы к теме, их видимая случайность на большом пространстве текста, т.е. прежде всего в книге, а не в газетной рубрике, производит впечатление добросовестного отражения напряженной, непрерывной работы ума и сердца, откликающихся на обращенные к ним и с разных сторон идущие призывы. Некоторые темы возвращаются; ясно, что они играют доминирующую роль в потоке меняющихся представлений. Как эти, так и другие темы служат для Александра Ракова либо исходным пунктом, либо итогом его «духовного делания».

Автор не боится познакомить читателя с этой своей внутренней, интимной жизнью, которую часто прячут из опасения встретить неодобрение или насмешку. Ведь он не просто рассказывает, он еще и исповедуется; исповедь же предполагает ощущение собственной греховной неприглядности, покаянное признание вины, включающее самооправдание и ссылки на «обстоятельства». Такое покаяние в любом случае нелегко, даже если оно делается с глаз на глаз. Но Александр Раков приносит его открыто, без оглядки на какой-нибудь сторонний и недобрый суд — вероятно, потому, что мнение того человека, чей авторитет для него единственно свят и непререкаем, мнение духовного отца, писателю уже известно, а оно растворено любовью. Как бы то ни было, писатель убежден, что пережитый им душевный и духовный опыт может пригодиться многим. Отсюда щедрость, с какой он готов поделиться своим необычным, по нынешним временам, на деньги не переводимым, богатством. При этом он сам не терпит и малейшего ущерба. Поскольку его достояние нематериально, оно, пусть и щедро раздаваемое, не оскудевает.

Валентина Ветловская,
доктор филологических наук.
ИРЛИ (Пушкинский Дом), Российская Академия Наук

* * *

Нынешний, четырнадцатый по счету, Великий пост для меня особенный: и раньше по силам постился, ходил на службы, старался поменьше грешить. А тут зажглась внутри лампадка и душу греет. Первая половина поста тяжело далась, даже в больницу намерился, но после соборования полегчало и радость поста появилась. Раньше я просто терпел в ожидании Пасхи, хотя, если честно, и в праздник радости не было, а сейчас Страстная седмица — тяжесть должна быть на душе, искушения, — а вместо них радость, такая сладкая радость...

Когда Владыку Иоанна (Снычева), †1995, отпевали, радость такую же светлую чувствовал...

*Желающий чести напьется печали,
Желающий власти — напьется вдвойне.
Вершины нещадно в снегах погребали
Идущих любую тропой к вышине.
Ужели труды — чтобы в свете купаться,
И полнить карманы алмазами льда,
На звуки земные порой отзываться,
— Пуская лавины забытым стадам?*

Иеромонах Роман (Матюшин)

* * *

Получил письмо из города Новомосковска Тульской губернии от добровольного помощника газете Алексея Андреевича Логунова, русского писателя. Лежал он в больнице, а «на другой день по выписке пошел в храм; на улице сыро, пол в храме затоптан, а молитвы — с частым коленопреклонением. Я, было, подумал поберечь новые брюки, а потом махнул рукой, упал вместе со всеми на колени и... обомлел: от грязного пола исходил удивительно тонкий цветочный аромат! Может быть, запах ладана удержался у самого пола?

Вот так Господь утешил меня, как евангельского блудного сына... Слава Богу за все!

*Всегда деревня привечала,
Как нянька добрая, меня.
Она мне люлечку качала,
Молилась, голову склоня.
Учила в школе русской речи,
Кормила кашей с молоком,
Чтоб рос,
Чтоб шире стали плечи,
Чтоб за добро платил добром».*

* * *

Я тоже припомнил случай. Когда довелось побывать на греческом острове у мощей прп. Нектария Эгинского (†1920), я приобрел в монастырской лавочке несколько пластмассовых бутылочек с освященным на его святых мощах маслом. Дома открыл одну, помазал больное место, но масло облегчения не принесло. При случае подарил маслице отцу Иоанну Миронову. Он откупорил сосудик, и дивное благоухание разлилось в келье, а после помазания моя давнишняя боль исчезла. Вот ведь как!

*Чем старше мы, тем голос тише,
И часто кто-то нас зовет
Сквозь музыку четверостиший
В какой-то медленный полет.
И сами мы еще не знаем,
В какую радость мы идем,
Окружены уже, как Раем,
Неудаляющимся Днем.*

Архиепископ Иоанн (Шаховской), †1989

* * *

Я пришел в храм и встал в конце длинной очереди на исповедь. Теперь мне нравится стоять в конце неспешного движения к Таинству: Господь вытаскивает на свет Божий грехи, о которых ты успел забыть. И вчера я долго припоминал свои прегрешения. Но — странное дело — в этот раз ничего припомнить не смог; спокойно было на душе и неговорчивая совесть молчала. Конечно, можно было на исповеди отделаться ничего не значащими для Бога словами, но это была бы не исповедь, и я честно признался священнику, что не знаю, в чем каяться.

— Господь, — сказал священник, — иногда попускает такое состояние, но свв. Ефрем Сирий и Паисий Святогорец предупреждали нас, чтобы мы, по возможности, избегали его: очень легко впасть в прелесть. Вам надо, Александр, быть внимательнее к своей духовной жизни.

Батюшка, конечно, прав, но всю ночь за меня молился духовник, и я твердил за ним бесконечное «Господи, помилуй», и проснулся перед исповедью в приподнятом, вернее, в праздничном настроении — была память святого праведного Иоанна Кронштадтского. А делюсь с вами потому, что и вы, возможно, испытывали подобное. Еще не спрашивал духовника, а когда получу ответ, обязательно расскажу вам, читатель...

«— Геронда, некоторые люди не знают, что им говорить на исповеди. Почему?

— Это показывает, что они не занимаются тонкой работой над собой и не замечают за собой даже грубых погрешностей. Нам нужно очистить очи нашей души. Слепой человек не видит ничего. Человек одноглазый что-то уже видит, однако лучше других видит тот, у которого оба глаза. Ну а уж если у такого человека есть под рукой и телескоп с микроскопом, то он будет видеть очень четко и то, что находится далеко, и то, что находится очень близко. Духовное делание не имеет конца. Чем больше человек духовно преуспевает, тем чище становятся очи его души, и тогда он видит свои грехи все большими и большими. Таким образом человек смиряется, и к нему приходит бла-

годать Божия» (Старец Паисий Святогорец, †1994, «Духовная борьба», 2001, стр.176).

...И все же, как червяк из яблока, выполз мой давний грех: будучи в Иерусалиме в 1995 году, в Гефсиманском храме Успения Божией Матери, я взял на память свечку, а жертвы не положил. И все эти годы мне вспоминалась эта несчастная свечка, но я загонял грех внутрь. На исповеди, набравшись смелости, я в нем признался. Прости меня, Матерь Божия!

На исповеди

*Как ребенок больной, просит помощи женщина эта,
Свой печальный рассказ все не может окончить никак.
В покаянии плачет. И тихое облако света
Покрывает ее, отгоняя отчаянья мрак.
Чудотворец с иконы взирает участливо—строго,
Сколько веры вместилось в его непреклонных зрачках.
Я по Воле святой отпускаю, помедлив немного,
Согрешенья ее, сам повинный во многих грехах.*

О. Анатолий Трохин, СПб.

* * *

Я считаю себя честным человеком и говорю правду — так мне думается. Но как только вспоминаю, как я обманул батюшку, жаркая волна стыда красит щеки. Я привез к духовнику знакомую из Берлина — она хотела познакомиться с батюшкой, но времени у отца Иоанна уже не было: в тот день праздновали память равноапостольной княгини Ольги, и он торопился на службу к сыну на престол. Знакомая села в батюшкину машину, а я должен был следовать за ней. Но, хотя я получил от батюшки приглашение и дал согласие, поехал домой. На другой день духовник огорченно спрашивает: «Сашенька, я тебя искал после службы. Ты куда подевался?» Никогда больше не буду лгать...

Тут же и другой случай припомнился. Я был дома один, сидел за компьютером и только намеревался нажать «мышкой» на картинку красавицы, чтобы полюбоваться покрупнее, как слышу негромкий батюшкин голос: «Сашенька, десять поклончиков!» Упав на колени, я сделал положенное число поклонов. А «мышкой» больше «не туда» не двигал — батюшка-то все обо мне знает-ведает...

*В людские распри не вникая,
Скорбит, земную видя боль,
Знать, у Всевышнего другая,
Своя, небесная, юдоль.
Но, восприяв моря и сушу*

*Всем безконечным существом,
Он каждый час врачует душу
Своим присутствием во всем.*

Анатолий Краснов, СПб.

* * *

Опять, опять уговариваю своенравную душеньку к маме слетать, наведать; а мама никак не снится: закрыло тяжелое покрывало. Четвертый год пошел, и многое, видно, в ее нынешней жизни переменилось, а сердце знать требует — к лучшему? Раньше, что ни ночь — мама, и просить не надо, — то плачущая, то просящая, а то и с папой вместе. Написал в своей книжке просьбу о молитве, заказал «вечное» упокоение в Пюхтице, подаю на проскомидию ежевоскресно — и кончились свидания, словно киношная пленка оборвалась, не склеить... Так кстати письмо от читательницы из Нижегородской области пришло: «Недавно в газете Вы опять упомянули о своей маме, что Вы беспокоитесь за нее. Я постаралась как можно больше узнать в церкви, чем конкретно мы можем помочь нашим усопшим близким. А вот что: устраивать благотворительные обеды для нищих; каждый день читать каноны прп. Паисию Великому и мученику Уару, за исключением воскресенья и двенадесятих праздников, и читать с таким чувством, чтобы появились слезы — они могут свидетельствовать о том, что Ваши молитвы услышаны. Постоянно посылать деньги в монастыри на сорокоусты о упокоении р.Б. Веры; чем больше монастырей — тем лучше. Неотступно читать Псалтирь с упоминанием имени Вашей мамы. И наконец, подавать записки на литургии и ставить на канун свечи». Спаси Вас Господи, Елена Александровна, — многим помогут Ваши советы.

*Если хочешь родимой душе помочь,
Мать, безмерно скорбящая, или дочь,
Боль минуя, акафист читай о ней —
«За единоумершего» — сорок дней!..
И душа родная, минуя страх,
О тебе помолится в небесах.*

Ирэна Сергеева, СПб.

* * *

Сегодня 12 декабря, день Российской Конституции, принятой в декабре 1993 года. В следующем году его будут праздновать 12 июня. Не знаю, как другим, а мне становится не по себе, когда я вспоминаю, что чуть раньше, в октябре того же года, русские танки расстреляли русский парламент. А людям, что ж, дают вы-

ходной, они и рады. Сейчас, пожалуй, кроме Нового года, Рождества, 23 февраля и Пасхи, народ по-настоящему ничего не празднует: запутали людей чередой постоянно меняющихся даты праздников.

...Зазвонил тревожно телефон: вырвал подонок у моей двоюродной сестры сумку с 60 рублями и ключом от квартиры. Ей седьмой десяток, живет одна на крохотную инвалидскую пенсию, и взломанные по ее просьбе двери починить некому. Я даже не возмущаюсь: я радуюсь, что слабенькую больную женщину не избили до смерти. У меня еще свежо в памяти, как такой же подонок ограбил мою, ныне покойную, маму. Это случилось так: «Моей маме-блокаднице 85 лет. В канун праздника 23 февраля в подъезде собственного дома ее ограбил молодой подонок. Он рвал из слабых старушечьих рук сумку, а она кричала ему в лицо: «Возьми, сколько тебе надо, у меня здесь только на хлеб!» Его добычей стало немного кошачьего корма, два разовых пакетика кофе и 50 рублей денег. Потом я смазывал мамины синяки на сморщенной коже плеча; она уже отплакала свою обиду и унижение. А я подумал: «Это не у моей престарелой мамы вырвали сумку — это у России украли совесть». (Книга «В ладошке Божией».) Каков закон, таков и порядок...

Здесь только женщина слабее женщин прочих.

Здесь только дети.

Слушайте, мужчины!

Скажите, в чем же русские повинны?

За что нас ненавидят и порочат?

И почему в России русским худо?

И что же вы так нынче оплошали?

И почему да здравствует угада?

И где тот мир, который обещали?

И почему детей разврату учат?

Где воины? Где ваша честь и слава?

И где она, великая держава?

В каких ее застенках снова мучат?

И разве вы не чувствуете боли?

И где тот хлеб у нас насущный?

Где ратник, знамя русское несущий?

И есть ли хоть единый воин в Поле?

Нина Карташева, Москва

* * *

Есть расхожая фраза: «Потомки нам не простят!» Но наши потомки — это наши дети, поколение next, с прытью необыкновенной растаскивают по кускам народное достояние, продают за

границу вековой лес, строят особняки в прибрежных зонах, идут во все тяжкие денег ради.

*Когда перебродит в уксус вино
И нечего будет поджечь глаголом,
Придет поколение next, и оно
Выберет пепси-колу.*

Екатерина Полянская, СПб.

Да это еще ладно, если бы хоть совесть была — исчезла она, совесть. Почитайте пьесы А.Н. Островского: любое движение души «униженного и оскорбленного» находило отзвук у злодея и часто переворачивало его душу. Вспомните, какие дискуссии в обществе вызывали статьи Белинского, Чернышевского, Писемского. Я не беру идеологическую сторону — но отклик! Прошлые поколения были намного совестливее нас. И те, кто грешил, прекрасно сознавали свою греховность. Поразительный случай приводит в книге «Современная практика православного благочестия» Н.Е.Пестов: один бродяга убил в лесу девочку, забрал ее узелок с едой. В узелке были хлеб, огурец и яйца. Когда убийцу поймали, на вопрос полицейского: «А почему ты не съел яйца?» — бродяга ответил: «Была пятница — постный день».

Сейчас полное безразличие охватило людей: в том ворохе нагромождении лжи очень трудно различить правду; люди не в состоянии разобраться и пытаются во лжи найти ложное успокоение. Да и нужна ли теперь людям правда?.. Вы можете возразить мне: «А совесть православных людей?» Но давайте посмотрим той самой правде в глаза: нас ничтожно мало, минус те, кто во имя моды называет себя православными. Мы все подвержены развращающему духу времени. И, когда на меня нападает «православная» эйфория, я спрашиваю себя: «Как ты поведешь себя при приходе антихриста? согласишься ли ради временной жизни продать жизнь вечную?» И спесь на время оставляет меня.

А потомки? Преподобный Серафим научил нас: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Время близко...

*От безответственной свободы
Темнеют страхом небеса,
Дрожит земля, бунтуют воды,
Кричат безрукие леса.
Идет разлад небес и суши
В тисках обители людской,
Обезнадеживая души
Неотвратимую тоской.
Идет грабеж земли и неба.
И не видать конца беды*

*Незаменяемости хлеба
И отравления воды.
В беде теряет силу сила.
Срывают скорость тормоза.
...И видят в зеркале — дебила —
Еще разумные глаза.*

Михаил Дудин, СПб., †1993

* * *

Проснулся в четыре утра. Встать бы на молитву — и сон придет, но я выпиваю кофе и начинаю думать. Ночью, когда тишиной залито все вокруг, думается хорошо и неспешно. Тикают мамины часы, и я думаю о маме — как она там? Уже нет того безпокойства за ее участь, которое владело мной эти годы. За стенкой вздохнула жена — после операции никак не может прийти в себя и вчера потеряла сознание. Ей неможется, и в доме гостит запустение: кое-где пыль, посуду надо бы помыть, в «келье» прибратся. Но главное, конечно, чтобы Лерино здоровье вернулось: не стоит терять близких, чтобы осознать свою любовь.

Думаю, как трудно жить в этом мире, который стоит на лжи, и хорошие слова не значат ничего; думаю о газете, отгоняя неприятные мысли о ее судьбе; вспоминаю добрых людей, с которыми свела жизнь; записываю обрывки мыслей на клочке бумаги, перебираю события. Тихо-тихо в квартире, дневная суета улеглась спать, а ты думаешь о счастье, о доле, о Боге, обо всем...

Наконец, кофе действует усыпляюще, и тебя забирает крепкий предутренний сон... «Если пробудишься раньше положенного часа, то, не обленясь, восстани и мало помолишься Богу твоему и возбудившему тебя святому Ангелу Хранителю. Веруй же точно, что Ангел Хранитель возбуждает тебя на это, почему ты и не должен лениться. Помолись, дабы не отогнать его от себя; а помолясь, снова ложись и твори молитву до пришествия сна» (протоиерей Валентин Мордасов, †1998) .

*Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?
Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырвется одна.
Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах Вселенной*

*Лишь избранные светятся цветы.
Я разве — только я? Я — только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем
Ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг?*

Николай Заболоцкий, †1958

* * *

Утром, после бритья, я увидел в зеркале свое не очень красивое для посторонних, но до боли родное лицо. Что-то неуловимо изменилось в нем, и я пристально вгляделся в отраженное амальгамой изображение. Да, мы мчимся сквозь время, и время на нас оставляет свой неизгладимый след. Ну вот, теперь я понял перемены: мышцы лица потихоньку ослабли и, опустив щеки к скулам, сделали лицо незнакомо-одутловатым. Волосы на голове постепенно сдают позиции и отступают назад, оставляя в арьергарде редкие кустики растительности, все больше открывая широкий лоб «мыслителя», а на месте макушки образовалась полянка-лысина. Поседали виски, скакуны-мысли резко сбавили ход; и дел за день делаешь меньше, и полежать хочется в дремоте.

И все равно — нет жалости о прожитом, и вновь — ни за что. Твой неказистый путь — только твой, со всеми его развилками и натруженными ногами.

...Я больше не хожу бегом, как в солнечном детстве, но медленно ступаю по нехоженой тропе жизни, согретый лучами неяркого вечерющего света...

*Здравствуй, старость, утро жизни новой,
Запах зимней зелени еловой.
Здравствуй, старость, малое оконце,
Где сияет жизни вечной солнце.
Здравствуй, старость, снег, летящий к Раю,
Я тебя люблю и знаю.*

Архиепископ Иоанн (Шаховской), †1989

* * *

От моего счастливого детства у меня сохранились две вещи — книга 1954 года «Фильмы-сказки» и картонная, покрытая разноцветной фольгой лошадка — елочная игрушка. Я пристроил лошадку на верху шкафа, и она уже пять десятилетий без устали скачет вперед, вперед, словно говоря: «Не робей! Мы все равно добежим до цели...»

История и современность

**Архиепископ
Тихвинский
КОНСТАНТИН**

**ИСТОРИЯ
САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКИХ
ДУХОВНЫХ ШКОЛ
ОТ ОСНОВАНИЯ
ДО РЕФОРМЫ:
1721–1808 годы**

Крещение Руси в конце X века изменило религиозное мировоззрение наших предков. Вместе с распространением христианства по бескрайним просторам Древней Руси, распространялась и грамотность. Именно после крещения Руси князем Владимиром «учение книжное» стало предметом государственной заботы, как о том свидетельствует Начальная летопись: «...нача поимати у на-рочитые чади (то есть у лиц привилегированного сословия) дети и даяти нача на учение книжное»¹. Монастыри, как центры духовной жизни, на протяжении веков были хранителями книжной мудрости и

¹Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. — М.: Российский Фонд Культуры, 2006. — С. 315.

Высокопреосвященнейший Константин, архиепископ Тихвинский (Горянов Олег Александрович). Родился в 1951 году. По окончании Винницкого медицинского института шесть лет работал врачом, в том числе и на «Скорой помощи», три года преподавал в институте. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию. Полгода будущий архиепископ сколачивал ящики на железной дороге, работал на лесоразработках, и только после этого митрополит Филарет разрешил принять его сторожем в Жировицкий монастырь, чтоб уже от монастыря получить направление в семинарию. Закончил Московскую Духовную Семинарию и Академию. Кандидат богословия. С 1990 года — архимандрит. Шесть с половиной лет был ректором Минской Духовной Семинарии. За труды по возрождению семинарии и епархии награжден Патриархом Алексием II орденом преподобного князя Даниила Московского. С 1996 года — ректор Санкт-Петербургских Духовных Семинарии и Академии, викарий Санкт-Петербургской епархии, профессор, зав. кафедрой богословия.

насадителями христианского просвещения и образования в самых отдаленных уголках Руси. Тем не менее, несмотря на это, в течение пяти веков после крещения на территории России не появилось ни одной школы с организованной **системой** богословского образования.

Выдающийся религиозный философ, один из основоположников славянофильства Иван Васильевич Киреевский (1806-1856) разрабатывал идею самобытности русской культуры и характер ее просвещенности, сравнивая ее с отошедшей от религиозных начал и утратившей духовную целостность культурой Европы. Он пишет, что понять и выразить эти основные начала, из которых сложилась особенность русского быта, не так легко: «Ибо коренные начала просвещения России не раскрылись в ее жизни до той очевидности, до какой развились начала западного просвещения в его истории. Чтобы их найти, надобно искать; они не бросаются сами в глаза, как бросается образованность европейская»².

Однако, в связи с тем, что «Чаадаевские идеи об извечном отставании России достаточно прочно вошли в нашу систему преподавания»³, принято говорить, что вплоть до XVII-XVIII вв. вследствие отсутствия системного образования духовенство, а с ним и весь народ находились во тьме невежества. И даже в то время, когда на Украине в XVII в. открывались и развивались богословские школы, в Московской Руси царили «прежнее невежество и застой»⁴. Такие прозападнические настроения прочно проникли в церковно-историческую литературу XIX-XX вв., поэтому к подобным высказываниям следует относиться критически. В прошлом широко было распространено мнение о культуре Древней Руси как об отсталой и замкнутой в себе. Это чисто секулярный подход — якобы поэтому и пришлось «прорубать окно» в Европу, чтобы облагородить невзрачность культурного наследия родного Отечества. Объективно сравнивая западно-европейское и древнерусское просвещение, Киреевский приходит к итогу: «Богословие на Западе приняло характер рассудочной отвлеченности — в православном мире оно сохранило внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума — здесь стремление к их живой совокупности; там движение ума к истине, посредством логического сцепления понятий — здесь стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточению разума;... там схоластические и юридические университеты — в древней России молитвенные монастыри, сосредоточивавшие в себе высшие знания; там рассудочное и школьное изучение высших истин — здесь стремление к их живому и цельному познанию; там взаимное прораствание обра-

² Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избранные статьи. — М.: Современник, 1984. — С. 205.

³ Постернак А.В. К проблеме преподавания истории в школе с православных традиций // Приглашение к истории. Сб. статей. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. — С. 77.

⁴ Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории. 2001. — С. 353.

зованности языческой и христианской — здесь постоянное стремление к очищению истины»⁵.

Отсутствие *системы* богословского образования, в современном смысле этого слова, еще не говорит об отсутствии великой культуры, о безграмотности населения. Археологические открытия в XX в. в Великом Новгороде, в ходе которых было найдено огромное количество берестяных грамот, позволяют говорить о практически полной грамотности населения. В настоящее время нет никаких сомнений в большой ценности древнерусского зодчества, иконописи (иконы, фрески, мозаика).

Что же касается древнерусской литературы, то те открытия и исследования, которые были сделаны в XX в. говорят о том, что «в Древней Руси существовала своеобразная и великая культура — культура глубокого озера Светлый Яр, как бы незримая, плохо понятая и плохо изученная, не поддающаяся измерению нашими европейскими мерами высоты культуры и не подчиняющаяся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть настоящая культура»⁶. Эта мысль крупного отечественного ученого и специалиста в области древнерусской литературы, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева перекликается с вышеприведенными высказываниями И.В. Киреевского.

Необходимо учитывать, что русской литературе практически тысяча лет и это одна из самых древних литератур Европы. Приведем свидетельство Лихачева: «Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в... Художественная ценность древнерусской литературы еще до сих пор по-настоящему не определена... Древнерусская литература еще молчит, хотя работ о ней появляется в разных странах все больше... Мы стоим на пороге этого открытия, пытаемся нарушить молчание, и это молчание, хотя еще и не прерванное, становится все более и более красноречивым»⁷. Однако и то, что уже сделано в области исследований древнерусской литературы, позволяет сказать, что «перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания»⁸.

Невозможно говорить о культуре и истории Древней Руси и не упомянуть о феномене древнерусской святости, которая собственно и является высшим идеалом и целью христианского образования. Это образование, в первую очередь, должно служить раскрытию образа Божия в человеке. А ведь расцвет святости приходится не на «просвещенный XVIII в.», а на XIV-XV вв., когда в лике святых прославились преподобные, святители, благоверные князья. Монастырские келии стали кабинетами ученых подвижников, когда внешняя ученость была неразрывно связана с монашеским деланием и подвигом. «В своей трудовой аскезе русский святой не отвергает и книжного труда: нередко своей рукой переписывает необходимые книги для церкви, списки богослу-

⁵ Киреевский И.В. Указ. соч. — С. 234.

⁶ Лихачев Д.С. Указ. соч. — С. 271.

⁷ Там же С. 231-232.

⁸ Там же. С. 234.

жебных и учительных книг. Уважение к духовному просвещению было велико — и у святого и у его биографов»⁹.

Высшая духовная школа, как система, возникла в России в XVII в., «в ходе развития древнерусской образованности, основанной на глубочайшей связи с Православной Церковью... Глубокая церковность древнерусского образования обуславливала его высокий нравственно-воспитательный характер и способствовала созданию удивительно чистой культуры»¹⁰. Конечно, отсутствие возможности получить систематическое богословское образование часто отрицательно сказывалось на состоянии не только народа, но и самого духовенства, на котором лежала исключительная обязанность просвещать русский народ, поскольку в этот период «умственное развитие народа шло только в религиозном направлении и непосредственно зависело от служителей церкви...»¹¹.

В это время нужда в систематически образованном духовенстве стала возрастать с каждым годом; между тем как уровень большинства кандидатов во священство не выходил за рамки элементарной грамотности. Невозможно также отрицать недоверие значительной части русских людей той эпохи к образованию и просвещению, идущему с Запада, как источнику заблуждений и ересей: «Целые столетия тянулась на Руси замечательная по своей нерешительности борьба двух партий — приверженцев образования и защитников невежественной старины, борьба света с тьмою, разума с предрассудками, о счастливом или несчастливом окончании которой нельзя было ничего сказать»¹².

В русском обществе царил «религиозный формализм, в силу которого считалось достаточным сохранять чистоту обрядов, а истинность православной веры полагалась самоочевидной»¹³. Но Киреевский глубже и объективнее подходит к этой проблеме и считает, что особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, — во всем объеме ее общественного и частного быта. «В этом состояла главная сила ее образованности; но в этом же таилась и главная опасность для ее развития. Чистота выражения так сливалась с выражаемым духом, что человеку легко было смешать их значительность и наружную форму уважать наравне с ее внутренним смыслом»¹⁴. Отсюда шло недоверие к «учености», которая, как опасались, могла привести только к ересям.

Указывая на эти стороны в отечественном образовании, необходимо подчеркнуть, что недоверие к «учености» не было общераспространенным, сторонники «невежества» никогда не превалировали и не чувствовали себя спокойно. Между ними и приверженцами образования всегда была борьба, которая мешает делать однозначные выводы о

⁹ Феготов Г.А. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси. — М.: Мартис, 2000. — С. 195-196.

¹⁰ Салтыков А., свящ. Краткий очерк истории Московской Духовной Академии // Богословские труды. Юбилейный сборник. Московская Духовная Академия 300 лет (1685-1985). — С.73.

¹¹ Архангельский А. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. — С. 3.

¹² Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. — СПб., «Летний Сад»; «Коло», 2001. — С. 3.

¹³ Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. 4.1. — С. 389.

¹⁴ Киреевский И.В. Указ. соч. — С. 236.

косности и невежестве русского духовенства и народа. Можно привести примеры просветительской деятельности святителя Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа Волоцкого. Они использовали весь арсенал знаний того времени для борьбы с ересью жидовствующих. Надо отметить, что положительное и отрицательное отношения к образованию имели место быть и в Древней Церкви, когда систематическое образование возможно было получить только у языческих учителей. Страх перед языческим нечестием и возможностью через неумелое пользование знаниями впасть в ересь приводили к тому, что «некоторые из христиан все образование детей ограничивали изучением Слова Божия, не позволяя им знакомиться с языческой литературой и наукой. Вследствие этого язычники упрекали христиан в невежестве... Другие христиане, напротив, не опасались вводить в круг образования христианского юношества изучение языческой науки литературы»¹⁵.

К XVII столетию в Московском государстве уровень образования духовенства уже перестал удовлетворять запросам общества. Московский Собор 1667 г. констатировал необразованность духовенства, однако никаких решительных мер для того, чтобы поправить положение, так и не было предпринято. Существовали монастырские школы, но их было слишком мало, не хватало учителей высокого уровня. Ощущалась нехватка и самих учащихся.

Идея создания крупной богословской школы появляется только в 1680 г. А сам проект по открытию Славяно-греко-латинской академии в Москве, разработанный иеромонахом Симеоном Полоцким, осуществился только в 1687 г. Возглавили школу греки братья-иноки Софроний и Иоанникий Лихуды. Но при отсутствии епархиальных школ это единственное учебное заведение не могло, конечно, удовлетворить потребность в обучении духовенства большой страны.

Эллинско-славянское направление образования, выразителями которого и были братья Лихуды, пользовалось большей популярностью среди иерархов Русской Православной Церкви. Московская Духовная Академия начинает развиваться и постепенно становится в это время центром просвещения и сильным противовесом против православной по существу, но «латинской» по форме системы образования, шедшей из Киева.

Таким образом, просветительное движение, начавшееся в XVII в., постепенно с трудностями и всевозможными преградами стало развиваться и набирать силу. Весь этот процесс становления отечественной богословской школы проходил медленным естественно-эволюционным путем. Однако с воцарением Петра I в России происходят быстрые и коренные перемены во всех сферах политической, экономической, общественной жизни.

* * *

Происходит смена эпох, и новые потребности времени требуют новых систем и методов и в области церковного образования и воспита-

¹⁵ Борис (Плотников), архим. История христианского просвещения в его отношениях к древней Греко-римской образованности. Период второй. От торжества христианства при Константине Великом до окончательного падения Греко-римского язычества при Юстиниане (313-529). Казань, 1890. — С. 6.

ния. Начиная с XVII в. рост населения, развитие техники и естественных наук, сближение народов и культур, а также другие факторы выдвигают перед русским церковным сознанием множество проблем, требующих систематизации и специализации наук, в том числе и церковных.

Одной из главных забот императора Петра I, который прекрасно понимал, что именно образование является насущной проблемой России, было насаждение европейского просвещения. По словам Татищева, Петр I «не о чем более так не прилежал, как просвещению народа науками и к искоренению суеверий»¹⁶.

Петр I много усилий приложил к тому, чтобы устроить школы, которые были призваны готовить специалистов «в области армии и флота, горного дела и строительства крепостей»¹⁷. По Высочайшему указу одна за другой возникают светские школы со специальной направленностью. Так, первый большой госпиталь, основанный в Москве в 1707 г., имел целью подготовку русских врачей. «Существенной особенностью этой медицинской школы было то, что она и госпиталь находились в подчинении Синода и средства для их содержания поступали из Монастырского приказа. Первыми учениками школы были в основном дети иностранцев. Впоследствии ее комплектовали из воспитанников Московских славяно-греко-латинских училищ и монастырских школ, также находившихся в ведении Синода. Найти других кандидатов в лекари, знавших русскую грамоту и латинский язык, было невозможно»¹⁸.

Не осталось в стороне и образование духовенства. Правительство прекрасно осознавало необходимость школьного обучения и для духовного сословия. Сам император неоднократно указывал патриарху Адриану на важное значение школьного дела для государства и Церкви. Для улучшения образования духовенства по европейскому образцу и распространения просвещения Петр I обратил свой взор на Киевскую Коллегию, которая была тогда единственной в России прочно организованной школой. Киевская Коллегия впервые была названа «Академией» только в 1694 г., а в 1701 г. император утвердил за ней это наименование, и именно ее воспитанникам предоставлялись высшие церковные должности. И именно они были главными насадителями духовного образования в России в это время: «С самого начала XVIII столетия, благодаря особенно энергии новых иерархов из малороссов, воспитанников Киевской академии, которые пользовались большим вниманием правительства и один за другим занимали важнейшие иерархические посты, повсюду разнося с собою южнорусские школьные предания и направления»¹⁹.

В 1701 г. митрополиту Рязанскому Стефану (Яворскому) было поручено управление Московской академией, где он установил порядки Киевской духовной академии, пригласил киевских учителей, ввел преподавание на латинском языке. Этому примеру последовали и другие архиереи малороссы, выпускники Киевской Духовной коллегии,

¹⁶ Цит. по: Доброклонский А.П. Указ. соч. — С. 581.

¹⁷ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейшей периоды / 2-е изд., перераб. — М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. — С. 34.

¹⁸ Российская Военно-медицинская академия (1798-1998). — СПб., 1998. — С. 5.

¹⁹ Знаменский П.В. Указ. соч. — С. 14.

которые стали открывать в своих епархиях школы: епископ Черниговский Иоанн (Максимович) (1697-1712) открыл в 1700 г. в Чернигове; митрополит Ростовский Димитрий (Туптало) (1702-1709) — в 1702 г. в Ростове; митрополит Сибирский Филофей (Лещинский) (1702-1712, 1715-1728) — в 1703 г. в Тобольске; митрополит Смоленский Дорофей (Коротков) — в 1715 г. в Смоленске²⁰.

Но русское духовенство с недоверием относилось к западному, а не к русскому монастырскому образованию и не хотело отдавать своих детей в эти новооткрытые школы, устроенные по латинскому образцу. «Главной причиной недоверия к семинариям была оторванность от церковной жизни. Многие учителя были выходцами из Малороссии и Польши. Эти учителя порой высоко смотрели на своих питомцев и презирали их. Детей часто свозили в школы под стражей, чтобы они не разбежались. Беглецов укрывали родители. Но несмотря на все строгости, несмотря на то, что беглецов ловили и возвращали в семинарии против многих фамилий значилось: «постоянно в бегах». Лишь немногие воспитанники дотягивали до последних богословских классов. Большинство их уходило либо на приходы, либо на светскую службу, не проходя и половины семинарского курса»²¹.

Особо следует отметить труды Новгородского митрополита Иова (1697-1716), который в 1706 г. организовал в Новгороде славяно-греческую школу с помощью братьев Лихудов, а в епархии — еще более десяти школ. Именно благодаря покровительству митрополита Иова и кипучей деятельности братьев-инок Софрония и Иоанникия Лихудов Новгородская школа в скором времени стала крупным богословско-просветительским центром на Северо-Западе России. «Насколько солидно велось здесь обучение, видно из того, что она служила в свое время как бы учительским институтом для других училищ; ее ученики основали до 16-ти низших школ в пределах новгородской епархии; сам государь смотрел на нее, как на образцовую школу, посылал туда дворянских недорослей для обучения и иностранные книги для перевода, — получение каких выпадало только на долю академий»²². И именно из Новгорода в новооткрытую в Санкт-Петербурге Александро-Невскую школу присылались ее первые преподаватели.

Но в целом, духовные семинарии в разных епархиях создавались медленно. Правительство же было заинтересовано в ускорении темпа народного образования. Именно поэтому Высочайшими Указами 1714 и 1716 гг. было постановлено учреждать при архиерейских домах и в знатных монастырях начальные «цифирные» или арифметические школы для детей священно- и церковнослужителей. Однако, несмотря на правительственный Указ, школы появлялись чрезвычайно медленно. «В 1719 г. полковник Скорняков-Писарев, управлявший цифирными школами петербургской губернии, донес Сенату, что только в ярославской школе есть ученики, а в Новгороде и Пскове цифирные школы еще не открывались, хотя навигаторы давно туда отправлены»²³.

²⁰ Смолич И.К. Указ. соч. — С. 390.

²¹ Цыпин В., прот. Указ. соч. — С. 36-37.

²² Архангельский А. Указ. соч. — С. 15.

²³ Прилежаев Е. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // ХЧ. 1877. Ч.1. март-апрель. — С. 348.

Основы для создания духовных школ в России были заложены лишь в 1721 г. «Духовным регламентом»²⁴. Вопросы образования освещены во 2-й части в разделе «Дела епископов», а также в разделе «Домы училищные и в них учителя, и ученики, и проповедники»²⁵. Согласно постановлению Регламента, вместо цифирных школ необходимо «всякому епископу иметь в доме или при доме своем школу для детей священнических и прочих, в надежду священства определенных, и соединить с ними цифирные школы, где таковые были открыты»²⁶.

Пока в высшей администрации решался вопрос об отношении духовных школ к «цифирным», в губерниях и провинциях «епархиальные власти и приходское духовенство, узнав новые постановления духовного регламента о заведении архиерейских училищ, не хотели более подчиняться указам 1714-1716 годов в ожидании особых распоряжений Святейшего Синода, а дети, набранные к навигаторам ранее, разбежались из арифметических школ и жили под укрывательством отцов»²⁷.

Однако, можно сказать, что благодаря «Духовному регламенту» в 1721 г. открывается новый период в истории духовного просвещения в Российской Империи в целом, а в Санкт-Петербурге в частности. На авторитетную новгородскую кафедру в это время был назначен выдающийся иерарх архиепископ Феодосий (Яновский), «вице-президент, почину которого принадлежал едва ли не большая часть мер, предпринятых в те годы Св. Синодом на пользу духовного образования»²⁸.

Александро-Невская славянская школа

Согласно программе «Духовного регламента» на необъятных просторах Российской Империи начали открываться новые школы. В 1721 г. в С.-Петербурге архиепископ Феодосий (Яновский) открыл школу при Александро-Невском монастыре, а постоянный член Св. Синода архиепископ Псковский Феофан (Прокопович) открыл семинарию рядом со своим домом в Петербурге на р. Карповке. «Эти две столичные семинарии, да к ним еще присоединилась в Нижнем Новгороде, были открыты первыми по программе Духовного Регламента. Но они так же,

²⁴ Духовный регламент — главный акт петровского законодательства о Православной Церкви, заключающий в себе важнейшие начала реформы и целый ряд отдельных мер, из которых самое видное занимает замена патриаршества коллегиальным управлением Синода. Регламент составлен архиепископом Феофаном Прокоповичем в 1720 г., подписан в феврале 1721 г. В Регламенте дано общее определение нового устройства церковного управления посредством духовной коллегии, определен круг ведения Синода и отдельных духовных лиц. См. подробнее: *Мякотин В.Л.* Духовный Регламент // *Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. Т.1.* М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. — С. 509-510; *Доброклонский А.П.* Указ. соч. С. 508-509.

²⁵ *Смолич И.К.* Указ. соч. — С. 390.

²⁶ *Чистович И.* История С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. — С. 5. См. также: *Духовный Регламент.* Изд. 4-е. М.: Синодальная библиотека, 1897. — С. 29.

²⁷ *Прилежаев Е.* Из истории русской духовной школы в первые годы Синодального управления // *ХЧ. Ч.1.* 1879. Январь-февраль. — С. 178.

²⁸ *Прилежаев Е.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // *ХЧ. 1877. Ч.1.* март-апрель. — С. 351-352.

как и другие архиерейские школы и до и после этого года, не были еще полными. Они вырастали по мере нахождения учителей и учеников»²⁹.

Таким образом, указом преосвященного Феодосия (Яновского) 11 июля 1721 г. было предписано: «учредить в общую пользу при Александро-Невском монастыре, для обучения юных детей чтению и писанию, Словенскую школу, в которой как того монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от 5 до 13 лет, учить словенского чтения и писания по новопечатным букварям... И содержать ту школу из обыкновенных того монастыря доходов»³⁰. Эта школа стала родоначальницей блестящего сонма Петербургских духовно-учебных заведений, которые возглавляются в настоящее время Академией.

Первым и единственным учителем грамматики тогда был Иродион Тихонов, воспитанник Новгородской славяно-греческой школы, прибывший в Петербург 2 июля 1721 г. Содержание школы было определено из обыкновенных монастырских доходов, причем жалование учителю составляло: 30 рублей деньгами и хлебом — муки ржаной и овса по 15 юфтей³¹.

Среди первых воспитанников Славянской школы были дети из разных сословий. Это были дети и родственники монастырских слуг, служителей, мастеровых, крестьян и солдат. Так, в январе 1722 г. жена писаря гренадерского ротного полка Анна Тимофеева Бейдева писала в Канцелярию Невского Монастыря, что «в 1717 году умер ее первый муж, ратушный подьячий Андрей Щеткин, а после него остался сын Стефан, которому идет ныне 10 год, и его за скудостью нынешнею содержать в науке и пропитать она сама не может, к тому же вышла замуж за другого, и просит принять его в Школу на монастырскую пищу и одежду»³². Просьба была удовлетворена.

Вслед за Тимофеевой в январе и феврале и другие монастырские служители и солдаты, а также крестьяне стали просить о приеме их детей в школу. Кандидаты были проэкзаменованы. Оказывалось, что одни учились по Псалтири до четвертой кафизмы, другие — менее. Одни принимались на монастырскую пищу и одежду, других родители обязывались «поить, кормить, одевать и обувать из своего кошту»³³.

Постепенно в школе собралось уже достаточное число учащихся, при котором одному человеку было трудно преподавать все предметы. Поэтому в августе 1723 г., по распоряжению архиепископа Феодосия, из той же новгородской школы был вызван Андрей Тишин, который преподавал грамматику и греческий язык. Предполагалось, что «Тишина надлежит во всем содержать равно с Тихоновым»³⁴.

²⁹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Том II. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004; Библиополис, 2004.. — С. 563.

³⁰ Цит. по: Чистович И. Указ. соч. — С. 7.

³¹ Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. 1713-1913: Историческое исследование. В 2-х кн. Кн.1. — СПб.: Издательство «Logos», 2001. — С. 265.

³² Там же. С. 267.

³³ Там же. С. 267.

³⁴ Там же. С. 268.

Судья Головачев наложил резолюцию по поводу содержания Тишина: «к докладу, а по указу кормить его от избытков братских с певчими». Указа ждать пришлось довольно долго, и в январе 1724 года Тишин обратился к архиепископу Феодосию по поводу своего жалования. Он просил определить его трактamentом³⁵, «понеже» он «как одеждami, так и обувью весьма обносился»³⁶.

Не дождавшись никакого решения по поводу своего дела, Тишин в феврале 1724 года покинул школу и, как донес Тихонов, унес с собою «воровски из сундука монастырских казенных у учеников 3 колпака, да двои рукавицы» и принадлежавшую Тихонову «Славенскую грамматику со всеми надлежащими правилами, ценою в 5 рублей»³⁷.

В 1724 году некоторые ученики были переведены с монастырского содержания на свое собственное. В это время в школе было 54 человека. Большинство из них — крестьянские дети-сироты. Они были оставлены на прежнем содержании. При этом постановили «протолковать довольно» отцам и родственникам школьников, переводимых с монастырского содержания, что из монастырских средств получает вознаграждение учитель, приобретаются книги и содержится школа с дровами и сторожем, что дети их обучатся им же, а родителям и родственникам, впрок и что, если бы они не были взяты в школу, все равно их пришлось бы содержать «по должности свойства»³⁸. Это распоряжение повело к тому, что 5 учеников ушли из школы.

Школьникам выдавалась следующая одежда: «шапка, рукавицы, овчинная шуба, 2 галстуха, 2 платка, сапоги, башмаки, чулки из шерсти, две рубахи из холста. Для постели выдавался войлок и подушка. Войлок обшит был холстом, подушка — из перьев или оленьей шерсти. Для подушки 11/2 аршина тонкого холста»³⁹.

Одежда выдавалась не регулярно, и Тихонов 24 декабря 1721 г. ходатайствовал о выдаче одежды и постели школьникам. В 1722 году было решено взять на монастырский счет еще 10 школьников, но пятерым из них вместо шуб из овчин с опушкою крашенинною сделаны были, из-за недостатка овчин, сермяжные кафтаны. Школьники были ими недовольны и просили заменить шубами. По представлению учителя грамматики Тихонова, 26 сентября 1724 года 34 ученикам школы решено было выдать по две пары рубашек со штанами, по 2 платка и 2 галстука каждому, 18 новых шуб и сапог, 15 шапок.

Интересно заметить, что в качестве лекарства школьникам в разное время было выдано 13 фунтов пороха, который применялся тогда в армии от многих хворей.

В Александро-Невской школе первоначально изучали азбуку, письмо, арифметику, грамматику, слушали толкование Деяtosловия, молитвы Господней и Евангельских блаженств. В свободное время студенты занимались музыкой и живописью, для чего приглашались мастера из города. Главным учебным пособием был букварь архиепископа Фе-

³⁵ Т.е. содержанием.

³⁶ Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 268.

³⁷ Там же. С. 269.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 272.

офана (Прокоповича), напечатанный согласно постановлению Св. Синода в 1720 г. под заглавием: «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, также: краткое толкование законного десягословия, молитвы Господней, символа веры и девяти блаженств»⁴⁰.

В качестве учебников Тихонов использовал также следующие книги: «Грамматика Максимовская, Грамматика Мелетиева, Лексикон трезычный, Лексикон Славенский, Новый Завет, Православное Исповедание, 10 Часословов, 10 Псалтирей, Букварей колико потребно будет»⁴¹. Этот список был подан Тихоновым 24 декабря 1721 г., но покупка их состоялась лишь 27 февраля 1722 г. Буквари продавались в Александроневской типографии, Часословы и Псалтири — в Петербургской типографии, а прочие книги приобретались в Москве на Печатном Дворе и в книжных рядах. «Часословы в переплете были куплены по 15 алтын 4 деньги, Псалтири по 24 алтына, по 10 экземпляров. Из Невской типографии Тихонов получил 60 букварей, ценою по 8 алтын 2 деньги. Из Москвы было прислано только 3 книги: Грамматика Мелетиева — Славенороссийская, Лексикон трезычный и Исповедание веры, или Катихизис. Книги обошлись в 3 рубля 3 алтына 2 деньги. Грамматики Максимовской, Лексикона Славенского и Нового Завета не оказалось в продаже»⁴².

Первоначально для приема и выпуска воспитанников не было определенных сроков: поступали в разное время и продолжали обучение столько, сколько кто успевал пройти в области грамматики и арифметики. Выпускались только те воспитанники, которые прошли полный курс грамматики и арифметики. Родителям было запрещено забирать своих детей до тех пор, пока они не завершат курс обучения. Сироты получали от монастыря пищу и одежду, а остальные были на содержании своих родителей, которые «платили за них монастырю три четверти ржи и три рубля в год»⁴³.

В 1721 г. при самом образовании Александроневской Славянской школы в нее поступило 26 человек: из них 17 — на своем и 9 — на монастырском содержании. В 1722 г. общее число воспитанников возросло до 53, в 1723 г. до 62: из них на монастырском содержании было уже 45 человек; в 1725 г. всех было 82 человека. Однако детей священнослужителей было немного; большая часть — это были дети канцелярских чиновников и монастырских служителей⁴⁴. Так, например, среди поступивших в школу «в 1724 и 1725 годах, указывают только 2 духовных имени — сыновей дьячка и пономаря села Борович»⁴⁵.

В 1722 г. архиепископ Феодосий предложил Св. Синоду проэкзаменовать учителей, преподающих в частных домах в Петербурге, поскольку в Св. Синоде не имелось о них никаких сведений. Проведение экзамена было поручено учителю Иродиону Тихонову, который после проверки представил Св. Синоду ведомость с оценками наставников.

⁴⁰ Прилежаев Е. Из истории русской духовной школы в первые годы Синодального управления // ХЧ. Ч.1. 1879. Январь-февраль. — С. 184.

⁴¹ Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 271.

⁴² Там же.

⁴³ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С. 8.

⁴⁴ Чистович И. Указ. соч. — С. 11.

⁴⁵ Рункевич С.Г. — С. 273.

Оказалось, что учителями в частных домах были архиерейские певчие, дьяки, их дети и дворовые служители. Тем из них, кто оказался знающим грамматику и правописание, были даны инструкции, как обучать чтению и письму, а неспособным было запрещено принимать на себя учительское звание⁴⁶.

В славянской школе в это время обучаются иностранцы: араб Абрам, служитель «Дома Императорского Величества», индеец и калмык. «Последний прислан был в 1724 г., по Указу Св. Синода, для обучения грамоте, нравственности и Закону Божию, дабы впоследствии мог быть священнослужителем для желающих принять святое крещение из калмыцкого народа»⁴⁷.

В то время калмыки стали принимать Православие, в связи с чем появилась необходимость в подготовке священнослужителей для их духовного окормления. Св. Синод направил к астраханскому губернатору Волинскому одного иеромонаха для поиска достойных кандидатов во священство для калмыков. Губернатор прислал в Москву из Астрахани крещенного калмыка Ивана Кондакова.

По предложению архиепископа Феодосия, Святейший Синод сделал распоряжение отправить его в Петербург и «тамо обучиться ему при Александро-Невском Монастыре в Славенской Школе правильного книгочтения, чтобы он церковным священнослужителем быть мог»⁴⁸.

Однако И. Кондаков не оправдал возлагаемых на него надежд. К 26 ноября 1724 года он изучил только азбуку, молитву Господню, Символ веры, архангельское приветствие, 50-й псалом и 9 заповедей блаженств — «с великою нуждою, понеже непонятен и ленив, не имеет к учению склонности и прилежного усердия»⁴⁹. После этого его вызвали в Св. Синод, где ему сделали «довольное увещание» и отпустили «с отобранием подписки, дабы он правильного книг чтения и в прочем учении обучался со всяким прилежнотщательным радением, безленостно, а ежели прилежного в том учении радения не возымеет, но станет лениться и в том обличен будет, то учинено будет ему на теле жестокое наказание и данные ему на одежду и обувь из синодальной казны деньги (15 рублей) возвращены будут с него со штрафом»⁵⁰. При этом было постановлено не давать ему ничего впредь из Синодальной Канцелярии, пока «в учении плода не покажет и о прилежании от учителя свидетельства не подаст».

Несмотря на скудость средств, которыми располагала школа при Александро-Невском монастыре, постепенно в ней воспитанники получали все лучшие и лучшие знания. В силу этого Александро-Невский монастырь также постепенно становится научным центром в столице. Свидетельством этого, например, является следующий случай, когда бывший в Санкт-Петербурге с польским послом иезуит, присутствовавший при спуске корабля, преподнес императору Петру панегирик на латинском и польском языках. Петр же отдал его для перевода именно

⁴⁶ Чистович И. Указ. соч. — С. 12.

⁴⁷ Там же. — С. 11.

⁴⁸ Рункевич С.Г. Указ. соч. — С. 274.

⁴⁹ Там же. С. 274.

⁵⁰ Там же. — С. 274-275.

в Александро-Невский монастырь, архимандриту Феодосию, который и перевел его.

Семинария архиепископа Феофана (Прокоповича)

Как было выше отмечено, в 1721 г. в Санкт-Петербурге было открыто две духовные школы. Помимо Александро-Невской славянской школы была открыта вторая школа архиепископом Псковским Феофаном (Прокоповичем) и сразу же получившая название семинарии. Туда принимались сироты и бедные дети всякого звания. При самом открытии было собрано 20 человек. В 1728 году в этой школе обучалось уже 46 человек⁵¹.

По словам исследователей — это была лучшая школа того времени как по внутреннему устройству, так и «по достоинству доставляемого ею образования»⁵². Это касается даже самого места расположения, т.к. оно было выбрано идеально в полном согласии с правилом Духовного Регламента об училищных домах, где сказано: «место академии не в городе, но в стороне, на веселом⁵³ месте удобное, где несть народного шума, ниже частных оказий, которые обычно мешают учениям и находят на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учениям не допускает»⁵⁴. Место новой школы совершенно удовлетворяло этим требованиям и представляло все удобства для занятий.

Сам император Петр I неоднократно посещал домовую архиерейскую семинарию: «Некогда Государь Петр Великий, в доме у Феофана бывши и видя сих семинаристов доброе воспитание, изволил онаго преосвященного за сие его старание об Отечестве благодарить»⁵⁵. Правительство много позаботилось о постройке для семинарии отдельного здания, вместо построенных на скорую руку деревянных корпусов, но потом это дело затянулось и закончилось провалом.

В семинарии архиепископа Феофана (Прокоповича) преподавание делилось по ступеням следующим образом: «год 1-й — грамматика, география, история; II — арифметика и геометрия; III — логика и диалектика; IV — риторика и пиитика; V — физика и метафизика; VI — политика. Метафизика может переносится и в этот класс; VII-VIII классы посвящаются богословию. Языки преподаются все время: церковнославянский, латинский, греческий и еврейский. Для воспитательных целей вводится система общежития «образом монастыря», Москве совершенно неизвестная»⁵⁶.

Учителями в семинарии были иностранцы: датчанин Адам Селлий (с 1722 по 1725 гг.); профессор Академии Наук Теофил Сигфрид Байер

⁵¹ *Архангельский М., свящ.* История Православной Церкви в пределах нынешнее С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. — С. 125.

⁵² *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 631.

⁵³ Т.е. живописном.

⁵⁴ Цит. по: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. — С. 631. См.: Духовный Регламент... — С. 58.

⁵⁵ *Рункевич С.Г.* Указ. соч. — С. 551.

⁵⁶ *Карташев А.В.* Указ. соч. — С. 563.

и Георгий Фридрих Федорович⁵⁷. Старшие воспитанники школы, доходя до высших классов, обучали младших и получали за это небольшое жалование, что было распространено в то время.

В 1727 г. преосвященный Феофан написал для своей семинарии инструкцию «что надлежит делать ученикам по дням и часам» в иезуитском духе, которую необходимо было прочитывать каждый месяц 1-го числа⁵⁸.

Архиепископ Феофан для развлечения и отдыха своих учеников организовал занятия по вокальной и инструментальной музыке. Последней обучались желающие у наемного мастера. Есть свидетельства, что архиепископ Феофан устраивал в своей школе сценические представления.

Именно такой отдых был распространен в духовных школах того времени. Например, в Московской Духовной Академии ученикам «разрешались летом рекреации, когда они на день освобождались от учения и могли предаваться веселью — заниматься музыкой, пением, представлением комедий и прогулками»⁵⁹.

Для совершенствования в науках архиепископ Феофан посылал своих учеников в гимназию при Академии Наук. Всего в семинарии, за время пятнадцатилетнего ее существования с 1721 по 1736 гг., обучалось до 160 юношей. «Архиепископ Феофан пытался дать своим ученикам разностороннее образование с тем, чтобы расширить их кругозор. Он пытался воспитать в студентах критический взгляд на науку и жизнь. Развить в них самостоятельность мышления настолько, чтобы еще в школе он проверял слова учителя по источникам из которых были взяты сведения»⁶⁰.

Ни у кого не вызывает сомнение то положение, что смысл всей деятельности архиепископа Феофана, и теоретической и практической, был направлен на поддержку петровских преобразований. Он полагал, что для их осуществления прежде всего нужна была наука, а не богословие. Себя и своих единомышленников он называл «ученой», а не «богословской» дружиной. Не лишне в этой связи напомнить и тот, очевидно неслучайный факт, что Феофан дважды уклонялся от слушания курса теологии в Киеве и в Риме. Мечтая о применении своих сил на научном поприще, он говорил о математике, а не о теологии, как о своем любимом предмете⁶¹.

По смерти архиепископа Феофана (†1736) стала разваливаться и семинария, которая поступила в ведение Правительственного Кабинета. Высочайшим Указом от 22 марта 1738 г. оставшиеся воспитанники

⁵⁷ Федорович Георгий Фридрих — прусский подданный, скорее всего происходил из онемечившихся прибалтийских славян; некоторое время служил обер-аудитором флота, а в 1760 г. был принят в Академию наук профессором юриспруденции существовавшего тогда при ней университета, здесь же принадлежал к немногочисленным сторонникам М. Ломоносова. Из Академии уволен в 1770 г.

⁵⁸ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. — С. 632. См. также: Архангельский М., свящ. Указ. соч. — С. 125.

⁵⁹ Могзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. Ч.2. — СПб.: Алетейя. 2000. — С. 343.

⁶⁰ Архангельский А. Указ. соч. — С. 25.

⁶¹ Ничик В.М. Феофан Прокопович. М., «Мысль», 1977. — С. 122.

школы общим количеством 21 человек были переведены в Александро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию для продолжения своего образования.

В дальнейшем некоторые из воспитанников школы архиепископа Феофана приобрели известность не только в церковной, но и в ученой, административной и других сферах государственной службы. Например, М. Богданов был учителем в Московской Духовной академии, а потом справщиком в Московской Синодальной типографии (†1743). Г.Н. Теплов — с 1740 г. переводчик, с 1741 г. — адъютант Академии Наук, для которой, по поручению ее президента графа Разумовского, составил новый Регламент. Впоследствии был статс-секретарем при императрице Екатерине II и сенатором (†1779). А.П. Протасов и С.Н. Котельников, продолжавшие учение в Академии Наук, были впоследствии ее действительными членами и Российской Академии⁶².

Итак, на первом этапе развития духовного образования в Санкт-Петербурге существовало две различные школы, две традиции. Первая, Александро-Невская славянская школа при монастыре, некоторое время продолжала традиции Новгородской славяно-греческой школы, у истоков которой стояли братья-иноки Лихуды. Во второй школе, семинарии архиепископа Феофана (Прокоповича), которая была богаче и считалась престижней Славянской школы, все образование было проникнуто протестантским духом. Результатом этого явилось то, что сразу после смерти своего основателя архиепископа Феофана семинария прекратила свое существование. Славянская же школа, глубоко православная по духу, несмотря на многочисленные трудности, бедность и невзгоды, которые приходилось переживать в первое время, постепенно развивается и впоследствии становится крупным богословским центром на Северо-Западе России.

Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария (1726–1788)

В 1726 г. через 5 лет от основания Александро-Невская школа была преобразована в Александро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию. Ее ректором стал советник Св. Синода архимандрит Петр (Смелич) (1726-1733), родом серб, бывший архимандрит Московского Симонова монастыря. По Высочайшему повелению императрицы Екатерины I он ввел в Александро-Невской школе преподавание греческого и латинского языков, а также собственно и переименовал ее в славяно-греко-латинскую семинарию. Если открытая в 1721 г. архиепископом Новгородским Феофосием (Яновским) «по Высочайшему повелению» славянская школа при Александро-Невском монастыре давала лишь элементарную грамотность, то сменившая ее в 1726 г. Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария имела уже целью давать будущим служителям Церкви серьезное, по тем временам, общее и богословское образование.

Для преподавания греческого и латинского языка был определен Афанасий Склада, грек из Кефалонии. Начальство монастыря, поскольку

⁶² Чистович И. Феофан Прокопович и его время. — С. 638.

ку он был известен своими учеными и библиографическими трудами, поручило ему привести в порядок и описать монастырскую библиотеку и пополнить ее книгами, необходимыми для учебного процесса. Прослужив, по условию, 3 года (с 1726 по 1729 гг.) Афанасий Склада оставил семинарию.

Для преподавания арифметики и геометрии, по прошению архимандрита Петра, из инженерной роты ее начальником генералом от фортификации Декулоном был прислан воспитанник Иван Соснин, который исполнял также должность префекта⁶³ школы. Прослужив с 1726 по 1729 гг. он оставил семинарию.

В 1729 г. все учителя оставили семинарию и до 1733 г. школа оставалась без учителей. Такое положение прежде всего было связано с тем, что после смерти императора Петра I в 1725 г. правительство существенно ослабило содержание, руководство и надзор за просвещением, в том числе и духовном. Наступило время реакции, которую пришлось прочувствовать и духовной школе, которая не успела еще «запасться достаточными внутренними силами к своему существованию по своей крайней молодости»⁶⁴. Семинаристы занимались канцелярскими делами, выполняли различные монастырские послушания, вспоминая под руководством подъячих старые уроки грамматики и арифметики.

Архимандрит Петр за назначением учителей обратился в Св. Синод, указав при этом, что лучше было бы прислать учителей из Киева. Св. Синод поручил Киевскому архиепископу Рафаилу (Заборовскому) прислать в Александро-Невскую семинарию 4-х учителей. Одновременно с этим, в июле 1734 г. архимандрит Петр пригласил в семинарию прибывшего в Петербург Адама Селлию⁶⁵, который преподавал латинский язык и управлял школой до 1737 г. Элементарное же преподавание — русское чтение и письмо, арифметику и пение — поручалось старшим воспитанникам.

Число учащихся в разное время было неодинаковым: в 1725 — 81 воспитанник, в 1735 г. — 35; в 1739 г. — 88; в 1741 г. — 108; в 1744 г. — 74; в 1762 г. — 73. В составе учащихся были дети священно- и церковнослужителей, разночинцев и монастырских служителей, а также временно обучавшиеся здесь из новгородской и псковской семинарий.

Учащиеся исключались из школы из-за неспособности к учению, причем это делалось, как правило, в первый год обучения. Так, в октябре 1727 г. Склада отчислил из семинарии одного воспитанника за неспособность к обучению. Об исключаемых было особое распоряжение: непонятливых учеников долговременно в школе не держать, а отправ-

⁶³ Т.е. инспектора.

⁶⁴ Знаменский П.В. Указ. соч. — С.139.

⁶⁵ Адам Селлия — лютеранин, родом из Дании. Образование получил в Иенском университете. Первоначально занимался медициной, затем перешел на богословие. Был учеником известного западного богослова Франциска Буддея. В 1722 г. прибыл в Петербург, был учителем в семинарии архиепископа Феофана Прокоповича, преподавал в Московской гимназии. Затем служил в Санкт-Петербурге в Академии Наук. 1734-1737 гг. — преподавал в Александро-Невской семинарии. Был секретарем у графа Лестока, позже вернулся в Александро-Невский монастырь, где изучал церковную и гражданскую историю России. Незадолго до смерти перешел в Православие, был крещен с именем Николай. В 1745 г. — принял монашеский постриг с именем Никодим. Скончался в 1746 г., погребен в Александро-Невском монастыре.

лять на усмотрение архиереев⁶⁶. Это было общим правилом и в светских школах. Так, в Санкт-Петербурге при госпитальной хирургической школе особое внимание доктор уделял ученикам в первый год «и если за ними какую неспособность или натуральную гнусность усмотрит», немедленно должен был их уволить. Если ученики отправлялись в церковь, то отряжался лекарь, «который за молодыми людьми смотрит, чтобы, кроме церкви, в посторонние места не ходили, и трезвых в целости приводил»⁶⁷.

Уровень учащихся как в духовном, так и в интеллектуальном плане был неодинаков, вследствие того, что набор воспитанников производился из разных сословий. «Служительские дети, поступая в школу вносили свои грубые привычки и допускали шалости неизвинительные и несовместимые с возрастом»⁶⁸. Адам Селлий не раз должен был прибегать к самым строгим мерам для наказания и исправления виновных: «Сказывавшегося 3 недели больным ученика Селлий, по его собственным словам, «служительским хлебом и розгами в прежнее здоровье привел». Затем за речи этого школяра, будто его Селлий неверно и плохо учит, он «укреплял его получше ученой вещи плетью, дабы он их не забывал»»⁶⁹.

В том, что среди педагогических приемов XVIII в. были телесные наказания нет ничего удивительного. Тогда в Европе телесные наказания еще не были отменены. Это было время, когда перед воспитателем и в светском обществе стояла задача «приготовить человека, проникнутого самой строгой субординацией, безответного перед начальством, без рассуждения исполняющего все его распоряжения. Лучшим средством для такого воспитания были признаны казарменная дисциплина, наружная выправка, а лучшими воспитателями являлись, конечно, военные люди, привыкшие выправлять солдат по военному регламенту»⁷⁰. В середине XVIII в. в гимназии при Академии Наук наказывали даже палками, что приводило иногда к увечьям учащихся. Вследствие этого руководство Академии вынуждено было определить «палкою не наказывать, и тем учеников не увечить, а за вины, с доклада профессору, наказывать впредь розгами»⁷¹. Следует отметить, что в Англии в самых престижных колледжах для детей высшей аристократии сохранялась практика наказания за провинности розгами и в XX веке.

В начале 1736 г. архимандрит Петр был посвящен в епископа Белгородского. Из Киевской Духовной Академии не прислали наставников по неизвестной причине. Поэтому приемник архимандрита Петра, архимандрит Стефан (Калиновский) (1733-1739), бывший ректор Московской Духовной Академии (МДА) должен был позаботиться о привлечении в школу новых учителей. Его выбор пал на бывших студентов МДА Григория Феодоровича Кременецкого и Андрея Степано-

⁶⁶ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С. 52.

⁶⁷ Российская Военно-медицинская академия (1798-1998). — С. 6-7.

⁶⁸ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С. 60.

⁶⁹ Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. 1713-1913. Кн. 1. — С. 540.

⁷⁰ Могзалевский Л.Н. Указ. соч. — С. 357.

⁷¹ Толстой Д.А., граф. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии Наук. СПб., 1885. — С. 29.

вича Зертис-Каменского. Оба они до поступления в МДА обучались в Киевской Духовной Академии, а Зертис-Каменский еще и в Львовской академии, которая в то время славилась своей ученостью и порядком. Именно они дали прочное устройство Александро-Невской семинарии, в которой молодые ученые завели новый порядок. Они начали курсы с новым составом учащихся и преподавали у них до самого выпуска. А вновь поступивших поручали для обучения старшим воспитанникам. Адаму Селлию при новых порядках не оставалось места, и он покинул школу в 1737 г.

Вскоре Зертис-Каменский и Кременецкий приняли монашество: первый с именем Амвросий, второй с именем Гавриил.

После архимандрита Стефана (Калиновского) ректорами Александро-Невской славяно-греко-латинской семинарии были: иеромонах Гавриил (Зертис-Каменский) (1739-1745), иеродиакон Никодим (Пученков) (1745-1756), иеромонах Сильвестр (Страгородский) (1756-17616), архимандрит Исайя (Германовский) (1766-1770), архимандрит Вениамин (Румовский-Краснопевков) (1770-1774), архимандрит Иоанникий (Орловский) (1774-1782), архимандрит Вениамин (Багрянский) (1782-1783) и архимандрит Иннокентий (Полянский) (1784-1788).

Наставники семинарии занимались научной и издательской деятельностью. Так трудами ректора иеродиакона Никодима (Пученкова) и архимандрита Иоасафа (Маткевича), ректора Новгородской духовной семинарии, были подготовлены переиздания житий святых святителя Дмитрия Ростовского и патерика Киево-Печерского монастыря⁷², что было важно для духовно-нравственного просвещения народа.

Учебный процесс был построен так, что во вторник, четверг и субботу ученики приходили утром к литургии, а затем после обеда обучались нотному пению. Ученики классов философии и риторики каждую субботу в присутствии ректора, учителей и своих сверстников с кафедры читали русские и латинские речи. Большое внимание уделялось церковному ораторскому искусству, когда не только преподаватели, но и студенты должны были говорить проповеди по воскресеньям и праздничным дням в храмах Александро-Невского монастыря.

Высочайшим Указом 27 августа 1784 г. в семинариях было усилено преподавание греческого языка. Знающим греческий язык воспитанникам было решено давать предпочтение при распределении.

В 1747 г. Высочайшим Указом было повелено согласно с каноническими правилами рукополагать в священники не ранее 30 лет, а в диаконы — не ранее 25 лет. Прошедшие семинарский курс имели право на лучшие места в епархиях. Духовным Регламентом было определено: «всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый по академии и от академии свидетельствованный, того на степень духовную или гражданскую чести не может упредить неученый с великим штрафом для власти оная, которая бы инако сделала»⁷³.

⁷² Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб.: «Андреев и сыновья», 1994. — С. 79.

⁷³ Цит. по: Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С. 49-50.

Что касается пострижения в монашество, то Указом 1741 г. было разрешено постригать только тех семинаристов, которые завершили обучение. Перед пострижением учителя и студенты не проходили трехлетнего испытания, потому что само обучение, согласно Указу 1733 г., вменялось им в трехлетнее испытание к постригу.

Из учителей и студентов Александро-Невской семинарии многие поступали священниками к церквям заграничных миссий.

По распоряжению начальства или по собственному желанию многие выпускники духовной школы поступали далее в другие высшие и средние учебные заведения. По Регламенту Академии Наук в 1747 г. при Академии был учрежден Университет, в первый набор которого предполагалось собрать 30 студентов из воспитанников Московской Духовной Академии, Александро-Невской и Новгородской семинарий. Это является ярким свидетельством того, что духовное образование высоко ценилось в светских кругах, а выпускники духовных школ стали основой университетского студенчества нашей страны.

Всего для Академии Наук из Александро-Невской семинарии в конечном счете было избрано 10 человек из богословского, риторического и пиитического классов. Некоторые из них в дальнейшем приобрели известность в ученом мире. Так, С.Я. Разумовский, поступил в Университет из риторического класса. После окончания курса был адъюнкт-профессором Академии Наук. Для усовершенствования в знаниях по математике был послан в Берлин. И. Барков стал переводчиком при Академии Наук.

Следует отметить, что с Академией Наук связи не прерывались на протяжении всей дореволюционной истории Санкт-Петербургских духовных школ. В разное время ее почетными членами были свт. Филарет (Дроздов), митрополит Макарий (Булгаков), митрополит Антоний (Вадковский), прот. Герасим Павский, проф. Болотов В.В., проф. Евсеев И.Е., проф. Чистович И.А. и многие другие выпускники, ректоры и наставники Санкт-Петербургской Духовной Академии.

В 1762 г. Коллегия Иностранных дел представила Сенату предложение: избрать учеников из Александро-Невской семинарии для изучения китайского и маньчжурского языков, чтобы впоследствии иметь хороших переводчиков. По собственному желанию в Коллегию поступили два воспитанника: из пиитического класса — И. Коркин и из грамматического — И. Полянский.

В царствование Елизаветы Петровны (1741-1761) особенно много для развития госпитальных школ сделал директор Медицинской канцелярии Петр Кондоиди. Он в 1754 г. добился согласия Синода на набор учеников из всех духовных академий и семинарий (до этого в Санкт-Петербург отпускаясь только московские семинаристы). Каждому приезжавшему из семинарии в уплату дорожных расходов выдавалось 10 рублей. Так была решена проблема комплектования госпитальных школ. В 1761 г. Кондоиди получил от Синода разрешение на отправку молодых врачей из бывших семинаристов для обучения за границу с выплатой двойного жалования⁷⁴. Св. Синод разрешил отпускать студентов риторического, философского и богословского классов. Поэтому

⁷⁴ Российская Военно-медицинская академия (1798-1998). — С. 7.

воспитанники Александро-Невской семинарии были желанными студентами в медико-хирургических училищах, и некоторые из них впоследствии становились крупными специалистами в этой области.

В 1765 г. по предложению обер-прокурора Св. Синода Мелисина некоторые студенты из Александро-Невской и других семинарий отправлялись для обучения за границу — в Кембриджский и Оксфордский университеты (Англия), Геттинген (Германия).

Главной задачей Александро-Невской славяно-греко-латинской семинарии была подготовка достойных кандидатов во священство для церковно-приходского служения. Именно в этот период среди учащихся преобладающим становится священническое сословие. Священноначалие выпускникам семинарии предоставляет свободу в выборе светского или духовного служения. Именно поэтому многие воспитанники семинарии продолжают свое обучение в университете при Академии Наук, в медицинских учебных заведениях, а также за границей в крупнейших университетах Европы. Обучение на латинском языке, при всех своих недостатках, имело и положительные моменты. Изучая латинский язык, воспитанники семинарии знакомились с богатой классической литературой Западной Европы. Но по-прежнему небольшими были оклады семинарских преподавателей, что не могло не отразиться на учебном процессе.

Александро-Невская Главная Семинария (1788–1797 гг.)

Преобразование и переименование Александро-Невской Семинарии в Главную связано с общими преобразованиями училищ Правительством. В 1786 г. при императрице Екатерине II было решено учредить народные училища во всех губерниях Российской Империи. Они делились на главные и малые. Главные учреждались в каждом губернском городе, малые — по необходимости и возможности в малых городах.

Сообразно с устройством главных народных училищ митрополит Гавриил (Петров)⁷⁵ ходатайствует о преобразовании Александро-Невской семинарии в Главную семинарию для Санкт-Петербургской и Новгородской епархии.

Указом Св. Синода от 27 июля 1788 г. было решено посылать в Главную семинарию лучших учеников со всех епархиальных семинарий, кроме Троицкой, Черниговской, Новгород-Северской (которые находились близ духовных академий), но не более двух человек от каждой

⁷⁵ Митрополит Гавриил (Петр Петрович Петров-Шапошников, 1730-1801), окончил Московскую славяно-греко-латинскую Академию Заиконоспасского монастыря. 1758-1761 гг. — ректор Александро-Невской семинарии. 1761-1763 гг. — ректор Московской Духовной Академии. 1763-1765 гг. — епископ Тверской. 1765-1799 гг. — митрополит Петербургский. 1799-1801 гг. — митрополит Новгородский и Олонецкий.

Митрополит Гавриил большое внимание уделял подготовке священнослужителей, особо заботился о процветании Александро-Невской семинарии. Сам занимался научной деятельностью, был почетным вице-президентом Российской Академии наук. Стараниями митрополита Гавриила был издан перевод на славянский язык книг «Добротолюбия», выполненный великим старцем Паисием Величковским. (См.: Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб.: «Андреев и сыновья», 1994. — С. 94-100.).

и закончивших ни ниже риторического класса. После окончания Главной семинарии ученики посылались в свои епархиальные семинарии на учительские должности (для несения педагогического послушания). В Главной семинарии произошли некоторые изменения. В круг предметов были введены церковная история, механика, естественная история; был открыт класс математики и опытной физики.

Ближайшее управление семинарией принадлежало Конторе, в состав которой входили ректор и префект.

Ректорами в Александро-Невской Главной семинарии были: архимандрит Иннокентий (Добровицкий) (1788-1795), архимандрит Антоний (Знаменский) (1795-1799).

При архимандрите Антонии Главная семинария была преобразована в Александро-Невскую Духовную Академию.

Что касается наставников, то одни из них получили образование в здешней семинарии, другие поступили в нее по приглашению митрополита Гавриила из епархиальных семинарий, училищ и светских учебных заведений. По ограниченности средств оклады были небольшими и неодинаковыми. Это заставляло наставников, при открывшейся вакансии, переходить на новые кафедры. Однако это было не полезно ни для науки, ни для заведения, ни для наставников. «Каждый вел своих учеников из класса в последующий класс и соответственно этому переходил от одной науки к другой, притом нередко в видах школьной экономии один преподавал две-три науки»⁷⁶.

Учителя предоставляли отчеты о предметах ректору, а ректор — митрополиту. Митрополит Гавриил сам присутствовал на экзаменах, утверждал разрядные списки, исключал и переводил воспитанников, сам назначал ректоров и префектов семинарии.

Наставники семинарии проводили катехизаторские беседы, а также делали переводы с иностранных языков на русский и с русского на иностранные. Некоторые наставники были сотрудниками литературных журналов, что свидетельствовало о бурной научно-богословской и общественной деятельности.

Надзор за воспитанниками осуществлял префект, ему в помощь назначался младший преподаватель или студент — инспектор. Число воспитанников было от 150 до 200 человек. Первый прием воспитанников в Главную семинарию был осуществлен в 1788 г., второй — в 1790 г., т.к. прием повторялся через каждые два года. Кроме близлежащих семинарий в Главную семинарию присылались воспитанники из Псковской, Олонецкой, Тверской, Вологодской, Белорусской, Владимирской, Воронежской, Казанской, Астраханской и Харьковской коллегии. Посещали Главную семинарию также и вольнослушатели.

Прием воспитанников в низшие классы проводился каждый год. Перевод из класса в класс зависел от успехов учащихся: одни доходили до риторического класса за два-три года, другие за пять лет. Курсы риторики, философии и богословия продолжались каждый по два года. Воспитанники двух высших классов — богословия и философии — назывались студентами, остальные — учениками. Лучшие из студентов назначались лекторами в низших классах. Самые любознательные сту-

⁷⁶ Доброклонский А.А. Указ. соч. — С. 588.

денты посещали лекции в Академии Наук и в других высших учебных заведениях.

В это время значительно увеличивается число книг в библиотеке, особенно после соединения Александро-Невской и Новгородской семинарий (1728 г.), из которой большая часть была перевезена в Александро-Невскую семинарию.

Из выпускников семинарии того времени вышло немало известных людей: из них можно назвать графа М.М. Сперанского, И.И. Матынова и Экзарха Грузии Феофилакта (Русанова).

В выборе духовного или светского звания митрополит Гавриил предоставлял выпускникам полную свободу, но при условии, что присланные из других семинарий воспитанники должны послужить в учительской должности в Главной семинарии. После этого митрополит рукополагал воспитанника или отпускал в светское звание. Воспитанники продолжали поступать в светские учебные заведения. «Снисходительность простиралась до того, что некоторые учителя при поступлении к должности просили митрополита назначить им более легкие предметы, для большей удобства в приискании места по гражданской службе, и митрополит Гавриил удовлетворял их»⁷⁷.

Переименованная Александро-Невская Главная семинария ставила перед собой задачу — дать своим воспитанникам серьезное богословское образование. Однако по-прежнему главными недостатками оставались нехватка преподавателей и небольшое жалование.

На данном этапе семинария окончательно стала сословным учебным заведением, куда могли поступать только дети священно- и церковнослужителей. Но, к сожалению, как и прежде, духовенство не слишком стремилось отдавать своих детей в семинарию для обучения. И в этот период имели место случаи побега воспитанников, хотя они уже не были столь частыми как на первоначальном этапе.

Продолжают развиваться и укрепляться отношения между духовной и светской школами. Так, ученым секретарем столичной Медицинской Коллегии был Григорий Иванович Базилевич. Все планы и штаты реформирующейся Коллегии, а также и само название преобразованного медицинского учреждения в Академию, принадлежит ему⁷⁸. В 1798 г. медико-хирургическое училище было решено преобразовать в «Павловскую Медико-Хирургическую академию», однако император Павел I со словом «Павловская» не согласился. Большинство поступающих были выпускниками духовных академий и семинарий. По Указу 1797 г. Духовное ведомство обязано было ежегодно выделять для обучения врачебной науке 50 человек из числа окончивших семинарии⁷⁹.

⁷⁷ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С. 100.

⁷⁸ Базилевич Григорий Иванович родился на Украине в 1759 г. в семье священника. Закончил Харьковскую славяно-греко-латинскую семинарию; будучи учеником прославился проповедями в кафедральном соборе. От духовной карьеры отказался и в 1783 г. поступил в Петербургское медико-хирургическое училище; в 1785 г. произведен в лекари и отправлен за границу для усовершенствования. Учился в Страсбургском университете и получил звание доктора медицины.

⁷⁹ Российская Военно-медицинская академия (1798-1998). — С. 11.

Александро-Невская Академия (1797—1808 гг.)

В 1797 г., когда Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь был переименован в Александро-Невскую Лавру, тогда же и Александро-Невская Семинария была преобразована в Александро-Невскую Академию, согласно Высочайшему Указу императора Павла I от 18 декабря 1797 г., в котором отмечено: «Признали Мы за благо следующее распоряжение: как просвещение и благонравие духовного чина способствует просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских, повелеваем кроме бывших доньше духовных академий в Москве и Киеве, учредить такие духовные академии в Санкт-Петербурге при Александро-Невском монастыре, и в Казани, вместо находящихся там семинарий, снабдя их всем, соответствующим званию и для преподавания потребным»⁸⁰.

Историческое здание Духовной Академии постройки 1821 года

Исполняя Указ Правительства, Св. Синод собрал сведения от архиереев о состоянии всех епархиальных семинарий. Эти сведения показали большое разнообразие в количестве преподаваемых предметов, в учебниках и пособиях, в самом распределении предметов и в методах их преподавания. Но главным недостатком всех семинарий была острая нехватка квалифицированных преподавательских кадров.

Для улучшения ситуации и установления единообразия в преподавании Св. Синод постановил посылать в академии лучших студентов,

⁸⁰ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии — С. 102.

окончивших семинарский курс. В Александро-Невскую академию направлялись студенты из Новгородской, Псковской, Тверской и Могилевской семинарий. В академиях, кроме общих семинарских курсов, постановили преподавать полную систему философии и богословия, высшее красноречие, физику и латинский, еврейский, греческий, немецкий и французский языки. По каждому из этих предметов была разработана особая программа⁸¹.

Управление академиями поручалось Правлению, в состав которого входили ректор и префект. Ректор заведовал учебной частью, префект отвечал за дисциплину и хозяйственную часть. В ведении префекта было два помощника: инспектор из выпускников академии и эконом из светских низших чинов или из братии Лавры.

В Санкт-Петербурге много усилий для улучшения образования в духовной школе прилагали петербургские митрополиты Гавриил (Петров) и Амвросий (Подобедов) (1799-1818 гг.). Первому принадлежит сам проект рассмотренного выше академического обучения, а последнему — изменения и дополнения в нем.

После назначения митрополита Амвросия в 1799 г. в учебном процессе Александро-Невской академии произошли некоторые изменения. С этого времени предметы распределяются так, что следует строгая постепенность от легкого к более трудному. Все классы разделены на ординарные и экстраординарные. В первом обучались все, а во втором — по выбору. В ординарных классах изучались богословие, философия, риторика, поэзия и латинский язык; в экстраординарных — физика, математика, история, география и греческий, французский языки. Была установлена ежемесячная система опросов.

В 1804 г. академическое правление составило новый план преподавания наук в академии и распределения предметов по классам, согласно методу, принятому в народных училищах. По поручению митрополита Амвросия епископом Евгением (Болховитиновым) бывшим ранее префектом, было доставлено «Предначертение» устройства Духовных школ. Оно легло в основу реформы системы духовного образования в России. Важной особенностью этого проекта было предложение сделать из Духовных Академий не только высшие богословские учебные заведения, но и церковно-научные центры, наделенные издательскими функциями⁸².

Однако при всем видимом улучшении в академическом образовании выявлялись и некоторые недостатки. Учитель одного класса должен был заниматься многими предметами, что отвлекало и затрудняло наставников от более глубокой и серьезной научно-богословской деятельности. Неравномерное распределение между ординарными и экстраординарными классами составляло некоторые трудности и для самих учащихся. Для исправления этого недостатка в 1805 г. было решено, что учитель должен выбрать для себя и преподавать один предмет, распределив его по часам во всех классах, где этот предмет изучается. Сам митрополит Амвросий назначил руководство по всем предметам

⁸¹ Там же. — С. 103-104.

⁸² Русские писатели-богословы. Библиографический указатель. Изд-во «Пашков дом», М., 2001. — С. 41.

академического курса с точным определением часов и самой программы данного предмета⁸³.

Александро-Невская Главная семинария была переименована в Александро-Невскую Академию при ректоре архимандрите Антонии (Знаменском) (1795-1799 г.),

Следующими ректорами академии были:

архимандрит Амвросий (Протасов) (1799-1804 гг.),

архимандрит Флавиан (Фласкин) (1804-1808 гг.),

архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов) (1808-1809 гг.).

Последний в 1809 г. был первым ректором реформированной Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Наставники Академии помимо своей преподавательской деятельности часто выполняли различного рода особые поручения Св. Синода, рецензируя книги, составляя письменные опровержения учений русских сектантов, раскольников. Писались исследования по учению римо-католической церкви. Одним из известных префектов Александро-Невской академии был специалист по русской церковной истории, будущий митрополит Киевский Евгений (Болховитинов).

Число воспитанников было непостоянным и менялось из года в год: в 1799 г. было 157 человек, в 1804 г. — 243, в 1806 г. — 242, в 1808 г. — 277. До 1805 г. в приеме воспитанников не было порядка: родители записывали детей в школу в любое время. С 1 ноября 1805 г. было решено принимать студентов в сентябре. В академии принимали окончивших духовные училища и народные школы. Те, кто не мог поступить в эти школы, отправлялись в Русскую школу, где обучались студенты, готовящиеся к учительской должности. Воспитанники из других семинарий поступали в философский класс, а через два года переходили в богословский.

Возраст студентов не был строго определен. Порой между воспитанниками случалось значительное несоответствие в годах. Крайние пределы в низшей школе — с 9 до 13, в высшей с 12 до 15, в грамматическом классе с 13 до 17, в пиитическом классе с 12 до 18, в риторическом с 17 до 21, в философском с 21 до 25 и в богословском с 21 до 29.

С 1804 г. лучшим воспитанникам философского и богословского классов присваивалось звание студентов. По окончании курса они имели право на соискание степени кандидата богословия, которую установил митрополит Амвросий в 1800 г. Для получения степени проводился публичный диспут, на котором студенты читали заранее подготовленные мысли и отвечали на вопросы экзаменаторов. Митрополит Амвросий всегда сам присутствовал на этих диспутах.

Для общего развития и отдыха воспитанников устраивались музыкальные вечера, читались стихи русских поэтов, представлялись духовные и светские драмы.

Академическая библиотека пополнялась из года в год. В 1804-1806 гг. были приведены в порядок и составлены подробные каталоги книг. Вместе с библиотекой на территории Лавры размещался физический кабинет, в котором были зеркальный телескоп, солнечный микроскоп и многие другие инструменты. Кроме того, для изучения естественной

⁸³ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С.113.

истории при академии существовал минералогический кабинет, где было около 160 минералов и смешанных горных пород.

Выпускники духовной академии распределялись наставниками в духовные училища, на церковно-приходское служение, священниками при русских иностранных миссиях и посольствах. Многие продолжали свое обучение в светских учебных заведениях. Лучшие студенты оставались преподавателями в академии низших классов.

Встреча Святейшего Патриарха Алексия II в Духовной Академии

Особо следует отметить, что довольно много воспитанников Духовной академии по-прежнему поступало в преобразованную Павлом I Медико-Хирургическую академию и учительскую гимназию. Руководство Медико-Хирургической академии охотно принимало воспитанников духовных школ, т.к. имела большой недостаток в медицинских чинах и, учитывая многолетний опыт сотрудничества с духовным ведомством, надеялось найти в этих воспитанниках благонадежных и прилежных студентов. Таким образом, большинство поступающих в Медицинскую Академию были выпускниками Духовных академий и семинарий, которые впоследствии становились известными врачами, профессорами в области медицины. Из выпускников семинарий, ставших медицинскими светилами своего времени можно отметить: Д.М. Велланского, М. Мудрова, Я.К. Кайданова, С.А. Громова, И.П. Буткова, С.Г. Шпилевского.

Но это не все, что связывало духовную академию и медицину в этот период. Тогда медицина была недоступна крестьянам и многие из них, не имея средств и врачебного ухода, безвременно умирали. По этому поводу Св. Синод постановил: «академические и семинарские воспитанники во время обучения в училищах должны проходить практику, помогая лекарскому ученику, дабы они замечали, какие нужны

лекарства для какой болезни, ибо таким образом кроме общей пользы они могут в будущем служить своим прихожанам, служить советом или наставлением и через то снискать особое доверие ко внушениям своею должностью полагаемых»⁸⁴.

Св. Синод признал нужным составить в Медицинской коллегии для сельских священников руководство по элементарной медицине. В 1802 г., согласно указу императора Александра I, в общий курс семинарского и академического обучения была введена медицина, которую в Александрово-Невской академии преподавал И.С. Бок. Это постановление просуществовало до реформы 1808 г.

Кроме того, в ведении Академии находилась Русская школа, начало которой положил митрополит Амвросий. Наблюдая за ходом обучения, он замечал, что многие ученики низших классов имели хорошие способности, но не успевали по латинскому языку, за что и исключались. Находя это несправедливым, архипастырь предложил Синоду учредить при Александрово-Невской академии Русскую школу, куда присылались бы дьяки и пономари для обучения грамоте, уставу и пению. Св. Синод утвердил это предложение. Надзор за Русской школой поручался одному из учеников академии или студенту, который оканчивал курс обучения. В 1807 г. численность студентов в Русской школе составляла 62 человека.

В ведении Академии находились и многочисленные приходские школы, предназначавшиеся для обучения певчих. Ее учителями были священники и старшие певчие.

Святейший Патриарх Алексий II осматривает аудиторию

⁸⁴ Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. — С. 144.

Нужно отметить, что в XVIII в. происходил стремительный процесс секуляризации культуры и общества, в котором формировался новый стиль жизни. Властителями дум образованных слоев общества в это время становятся столпы Французского Просвещения Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Этой моде следовала и сама императрица Екатерина II, которая, как известно, лично была знакома и переписывалась с Дидро и Вольтером.

Сочинения Вольтера в большом количестве привозились и распространялись в России. «Вольтерьянство» на русской почве оборачивалось неверием. «На протяжении свыше 80 лет богословие в российских медицинских школах и университетах вообще не преподавалось. И хотя медико-хирургические училища, а потом и Академия формировались в основном выпускниками духовных училищ и семинарий, это были особые люди из категории «променявших рясу на клизму»»⁸⁵.

Это веяние не могло пройти и мимо духовных школ. Митрополит Амвросий свидетельствует, что среди воспитанников духовных школ были неверующие, увлекавшиеся идеями «просвещения»⁸⁶.

* * *

Наступившее царствование Александра I принесло в духовную школу новую реформу, которая была связана с переустройством светской системы образования. Уставы 1804 г. дают светским учебным заведениям стройную организацию, разделив их на низшие, средние и высшие.

Это послужило толчком для преобразования духовных школ. В 1807 г. был учрежден Комитет, целью которого было решение задачи усовершенствования духовных школ. Им недоставало ни полного устава, ни систематической постановки курсов, ни централизации в управлении, ни материального обеспечения⁸⁷. Духовным школам было решено дать общие уставы, разделить их на разряды.

В 1808 г. была создана «Комиссия духовных училищ». Вводится система ступеней, которые разделяют духовную школу и уже разделенные структуры становятся самостоятельными учебными заведениями. Выделяются следующие 4 ступени: приходские училища, епархиальные училища, семинарии и академии. Вся школьная сеть разделена на 4 округа (Санкт-Петербургский, Московский, Киевский и Казанский) с Академией в центре⁸⁸. Итак, Александровская Академия в результате всеобщей реформы духовного образования в начале 1809 г. разделяется на три самостоятельных учебных заведения: 1) Санкт-Петербургскую Духовную академию (высшая школа), 2) Духовную семинарию (средняя школа) и 3) Александровское духовное училище (низшая школа).

Первым ректором Санкт-Петербургской Духовной академии был архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов), первым ректором в се-

⁸⁵ Российская Военно-медицинская академия (1798-1998). — С. 13.

⁸⁶ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. — С. 120.

⁸⁷ Доброклонский А.Л. Указ. соч. 2001. — С. 589.

⁸⁸ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия, Вильнюс, 1991. — С.143.

минарии был архимандрит Анатолий (Максимович) (1809-1812), ректором Александро-Невского училища был московский выпускник иеромонах Филарет (Дроздов), занимавший одновременно пост инспектора в Санкт-Петербургской Духовной семинарии⁸⁹.

* * *

285-лет назад при Александро-Невском монастыре была основана Славянская школа, впоследствии несколько раз претерпевавшая изменения, реформирования, и в начале XIX века ставшая крупным богословским заведением в России.

Словами Митрополита Ленинградского и Новгородского Антония (Мельникова), отмеченными им в юбилейном сборнике «Богословских трудов», посвященном 175-летию Ленинградской Духовной Академии, можно сказать, что в течение 285 лет «наша духовная школа, воспитывает священнослужителей, формирует религиозное сознание, изъясняет богословские истины, служит великому делу сближения всех христиан.

Школа любая — это формирование человека. Школа духовная — это созидание духовности в человеке, подчинение духу для стремления к полноте и счастью земного бытия в преддверии вечной жизни, в раскрытии вечной истины Божественного Откровения»⁹⁰.

Истины веры в Духовной школе — не предмет простого внешнего изучения, а средство для истинной христианской жизни. Безразличного студента или преподавателя, по меткому замечанию архимандрита Сергия (Старогородского): «Истины веры могут интересовать разве, как предмет спора, в котором он может обнаружить свои познания, свое остроумие...»⁹¹. Истины веры — это указатели на пути в достижении настоящей цели духовной жизни — познании Самого Бога. По глубокому убеждению архимандрита Сергия: «Жизнь служит лишь средством и для определения и выяснения подлинного мировоззрения человека или той или другой философской системы, равно как и для оценки этого мировоззрения»⁹².

За 285 лет наша Духовная школа воспитала множество достойных людей, которую прославили свою Alma Mater тем, что стали святыми, новомучениками и исповедниками Российскими, видными иерархами, учеными с мировым именем, видными церковными и общественными деятелями. Конечно, за столь долгий срок своего существования школа

⁸⁹ *Надеждин А.* История С.-Петербургской Православной Духовной Семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства (1809-1884). СПб., 1885. — С. 9-10.

⁹⁰ *Антоний (Мельников), митрополит Ленинградский и Новгородский.* К 175-летию Ленинградской Духовной Академии (1809-1984) // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986. — С. 5.

⁹¹ *Сергий (Старогородский), архимандрит.* Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений святоотеческих. Изд. второе. Казань, 1898. — С. 4.

Архимандрит Сергий (Старогородский) — с 1901 по 1905 гг. Преосвященный ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, а в 1943-1944 гг. Патриарх Московский и Всея Руси.

⁹² Там же. — С. 4.

меняла свои формы преподавания, однако, всегда оставаясь духовной по своему существу, она неизменно следовала своей главной цели — воспитанию достойных пастырей Церкви Христовой, каким является ныне здравствующий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Список литературы

1. *Антоний (Мельников), митрополит Ленинградский и Новгородский.* К 175-летию Ленинградской Духовной Академии (1809-1984) // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986. — С.1.
2. *Архангельский А.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. — 214 с.
3. *Архангельский М., свящ.* История Православной Церкви в пределах нынешней С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. — 298 с, VI с.
4. *Борис (Плотников), архим.* История христианского просвещения в его отношениях к древней Греко-римской образованности. Период второй. От торжества христианства при Константине Великом до окончательного падения Греко-римского язычества при Юстиниане (313-529). Казань, 1890. — VI, 516 с, XIV.
5. *Доброклонский А.А.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории. 2001. — 942 с.
6. *Духовный Регламент.* Изд. 4-е. М.: Синодальная библиотека, 1897. — 198 с.
7. *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. — СПб., «Летний Сад»; «Коло», 2001. — 800 с. (Репринт).
8. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Том II. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004; Библиополис, 2004. — 590 с.
9. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избранные статьи / Сост., вступ. статья и коммент. В. Котельникова. — М.: Современник, 1984. — 383 с, порт. — (Б-ка «Любителям российской словесности»).
10. *Лихачев Д.С.* Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. — М.: Российский Фонд Культуры, 2006. — 336 с.
11. *Модзалевский Л.Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. Ч.2. — СПб.: Алетейя. 2000. — 496 с.
12. *Надеждин А.* История С.-Петербургской Православной Духовной Семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства (1809-1884). СПб., 1885. — VI с, 670 с.
13. *Ничик В.М.* Феофан Прокопович. М., «Мысль», 1977. — 192 с. (Мыслители прошлого).
14. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб.: «Андреев и сыновья», 1994. — 320 с.
15. *Постернак А.В.* К проблеме преподавания истории в школе с православных традиций // Приглашение к истории. Сб. статей. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. — С.72-82.

16. *Прилежаев Е.* Из истории русской духовной школы в первые годы Синодального управления // ХЧ. 4.1. 1879. Январь-февраль. — С.176-191.
17. *Прилежаев Е.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // ХЧ. 1877. 4.1. март-апрель. — С.331-370.
18. Российская Военно-медицинская академия (1798-1998). — СПб., 1998. — 728 с.
19. *Рункевич С.Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. 1713-1913: Историческое исследование. В 2-х кн. — СПб.: Издательство «Логос», 2001. (Репринт).
20. Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Библиогр. указ. — 2-е изд. / Рос. Гос. б-ка, Новоспасский монастырь; Сост. А.С. Чистякова, О.В. Курочкина, Н.С. Степанова. — М., 2001. — 462 с, — (Духовные чтения).
21. *Салтыков А., свящ.* Краткий очерк истории Московской Духовной Академии // Богословские труды. Юбилейный сборник. Московская Духовная Академия 300 лет (1685-1985). — С.73-112.
22. *Сергий (Старгородский), архимандрит.* Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений святоотеческих. Изд. второе. Казань, 1898. — IV с, 254 с.
23. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч.1.
24. *Толстой Д.А., граф.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии Наук. СПб., 1885. — 114 с.
25. *Федотов Г.П.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси. — М.: Мартис, 2000.
26. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. — 602 с.
27. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. — 864 с.
28. *Цыпин В., прот.* История Русская Православной Церкви: Синодальный и новейшей периоды / 2-е изд., перераб. — М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. — 816 с.
29. *Чистович И.* История С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. — 458 с, IV с.
30. *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. — Хс, 752 с.

ПОЭЗИЯ

Юрий ШЕСТАКОВ

ВОКРУГ ОГНЯ

Шестаков Юрий Михайлович — родился 13 января 1949 года в селе Богословка Курской области. С семи лет живет в Ленинграде-Санкт-Петербурге, где закончил среднюю школу и физико-химический факультет Ленинградского технологического института им. Ленсовета. В 1988 году принят в Союз писателей СССР. В 1993 году закончил Высшие литературные курсы Московского Литературного института им. А.М. Горького. Лауреат премии Ленинградского комсомола в области литературы (1986 г.). Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Фета (1997 г.). Живет в Санкт-Петербурге.

ВОКРУГ ОГНЯ

Ликует мотылек вокруг свечи.
Летит земля вкруг центра огневого.
А мысль моя вокруг огня иного —
вкруг смысла бытия кружит в ночи.

Бесстрастно бездна звездная следит,
как длится наша жизнь —
такая малость,
вертясь в миру, копя в себе усталость,
срываясь со своих земных орбит.

Крылами пламя мотылек обнял.
Земля влекома
к пылкой массе Солнца.
А мысль моя погибнет иль спасется
в объятьях необъятного огня?

ЖАЖДА

И кузнечиков поскрип стеклянный,
и вьедчивый зной;
и горячей золой —
зыбкий прах под ногою босой;
и молочная желчь молочая,
и силы — на убыль;
и пустая тропинка ручья,
что потряскалась больно,
как губы;
и лучами планету
сосущее жадно светило,
и за ним —
бесконечность пространства... —
все это вместила,
как препятствие злое,
дорога с безводной длинной
между жаждой моей
и колодцем с водой ледяной.

* * *

О, если не бесплоден был бы камень,
кусочек храмовых руин
посеял бы я в землю, как зерно...

* * *

Человек — незлого роду-племени,
да грехом пробит эдемский кров:
Вечность истекает кровью времени
и сама глотает эту кровь,
души отошедшие вбирая
в дебри ада, или в кущи рая...

АБСТРАКТНЫЙ ЭТЮД

Духом связаны с плотью бесплотные сны,
мир земли сопряжен с геометрией неба:
на столе — полбуханки круглого хлеба,
а на скатерти звездной — полкруга луны...

СТРАШНЫЙ СОН

Снилось мне, что там, в пространстве где-то,
Солнце отпылало вдруг, и тут
оставалось нам дневного света
лишь на восемь световых минут.

Не зажечь погасшее светило,
неизбежна ледяная ночь,
и планете никакая сила
не могла ничем уже помочь.

Я один про это знал как будто,
но меня не слушали всерьез,
ты вдыхала розовое утро
и смеялась надо мной — до слез.

И не ведал мир, что не спасется!
Пели птицы, зарождался зной...
Лишь Луна посмертной маской Солнца
обреченно стыла над Землей.

* * *

Вся жизнь моя — прощанье с этой жизнью...

ВЕСЫ

Как во сне, бреду осенним парком
с чувствами, созвучными погоде:
мне сейчас ни холодно, ни жарко,
осень — и на сердце, и в природе.

Помню, как страдал от непокоя,
равновесье двух миров нарушив:
тело страстно мучилось от зноя,
а в душе гнезвился сумрак стужи.

Оттого ль в огне телесной страсти
грусти лед в моей груди не таял,
что мой дух природе не подвластен,
а подвластен вечной силе тайной?

ИДЕАЛ

Моей жене Евгении

Ты опускала взор печальный,
когда соперничал с тобой
недостижимо-идеальный
твой образ, что был создан мной.

И с ним ты спорить уставала,
ты бунтовала, как могла,

ломала рамки идеала:
нежней, чем идеал, была,

скромнее, женственной, милее,
светлей душою и лицом, —
и я влюблялся все сильнее
в твой образ, созданный Творцом...

В ЦЕНТРЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

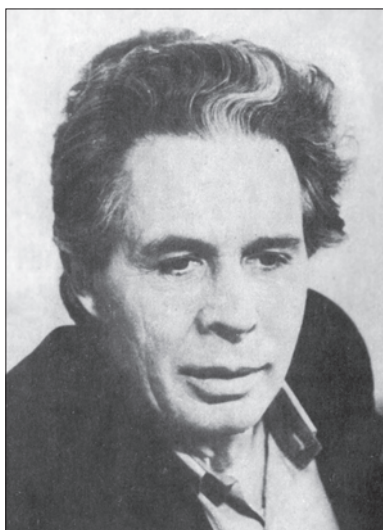
«На свете счастья нет, но есть покой и воля».

А.С. Пушкин

Подвижен туч гремучих потолок,
зияет лужа, будто бездны клок;
кружась, взлетает с ветром листьев рой,
бежит ручей, припав к земле сырой;
сгорают звезды, мчатся электроны,
как будто кем-то писаны законы
для этих непрерывных устремлений...
Но разумом в причину всех движений
я, как ни бился, так и не проник:
повсюду — бесконечности тупик!
И мечется, с материей кружа,
в том тупике заблудшая душа.
Пронизанная сумрачной тоскою,
она все рвется на земле к покою,
но суетой ее размыта цель, —
движенья нет лишь там, где смысла центр:
в нуле всех бед, страданий, непокоя,
где тяжесть тела сбросил бы легко я,
где ни мгновений, ни минут, ни лет,
где царствует всегда покой и Свет.

ПОЭЗИЯ

Владимир БАЛАЧАН

ПО ВСЕЙ РУСИ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Балачан Владимир Федорович — родился 10 февраля 1939 года в деревне Старо-Ярково Барабинского района Новосибирской области. Закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, Высшие литературные курсы и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор шестнадцати книг стихотворений и прозы. **Живет в Омске.**

РУСЬ

О, Русь!
Гудят и стонут раны
Земли —
В могилах и крестах.
Знать, на крови твои все храмы,
И все березы — на костях.

И что ни ивушка — плакуча.
И что ни травушка — горька.
Не в теремах, не в райских куцах
Ты провела свои века.

Но, если был когда-то терем —
Его разрушили давно.
Потерян счет твоим потерям,
И впереди — темным-темно.

...Не покидает ощущение:
В слезах и горечи веков
Выбраживает очищение
От всякой скверны и грехов.

А у врагов твоих —
всех вместе! —
То приступ похоти, то — зла...
Но ликом совести и чести
Ты, словно девушка, светла.

СЛОВО

Велико́ дискуссий ремесло!
Вот и мы
Сегодня спорим снова:
От чего оно произошло —
Слово наше?

Каждый молвит слово.
Тот:
— От непосильного труда!
Этот:
— От беды неимоверной!
Мы того поддерживаем:
— Да!
Этому поддакиваем:
— Верно!

Дед сказал решительное:
— Нет! —
На глазах у всей деревни было:
Девка
Промолчала
Двадцать лет!
А влюбилась и — заговорила.

* * *

Сквозил февральский вечер,
А в лежанке
Вторые сутки не было огня.
И к ночи мать
Взяла топор и санки,
Еще взяла
В помощники меня.

И мы пошли
За огороды
 к клену,
Где до войны,
В былые времена,
Под тихою
Раскидистою кроной
Плясали девки,
Пели дотемна.

Весной посмотришь —
Столько птиц по веткам.
Проснешься утром —
Дерево растет.

К нему привыкли,
Словно к человеку,
Который рядом
Много лет живет...
Мы к клену подошли
По снежной хляби.
И мать,
Усыпанная серебром,
Перекрестясь,
На дерево по-бабьи
Неловко
Замахнулась топором...

А утром мать
Лежанку протопила.
Тогда согрелись
Мы в своей избе...
Но что-то долго
Плакало и выло
Совсем
по-человечески
в трубе.

* * *

Из дома выйду незаметно
И тихо сяду на крыльцо,
Лучам приветливым рассветным
Подставив сонное лицо.

Тепло и свет глаза слипают, —
Как будто это в тишине
Родная мать моя
Слепая
Лицо ощупывает мне.

ГЛУХОНЕМАЯ

Глухонемая женщина мычит
И прибирает вечером контору.
Она сырую тряпку волочит
По пыльному сухому коридору.

Заглядывает солнышко в окно.
Влетает шум в распахнутые створки.
Но женщине услышать не дано
Моторов гул и птиц частоговорки.

Или другое что-нибудь...
Она
Еще в том самом возрасте,
 в котором
Детей рожают...
Женщина — одна! —
Идет пустым
 и длинным
 коридором.

Она живет в космической тиши,
Где ничего
 веки
 не звучало...
Но где-то в глубине ее души
Осталось первородное начало

Глухонемая женщина поет?!
В какой, должно быть,
Неизбывной муке
Мелодией несвязанные звуки
Возникли в глубине ее!
И вот...

ΚΟΛΟΚΟΛΑ

По всей Руси звонят колокола —
Истории далекие дела:
Невинного младенца загубили —
Царевича Дмитрия убили...
По всей Руси звонят колокола.

Они набатом будоражат дух,
Когда творится что-то непристойно,
Когда пожары, наводнения, войны...
Дабы огонь гражданства не потух —
Они набатом будоражат дух.

Любой народ — при памяти! — велик.
Любое горе — в сердце — неутешно...
А в Угличе тот колокол мятежный
Секи кнутом. И — вырвали язык.
Потом — в Tobольск сослали напрямик.

Летели кони яростные — в рысь...
Но колокол, хотя и безъязыкий,
Услышан был во всей стране великой.
И как судить сегодня ни берись, —
Недолго Русью правил царь Борис.

...По всей стране гудят колокола —
Истории недавние дела:
Престол самодержавия низвергнут,
И обагрённый царской
 кровью Свердловск
Окутала таинственная мгла.
По всей стране гудят колокола.

Но тем колоколам заткнули рты.
Теперь не храм — колхозная конюшня.
И в дикой пляске дьявольский послушник
Разделся до постыдной наготы...
История не терпит суеты.

«Святая суть, приди на Русь, приди!» —
Шептал в живых оставшийся церковник.
Молчат колокола на колокольнях —
Они гудят у каждого в груди
Предвестьем благовеста впереди.

И вот ударил в центре и окрест,
От стен Кремля до Дальнего Востока,
Скликая Русь к святым своим истокам,
Ее сынов и дочерей-невест,
Божественный и дивный благовест.

С народным духом как ты ни борись,
И как ты совесть ханжеством ни мучай,
И как судить сегодня ни берись —
История давно и верно учит:
Недолго Русью правил царь Борис!

По всей Руси звонят колокола.
В тревожное российское безвластье
Они зовут к гражданскому согласью,
На добрые и славные дела...
По всей Руси звонят колокола.

ПОЛЯ

Очень много в России полей.
Я шагаю к пшеничному полю:
И судьба, и крестьянская доля —
В биографии краткой моей.

А пшеничка растет — хороша! —
Наливается звонко и молодо...
Бросил — семя, а выросло — золото!
И возносится в небо душа.

Что ни поле, то — свой интерес...
На душе и тоска и обида:
«Вид» представил нам «Поле чудес»,
Но от поля — ни пользы, ни вида.
Постарались красиво назвать...

Сеют золото — лезет дурнина,
Как с замедленным действием мина, —
Чтобы русскую душу взорвать...

Очень много в России полей.
Я иду к Бородинскому полю:
И судьба, и солдатская доля —
Быть на страже Отчизны своей!

Поле — Родины памятный знак.
Нас пытали мечом и пожаром...
На удар чтоб ответить ударом —
Собирается сердце в кулак!

Очень много в России полей...

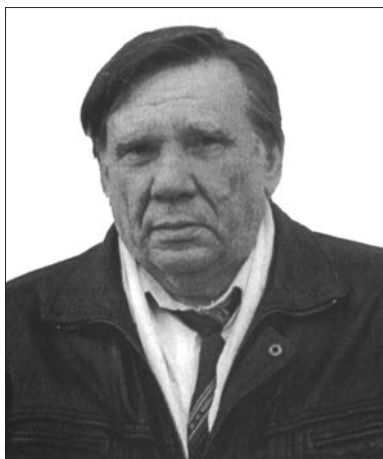
* * *

Окинешь мир хозяйским оком,
Сойдешь с крылечка босиком...
Тебя ударит, точно током,
Земная сила.
И толчком
Ответным

Сердце отзовется.
И станет зорче
взгляд
тотчас...
И круче ниточка завьется,
Что с миром связывает нас.

ПРОЗА

Иван НИКУЛЬШИН

УТИЦА ЛУГОВАЯ

рассказы

Никულшин Иван Ефимович — автор семи сборников поэзии и шести книг прозы. Лауреат премии журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. **Живет в Самаре.**

Первые чтения

Теперь все дети гениальны. Уже в шесть лет и стихи пишут, и картины рисуют, и на выставках технического творчества призы берут. А прежде это редко было. И дядя мой, работавший в войну бригадиром тракторной бригады, говорил матери, имея в виду мои успехи:

— Он умрет, Маньк. Ей-Богу, умрет! Такие люди долго не живут.

Больше всего дядю удивляло мое умение рифмовать слова: арбуз-карапуз, Юрка-печурка, Ирка-дырка и много других. И еще удивляло то, что я довольно рано выучился читать.

Книги я брал у майора Копецкого, командира батальона аэродромного обслуживания. Он со всей семьей — с женой, красивой блондинкой, и с маленькой кучерявенькой дочкой — в то время квартировал у моих деда с бабкой по отцу, которых по-уличному звали Евсеевыми. Дом у них был чистый, просторный, с палисадником, с белыми березами перед окнами, с сиренью и терносливом. Но приезжих он, главным образом, привлекал своею железной крышей. Тогда на селе еще мало было изб под железом — все больше томились под соломой, и рассказывают, что в коллективизацию за эту самую железную кровлю, окрашенную в темно-кирпичный цвет, уполномоченный из района едва не подвел деда под раскулачивание.

Занимали Копецкие всю переднюю половину дома. У них

стояла городская мебель, было всегда чисто прибрано, нарядно, и мне нравилось ходить к ним. Сам майор казался дядькой хотя и несколько суховатым, но вполне добрым. Он даже иногда угощал меня сахаром из своего командирского пайка. Однако, больше всего у Копецких меня привлекали не сахар, не мебель, а книги. Их было много — целый шкаф, и все в ярких переплетах, толстые и неподъемно тяжелые. Оба, и майор и жена его, позволяли мне не только смотреть и трогать их, но и читать. Иные книги я читал прямо у них в комнате, растянувшись на полу, другие брал домой. За зиму одолел «Витязя в тигровой шкуре», «Давида Сасунского», киргизский эпос «Манас», трагедии Шекспира и «Сказки Карельского Беломорья».

Учился я тогда в первом классе, читал по слогам, но довольно бойко. Матери это нравилось. Она всячески потакала мне и не жалела керосина. А все, наверное, потому, что и самой было интересно. Особенно прились ей по душе народные сказки. И она, убегая утрами на колхозную работу, строго-настрого наказывала мне, чтобы дальше не читал и обязательно дожидался ее. Вся штука в том, что сама она знала лишь буквы, читать толком не умела, потому и наказывала.

Вопреки всем строгим наказам, я читал и без нее — просто терпения не хватало, чтобы ждать. И многие вещи мне приходилось перечитывать дважды: днем для себя, вечером для матери. Как и у всякого неграмотного человека, книги вызывали у нее почти трепетное поклонение. И она воспринимала их с той теплой простотой и доверчивостью, которые, наверное, и встретишь лишь у русских женщин. По ходу чтения мать или громко возмущалась, если совершалось злодеяние, или по-детски радовалась, когда торжествовало добро.

— Так ему, так, паразиту! — искренне восклицала она, дрожа и напряженно подаваясь ко мне.

После всякой хорошей книги в благодарность Копецким мать обычно носила молоко для их малолетней дочери. Но если книга казалась неинтересной, она сильно расстраивалась и горестно жаловалась:

— Вот ведь дали. Даже молоко неохота нести.

Читали мы с ней, как уже говорилось, вечерами: сначала убивались со скотиной, потом я усаживался за столом под кругом низко свешенной лампы, а мать — на табуретке возле голландки и, слушая, обязательно что-нибудь вязала. В деревнях тогда вязали все — и для себя, и для фронта.

Эти мои первые чтения — самые яркие для меня. И читал я тогда то с упоенным ликованием в душе, то с тревожной робостью, то с перехватывающей голос жалостью, то с леденящим страхом за героев и за себя.

На улице выл ветер, шумела на крыше солома, о стену бревенчатой избы стучали подвязанные бечевками ставни — и все, что было за окном, казалось одной большой пустынной темью, со снегом, с волчьим простором на много окружных верст.

Я знал, что где-то идет война, где-то там отец, но представлял все это в каких-то радужных нелепых красках, почти торжественных для сердца, потому что настоящей войны не знал и придумывал ее для себя. Фашистов тоже видел такими, какими они были на газетных карикатурах: то в образе змееподобных чудищ, пронзенных русским штыком, то в виде рогатых существ, взятых на крестьянские вилы. И все они казались удивительно жалкими, и главное — трусливыми. Это уже потом, значительно позже, пришла вся страшная правда о войне. А тогда я не знал этой правды и, читая книги, с незамутненной детской легкостью все делил на два края: на чужих и наших. Умелец, богатырь, светлый витязь — значит наш, русский. Трусливый, предатель, колдун, Змей Горыныч — значит враг и фашист.

В Шекспире, разумеется, я ничего не понял. Но в то же время меня заворожила сама игра слов, их притягательный и звучный строй, от которого веяло красотой и непривычностью. В деревне у нас никто не умел так говорить, что особенно изумляло и радовало.

Взял я как-то у Копецких и гомеровскую «Одиссею». Прочитал и сам вдруг заговорил стихами.

Бабка скажет мне:

— Беги-ка во двор за дровами. А я ей:

— Нельзя за дровами на улицу мне. Там холод, могу я задрогнуть. А валенки мать подобула с утра на работу.

— Ты чего это бормочешь, черт болотный? — набрасывалась бабушка. — Я тебя вот рогачом отхожу, будешь у меня выдумывать.

— Рогач, он для печки, а я не чугуны. Давай мне обувку, пойду за дровами.

— Я тебе счас дам обувку!.. Ты чего это над бабкой изгиляешься? Ты чего это, как пономарь!.. Вот щурок проклятый!..

Бабушка возмущенно гремела печной заслонкой, сердито двигала по загнетке чугуны, не переставая ворчать при этом и охаивать меня. Я знал, что ворчит она без зла, по своей давней привычке, что нет у нее никакой досады на меня, просто скучно — вот и ворчит. Но если она вдруг брала веник, тут уж приходилось молчать и забиваться подальше на лежанку. Тут уж становилось не до стихов. Однако при случае, в светлые минуты покоя, по-прежнему пытался говорить звучно и нараспев. И бабушка все время ругала за это.

Как-то у Копецких я взял книгу Кольцова. Было это уже в конце мая. Скот давно выгнали на пастбище. Вся наша деревня разневестилась, налилась яркой, весенней зеленью. Улицы за-

росли муравой, ветлы раскосматились, обвисли, сирень роняла последний цвет, над ней гудели шмели и пчелы.

Пастухов к коровам и к овцам у нас всегда было принято нанимать, а телят пасли по очереди. Дошла очередь и до нас. Мать еще с вечера сказала мне, что пасти я буду один, что ее не отпускают с работы, потому что в колхозе идет прополка. Летний день долог, а пастушеский особенно. Вот и запасся я на этот случай книгой. Жена Копецкого, забыл уже, как звали ее, дала мне на этот раз Кольцова.

Наутро по заре мы с матерью погнали телят за село. Было свежо от зябкой ночной росы, от настывшей земли, от неразвеянной сонливости и даже от ранней небесной багровости. Простоволосые бабы выскакивали на улицу, выдворяли своих мухортых телят, выталкивали их в общую кучу и рысью возвращались обратно — все торопились с чем-то управиться по дому до начала колхозной работы.

Пригнали мы с матерью телят к Орешину колку. Мать для чего-то посчитала их, постояла, наблюдая, как они едят, и засобирилась назад.

— В лес не гоняй, — наказала она. — Растеряешь еще. Вдоль опушки паси. — И, подхватившись, понеслась своим ходким, нетерпеливым шагом.

Оставшись один, я тотчас вспомнил, что у меня сумка, а в ней — молоко, хлеб и новая книжка. Хотел было начать прямо с молока, но вытащил книжку, уткнулся в нее и словно бы отключился от всего. Стихи были до того простыми и понятными, что казалось, это вовсе не стихи и написаны они о нашем селе и обо мне. Я читал, удивлялся, и — странное дело — все они оставались в моей памяти.

Не отрываясь, пробежал чуть ли не всю книгу, а когда очнулся — мать честная! — телята разбрелись, затесались в посевы люцерны и безотрывно лопают ее. Вскочил — и за ними. Собрал кое-как в кучу, выгнал на луговину и пустил низиной вдоль реденького осинника. Здесь трава была высокой, свежей — с пыреем, с зацветшей ежой, с трясункой и с крупными стеблями лисохвоста. Но телята все равно воротили морды, капризничали, смотрели на люцерну и ревели. Да жрите же вы, лопухие. Вот еще привереды... Наконец, вначале один телок воткнулся в траву, затем другой, третий — и пошло: только треск стоит!

Солнце уже выкатилось над лесом, роса сошла — все ожило, запело и зашевелилось. В дальнем дубняке звонко куковала кукушка, где-то по-кошачьи орала иволга, по ближним гарям, летая суетливыми ватажками, стрекотали дрозды. И оттого, что вокруг было нарядно, весело, что одуряюще пахло цветами, голубеющим лесом, что в траве как заводные скакали кузнечики, что вспар-

живали пестрые бабочки и шелестели стрекозы, вдруг какое-то высокое и радостное чувство прихлынуло к душе. И я запел:

*Что он ходит за мной,
Всюду ищет меня,
И, встречаясь, глядит
Так лукаво всегда?*

Пел я кольцовские стихи, пел с безоглядной самозабвенностью, и мне казалось, что это мои, что я сам только что сложил их.

По дороге из села на сивой кобыле ехал дед Гриша Титов. Услышал мое пение, увидел меня и придержал лошадь. Я тоже увидел его, смутился и замолк.

— Поешь? — спросил дед Гриша.

— Ага, — сказал я.

— Это кто же тебя научил?

— Сам, — ответил я и стыдливо спрятал книгу за спину.

— Ничего, ладится, — похвалил он. — Пой, пока день твой, только телят не порастеряй. — И поехал дальше.

Стихи Кольцова оказались последней книгой, взятой у Копецких. Случилось так, что после нее я уже ничего не мог брать у них. Более того, мне запретили ходить к ним. А все из-за пропажи пистолета. Я видел этот пистолет: маленький, никелированный, похожий на игрушку, он кого хочешь мог ввести в соблазн.

Лежал обычно пистолет на подоконнике, а спал майор с открытыми окнами — вот и позавидовал кто-то. Сам Копецкий грешил на ребятню, а больше всего на Кольку, на моего двоюродного брата. Этого Кольку звали Белым за его светлые волосы. Был он на семь лет старше меня и считался вполне взрослым парнем. В селе про него говорили, что он отрошник из отрошников, и всякое бедокурство приписывали ему, впрочем, не без причин.

Этот мой братец мог все, и оружия у него было — целый арсенал. В сарае, на поветях, он хранил ракетницу, новенький морской кортик, пулеметную ленту с патронами, гранату-лимонку и ящик тола. В войну с оружием было просто, и все взрослые ребята что-нибудь имели. Кольке же сам Бог велел.

Лимонку он однажды выпотрошил, заряд дружкам раздал для самопалов, а корпус гранаты определил в качестве дополнительного груза на гирию часов, которые все равно хрипели и постоянно останавливались.

Тол же у него выцыганили ребята-призывники и взорвали вековой дуб на поляне за старым свинарником. Я издали видел, как взрывали: брызнул огненно-черный фонтан, дуб высоко взлетел с легкостью одуванчика, с гулом хрястнулся оземь, и над ним потекло густое облако пыли.

А с ракетницей Колька попал в историю. Обычно днем, когда никого не оставалось дома, он доставал ее из своего тайника, заряжал патроном, загонял в ствол дубовую чурку, выходил за дворы и садил в дедову баню. Получалось и оглушительно, и здорово. Прежде всего из ствола вылетала обугленная чурка, за нею с шипеньем — и сама ракета. Она вцеплялась в бревенчатый сруб, обмазанный глиной, и, рассыпаясь искрами, падала в траву.

Все кончилось тем, что брат не рассчитал и вклепил однажды не в сруб, а под самую крышу. Крыша была из старых тыквенных плетей, картофельной ботвы и надворного назема. Она затлела и тут же занялась. Колька бросился тушить, а мы, мелюзга, подняли шум. На него и подоспел наш дед, приехавший обедать. Он, страшно ругаясь, сначала погасил огонь, а уже потом принялся за виновника. Кольку дед исполосовал кнудом, ракетницу искромсал топором и, всю изувеченную, бросил в обвалившийся колодец на огороде.

Копецкий прознал каким-то образом про этот случай и решил, что мы причастны и к пропаже его пистолета. Не знаю, может, и точно уволок его Колька, а может, кто другой. В общем, майор так ничего и не добился, хотя и долго выспрашивал всех. С меня тоже снимали допрос. Я сказал, что да, видел пистолет на окошке, а куда он делся, не знаю. На этом вроде бы и кончилось дело, но книг мне больше уже не давали. Возле дедова дома майор выставил караул, и никого из посторонних к ним теперь не пускали.

К осени батальон перевели ближе к фронту. С ним ушла и моя восемнадцатилетняя тетка, а с нею еще несколько девчат из нашего села. Через год они были совсем далеко, где-то аж в Румынии, и я деду с бабкой читал бодрые теткин письма из-за рубежа.

Конечно, жаль, что так получилось с пистолетом. Но еще больше жаль, что не прочитал всех книг из шкафа Копецких. Других просто не было ни в селе, ни в самой школе. Лишь после войны они стали понемногу появляться у нас.

Петушок золотой гребешок

За войну хозяйство бабки Анны Стрыгиной пришло в упадок: сараи завалились, яблони повымерзли, а из всей живности уцелел один петух. Был он черным от хвоста до плеч, с огнистыми искрами на шее, с низким, плотным гребнем, похожим на рубец, и хохлатый. Нрав у петуха был кротким, и жили они со старухой лучше и не надо.

На лето хозяйка селила его в амбарушке, где когда-то держали ягнят в крещенские холода, а на зиму брала в избу. Дом у старухи ставлен не пятистенником, однако просторный, и эта

просторность до смертной тоски изводила ее своею скучной пустотой.

Керосин она щадила, и в полнолуние, устроившись под окном, при небесном свете чесала шерсть, пряла и сучила пряжу.

Петух к тому времени спал на размашистом лосином роге, приспособленном под вешалку еще покойным дедом Осипом. И хотя он ничем не выдавал себя, старуха все равно чувствовала присутствие его живой души, и оттого ей становилось утешнее. И колесо прялки, воздушными вихрями обвевая лицо бабки Анны, приносило ей тихое успокоение.

Было это во вторую послевоенную зиму. Старухе казалось, что все на свете переменялось к худшему, стало непрочным, угрюмым и недобрым, что раньше не было таких протяжных ночей, зимы были теплее, а жизнь текла по-другому, не как теперь.

Два года назад, схоронив старика, она словно освободилась от чего-то, странно удерживающего ее на земле и подумала, что одной ей незачем оставаться и пора готовить себя в последнюю дорогу. Но шли дни, хворь не брала старуху, и силы не оставляли ее. И тогда она решила, что все от судьбы, от родительского завета: и жизнь, и радости, и то, что не сподобилась детьми.

Кормилась она огородом, лесными припасами и тем, что получала за пряжу и вязание. Правление колхоза как-то постановило выдавать ей хлеб, но он родился плохо, и, раза два сходяв к кладовщику Васютину, старуха махнула на все рукой и отступилась. Не семеро по лавкам. У других вон дети.

Соседи к старухе заглядывали редко, а сама она сроду не была шатущей, и в петухе было все ее утешение. И завтрак готовила на двоих: на себя и на него. И он ходил за ней как прирванный.

Пока завтракали, бабка Анна успевала выложить петуху весь свой дневной наряд: куда пойдет, с кем будет говорить и какие править дела. Сегодня она надумала съездить за дровами. Кизяков у нее достаточно, но без дров они не дают пыла, и печь греется плохо. В прошлую зиму, когда было по-дурному люто, старуха спалила межевой плетень и добралась до сараев, о чем теперь жалела. Кто знает, сколько протянет еще, может, придет-ся и скотину завести.

После завтрака бабка Анна собрала посуду и влезла в свою овчинную шубейку.

— Мотри, не гадь тут, — наказала она петуху.

Надо сказать, что гадить он был большой мастак, и из-за этого выходили скандалы. Старуха грозилась выпороть петуха, тоненько кричала и указывала на угол, куда надлежало ходить ему. Но бабкиных наказов ненадолго хватало, и, забываясь, петух опять сеял по всей избе.

На улице было мглисто. Солнечное пятно, безнадежно запутавшись в холодных тучах, едва рыжело, пробиваясь над лесом. Однако день выдался безветренным и большого снега не ожидалось.

Бабка Анна подпоясалась шерстяной оборкой, заткнула за пояс топор, взялась за салазки. Их сбивал дед Осип в расчете на мужика: тяжелыми, с широкими закрылками и дубовыми полозьями.

Двинулась она не дорогой, а целиной, по выгону. Накануне была оттепель, и снег, скованный морозом, не проваливался под ее ходкими ногами. Однако в лесу, ухая, она тонула на свежих перекатах, часто останавливалась и вытряхивала из валенок снег.

В лесную гущу бабка Анна забиваться не стала. Оставила салазки на поляне и принялась натаптывать тропы, чтобы легче было выносить сушняк. Его вокруг оказалось много, и, работая с веселой охотой, она и не заметила, как накрывала салазки.

На краю поляны ей подвернулась голая осина, ствол которой рассохся, треснул до корневища и покрылся чернотой. Старухе жалко было оставлять в лесу такое добро, и она покачала ствол. Осина не поддавалась, и бабка Анна, жадничая, срубила ее. Отдыхать не решилась: она взмокла и боялась простудиться. Увязав дрова, ухватилась за поводок и поднатужилась. Салазки, пристынув полозьями, не поддались. И старухе пришлось снова брать разгон, прежде чем, скрипнув, они поволоклись следом. Снег теперь рушился под упористым шагом ее, и она не чаяла, как дотянуть до выгона, где был неглубокий и с крепкой наледью снежный наст.

Она все больше уставала, и вскоре ее шубейка начала парить. Выбравшись из леса, бабка Анна обессилела и остановилась, закатывая глаза. Старуха перегретым нутром хватанула сухой, морозный воздух, и ей стало легче. Отдышавшись, она огляделась, и первое, что ей бросилось в глаза, был голубой возок, который, вывернувшись из березняка и отсекая ее от деревни, летел прямо на нее. Седока она не разглядела, но и без того было ясно: едет лесной объездчик Корольков. И к старухе пришла совсем ребяческая мысль — бежать.

Объездчика в селе боялись. Прошлым летом он накрыл ее соседа Афанасия Сугреева, и тому пришлось распрощаться с коровой. Но Сугреев тогда вез матерые дубки на плашник, а у нее — сушняк. И это успокоило старуху: авось обойдется.

Вороной жеребец, задирая косматую голову и свирепо скалясь под натянутыми удилами, летел, не разбирая дороги. Его темные копыта крошили наст, и жесткий снег шумно взрывался под ним. Обдав дыханием старуху, он остановился, оседая назад, и заржал. Из возка, путаясь в полах длинного тулупа, вывалился объездчик.

— Крадем, еж твою мать! — закричал Корольков, нагоняя страх. Брови объездчика заиндевели, и он выглядел космато.

— Да ить валежник, — виновато сказала старуха.

— Валежник? — притворно удивился Корольков и убийственно посмотрел на старуху.

— Валежник, — с готовностью подтвердила она.

— А это что? Тоже валежник? — спросил Корольков и ухватился за комель осины.

И тут старуха поняла, какую непростительную оплошность допустила, срубив эту осину.

— Фамилия? — резко спросил Корольков. Голос у него был хлестким и звенел от мороза.

— Стрыгина, — убито ответила старуха.

— Вот что, Стрыгина, — жестко, но без срыва в голосе начал Корольков, — на морозе мне с тобой валандаться не с руки. Вези свое безобразие домой и жди меня. Составлю протокол, а суд разберется, какой у тебя валежник. И топор давай! Конфискую как вещественное доказательство. — И с угрозой пообещал: — Я тебе покажу — валежник!

Он подошел к старухе, ловко выхватил топор и бросил в передок возка. Ввалился в него сам и, не взглянув на старуху, тронул жеребца. Тот сразу взял рысью, и повозка, раскачиваясь, понеслась в село.

Бабка Анна печальным взглядом проводила объездчика и облегченно вздохнула. Слава богу, укатил! Вот леший, пра, леший. Ишь, разлопался в лесу-то.

И она стала прикидывать, что же будет теперь. Если штраф, то Бог с ним, с этим штрафом. Много, чать, не возьмут. Но объездчик грозился судом. А что? Закон на его стороне. Он, этот Корольков-то, вон какой! Понавешает собак, до самой смерти не отмоешься. И старуха испугалась этих мыслей.

— Господи, — вздыхала она, напрягшись изношенным телом. — Вот учудила так учудила! Сама в петлю влезла...

Старуха не стала убирать в сенцы дрова, подумала, как бы хуже не вышло. Оставила салазки во дворе, прошла в избу, не раздеваясь, присела на табурет, окинула затуманившимися глазами стены, посмотрела на старый дедовский малахай, торчащий из печурки вместе с рукавицами, и тонкие губы ее мелко задрожали: и посоветоваться не с кем без старика.

— Вот, петюшка, горе-то какое, — пожаловалась она петуху, — попались лихоимцу... А ты не расстраивайся. Небось не злодеи... Чать, обернется... Эх ты, гребешок твой золотой, ничего не понимаешь...

Время тянулось медленно, и старуха извелась, ожидая Королькова. Наконец в сенцах звякнула щеколда, и она решила, что пришел объездчик и сейчас начнет составлять протокол. Но

вместе с клубами морозного воздуха в избу влетел налоговый агент Семен Иванович Потешин, их же сельский мужик.

— Гнет мороз, гнет! — нашаривая в углу веник, весело проговорил он.

Потешин обмахнул с чесанок снег и, оглядывая избу, прошел на середину.

— Это как же тебя угораздило? — вместо приветствия спросил он и, сняв шапку, хмуро вытряс ее.

— Разве думала... Сушняк ведь, — глухо отозвалась старуха.

— Сушняк, — повторил Потешин, присаживаясь на сундук. — За этот сушняк знаешь что бывает? Вот то-то...

— А он че, сказывал, что ль?

— Конечно, сказывал, — с важностью подтвердил Потешин. — От меня не очень-то скроешь... В Зуевку поехал. К вечеру тут будет в аккурат.

— Че же теперь станет-то? — Старуха умоляюще посмотрела на Потешина. — Вступился бы, Сема, — жалобно попросила она. — Штраф, пес с ним, со штрафом, суда боюсь. Он ведь, леший, судом грозился. Шуточное ли дело, на старости лет по судам?

Потешин считался мужиком стоящим. Всякий заезжий человек останавливался у него. Дружил он и с лесничим, а участковый милиционер Кострюков доводился ему свояком. Был Потешин маленького росточка, худой, но весь сшитый из ума. Советоваться по каждому казенному делу бегали к нему. И старуха теперь возлагала на него все свои надежды.

— Слышь, Сема, — настойчиво просила она.

— Говорил уже, — нехотя признался Потешин. — Всегда так, проси за всех, а потом от тебя же рыло воротят.

— Господи, ты че, Бог с тобой! — изумилась старуха. — Я, чать, завсегда...

— Ладно, ладно, — остановил ее Потешин. — Не о тебе речь... Разговаривал вот...

— И че же?

— А черт его разберет, этого Королькова! — разминая папироску, подсадовал Потешин. — Он ведь налетный. С ним не распоешься.

— Нет уж, наверное, чему быть, того не миновать, — обреченно вздохнула хозяйка.

— Погоди умирать-то, — возвышая голос, успокоил ее Потешин. — Он ведь опять ко мне вернется. А мы его тут и припррем.

— Дай-то Бог! — истово произнесла старуха и посмотрела на образа.

— Ты вот что. — Потешин пустил в потолок колечко дыма и сощурился. — Готовь-ка угощение. Так-то оно надежнее. Бутылочку да закусочку... Обмякнет, на том и делу конец.

— Разве я против? — удивилась старуха. — Да вот беда, водки-то нет. Мож, у кого в долг попросить?

Потешин костяшками пальцев побарабанил о крышку сундука, подумал, покряхтел и успокоил:

— Ладно, чего уж там, свои — сочтемся. Одним словом, водку беру на себя, а закуска вон ходит. — И он кивнул на петуха.

Потом швырнул к порогу окурок, хлопнул ладошками по коленям и решительно поднялся. Бабка Анна тоже встала и проводила его до двери. У порога, нахлобучивая шапку, Потешин замялся.

— В общем, действуй, как договорились... Да, — вспомнил он, — Настя кланяться велела. И еще спрашивала, может, ей пуховую шаль свяжешь?

— Господи! — обрадовалась старуха. — Да я для нее не только шаль, а не знай че сделаю.

— Мне-то это ни к чему, — равнодушно произнес Потешин. — Это бабы все форсят. А чего, спрашивается, форсить? Вот мы, мужики, не форсим, а дело свое знаем.

С тем он и ушел.

Проводив Потешина, бабка Анна принялась растапливать печь. И тут до нее дошло: петуха-то рубить надо. От этой догадки у старухи даже в голове загудело. Это как же она без петуха-то? Жили, жили вместе и — на тебе! — на распыл...

И она принялась бестолково топтаться по избе. Дура, сама обрекла! Вот она, жизнь-то: не знаешь, куда соломки подстелить. Э-хе-хе, вот тебе и осина-лесина, вот тебе и сушняк-вишняк...

Старуха вспомнила, что у нее отобрали топор, и обрадовалась. Может, не рубить? Сказать, что убежал, мол... Как же, держи карман шире. Так и поверит Потешин. Сам указал на петуха. Не зарубишь, оно и выйдет боком. Ах ты господи, горе-то какое!

И она достала из-за трубы сечку.

Петух бегал следом, путался под ногами и мешал старухе. Она присела на скамейку и подумала, что совсем ей будет плохо без него. Повременить бы. Но этот боров, должно, скоро приедет, а у нее ничего не готово.

И она решила.

За сенцами стоял дубовый переруб, и старуха направилась к нему. Она спешила, боясь раздумать. Опустила петуха на чурбан и принялась нащупывать сечку. Петух вытянул шею и закрыл глаза. И она увидела, что зоб у него совсем пустой, потому как они сегодня не обедали. И сечка выпала у нее. Она поняла, что

не сможет зарубить. И тогда, запихнув петуха под шубейку, побежала к соседям.

Во дворе у Сугреевых ее встретила Груня, уже немолодая женщина с выпуклым лбом, резко обтянутым кожей.

— Чего-то несешь? — завидев соседку, спросила Груня и отставила кошелку с сеном.

Чтобы долго не объяснять, старуха вытащила петуха и протянула Сугреевой:

— Пусть зарубит Афанасий.

— Это как же ты распростилась? — удивилась Груня.

Старуха махнула рукой и повернула обратно.

— И правильно, — сказала Груня. — Пользы-то... Хоть несся бы.

Управилась бабка Анна вовремя. И, наготовив все, что могла, стала терпеливо ждать. Ею овладело какое-то безразличие, точно в ней задремало все. Но когда появились гости, очнулась и оробела.

— Где тут самовольщина? — с притворной строгостью спросил Корольков, по-медвежьи вламываясь в избу.

Он был высоким, и Потешин, толкаясь сзади, выглядывал у него из-под плеча. Бабка Анна, сложив на переднике руки, стояла возле печки и молчала.

— Ну, чего молчишь? Протокол вот пришли составлять.

Объездчик швырнул на лежанку тулуп, который побоялся оставить в возке, и потер красные с мороза руки.

Потешин прошел к столу и поставил водку.

— Какой, к черту, протокол, Роман Прохорыч! Не видишь, старуха и так переживает, — дуя в ладони, сказал Потешин.

Корольков осмотрел избу с голыми стенами, с большим оконным сундуком, который, наверное, достался от прадедов, с деревянной, потемневшей от времени кроватью, с тремя грубо сколоченными табуретами, с низкой скамеечкой возле переборки чулана, для чего-то заглянул на печь.

— Так-то оно так, — после некоторого молчания рассудительно заговорил Корольков. — Но ведь закон. Его не перешагнешь... Если каждому самовольщику прощать начнем, что будет? Сплошные порубки.

— Зачем же всякому? — возразил Потешин. — Всякому незачем. А тут снисхождение надо поиметь. Старуха ведь... Сколько тебе, бабка Анна?

— Да вот в троицын день семьдесят пять стукнет, — ответила она, на всякий случай накидывая годы.

— Оно конечно, возраст почтенный, — согласился Корольков. — Что же мне делать с тобой?

— Простил бы, мил человек, — простодушно попросила старуха.

— По первому случаю оно и можно бы. Но ведь опять за топор возьмешься?

— Ни-ни, вот крест святой! — истово произнесла старуха.

— Простить надо, Роман Прохорыч. Бабка она честная. Тут о ней плохого не скажут, — поддержал Потешин.

— Эх-хе-хе, — вздохнул Корольков. — Слабость наша. Что ж, так и быть, возьму под свою ответственность.

Он с достоинством прошел к столу и сел в красный угол. Старуха кинулась в чулан и принялась выставлять закуску. Принесла по чашке щей с петушиными потрохами, жареную петушатину, соленых огурцов, моченого терна, груздей и картошку.

— Вот это я понимаю! Вот это хозяйка! — одобрительно покрякивал Корольков.

— Золото, а не старуха, — похвалил ее Потешин. — Ну-ка, бабка, неси-ка стаканчики, — приказал он. — И сама седай.

Старуха стаканы принесла, но к столу подсесть не решилась. Прислонилась к белой голландке, готовая по зову мужиков сразу же услужить им, и затаилась.

Было еще не темно, и предвечерний свет слабо блуждал по избе, чувствуя свое близкое умирание.

Потешин разверстал по стаканам водку: Королькову набухал под самый рубец, а себе налил половинку.

— Твой-то где стакан? — спросил он старуху.

— Я ведь не пью, Сема, — виновато ответила она.

— Ты чего же это, баптистка, что ль? — грубовато поинтересовался Корольков.

— Что ты, Господь с тобой! Православная.

— Православная, а не пьешь.

— Ты хоть к столу-то присядь, — призвал Потешин.

— Давай садись, — поддержал Корольков. — А то вроде бы неуважение к гостям.

— Что вы, я вас очень уважаю!

— А коль уважаешь, так садись, — приказал объездчик и поднял стакан. — Ну, побудем.

— Пейте на здоровье, — пожелала хозяйка и присела рядом. Корольков, булькнув горлом, в один дых опростал стакан. Потешин долго цедил и все-таки оставил.

— Чего так? — обжигаясь щами, кивнул объездчик.

— Язва, — пожаловался Потешин.

— Ее только водкой и давить, заразу, — авторитетно заметил Корольков. Он ухватил ломоть хлеба, пожевал и, морщась, принялся рассматривать его.

— Не смотри, — сказала наблюдавшая за ним старуха, — с лузгой.

— То-то хрустит. А сама чего не ешь? Вон мясо бери.

— Ешьте, ешьте, я сыта.

Потешин, обливаясь липучим соком, торопливо доедал лытку.

— Постничаешь, что ль? Вроде бы не пост. Можно и мясо, — не унимался Корольков.

— По мне што пост, што не пост — все одно. Я не говею.

— А вот умрешь и — в пекло! — засмеялся Корольков. — Умирать-то страшно небось?

— Кому и страшно, а мне нет. Я свое исполнила. Мне не страшно, — весело ответила она.

Выпив по второй, мужики рассолодели и перестали обращать внимание на старуху, а когда зашли на третий круг, совсем забыли про нее. В них уже не было прежней чинности, голоса поднялись до срыва, и в разговоре, перескакивая с пятого на десятое, они перебивали друг друга. Потешин, прослуживший войну интендантом под Пензой, говорил о том, как трудно приходилось на фронте. Корольков, просидевший лет тридцать на лесном кордоне, возражал ему, уверяя, что в тылу было не легче, что случалось ловить и дезертиров. Потом заспорили о налогах. Потешин горячился и доказывал, что без налогов государство лопнет, что колхозники без них быстро зажируют, поскольку у них огороды, а вот сельским служащим всякая скостка на пользу. Корольков же настаивал на том, чтобы налоги снять с работников леса, потому как они живут в лесу, а на всех остальных можно и накинуть, чтобы не распускали животы.

Бабка Анна слушала их и морщилась. Вот балаболки, пра, балаболки. Уж поскорее бы унес их черт.

На улице вдоль построек и в палисадниках постепенно сгущались тени, в избе стало сумеречно. Старуха собралась вздуть лампу, но гости запротестовали. Королькову было пора ехать на кордон, и он все порывался встать. Потешин удерживал его и уговаривал заночевать в селе. Объездчик соглашался. Однако, допив водку, он решительно отодвинул налогового агента в сторону и начал собираться. Его порядком развезло и слегка пошатывало. Потешин, напротив, держался стойко и помог объездчику одеться.

— Ну, бабка, прощевай, — сказал Корольков. — Мож, свидимся еще. А лучше не надо... Ты вот что. Ты вози дрова, но не попадайся. Во! Главное — не попадайся!.. Топор возвращаю. В сенях возьмешь. Во!..

Бабка Анна, выпроводив гостей, посмотрела в окно и, когда они уселись в возок и лошадь тронула, вздохнула с облегчением. У нее давно разболелась голова, и ей было не до них.

К ночи небо развиднелось, над селом встал высокий месяц, и в избе повеселело. Бабка Анна, прислушиваясь, посмотрела туда, где ветвился лосяный рог, и сердце ее сжалось. Только теперь старуха поняла, что петуха у нее никогда не будет и она осталась совсем одна. Изба для нее сделалась пустой и ненужной. И сама

она показалась себе совершенно пустой и ненужной, хуже дырявой колоды.

Лунный свет, растекаясь по избе, мягко обволакивал предметы, и оттого они выглядели округло, без четких углов и линий. Старуха, тоскуя, ходила вдоль стен и заглядывала в окна. На улице накатанная дорога отливалась стекляннным блеском, а вдали под мерклыми звездами угольной полосой чернел лес. И початые ометы в поле оледенелыми окрайками сверкали под луной.

Старуха хотела сесть за прялку, но ее начало потихоньку знобить, и стало не до пряжи. Она забралась на печь, с головой укрылась шубейкой. Ее одолевали всякие недобрые предчувствия, и она думала о том, что, наверное, скоро умрет, изба без нее развалится и усадьба зарастет дурными травами, как могила худого человека.

С этими мыслями старуха и уснула. Спала она чутко, ощущая себя во сне, так ей хотелось, чтобы закричал петух и разбудил ее.

К весне дни потекли веселее. Весь месяц бабка Анна вязала шаль для Потешинной Насти и помаленьку стала забывать обо всем, пока однажды не принесли бумагу на штраф.

И старуха плакала над ней.

Утица луговая

За огородами бабы метали стога. Луг был небольшой, шишкастый и мокрый. За ним начиналось болото с камышами и осокой по краям, с кочками, трясучими и мягкими, как верблюжьи горбы, проступающими из ядовито-зеленой воды. Суходольские называли болото речкой, наверное, потому, что до настоящей реки было километров десять лесом, и это болото, местами такое глубокое, что можно купаться, являлось единственным освежающим природу уголком. В остальном места были ничем не приметные: сухие, трескучие, с чахлой полустепной растительностью.

Я ехал в Суходолье к матери из Сибири вместе с другом Пашей Ховриным, с которым три года скитались в одной нефтеразведочной партии: я — буровым мастером, он — помбуром. Деньжата у нас водились, и мы решили лето переждать в Суходолье у матери моей, а к осени двинуть в какой-нибудь маленький шумный городок на строительство, скажем, ВАЗа и, если приглянется, осесть там навсегда.

Мать всплакнула, встретив нас, вспомнила погибшего отца, свою молодость, наше полусиротское детство, созвала родню и по добромому российскому обычаю устроила угощение.

Сойдясь за столом, многие меня плохо узнавали, да и сам я многих угадывал с трудом. Старшего брата Шурку признал сразу. Он постарел, омужичился и тянул на все пятьдесят, хотя ему

не было и сорока. Пока я разъезжал по городам и весям, его жена Аннушка успела нарожать еще троих, и теперь в их избе росли четыре девочки и пятилетний карапуз Валька, названный в честь меня. И это льстило моему самолюбию.

Разговорились про колхоз, про то, что в селе теперь живут хорошо, но нет молодежи, вся порасползлась кто куда, детей некому рожать; вот одна Аннушка, слава Богу, отдувается за все население.

Потом дружно переключились на меня: хватит, мол, скитаться, скоро в паху поседеет, а он все скачет, как блоха по стене. Пора свое гнездо вить, семьей обзаводиться.

Матери этот разговор понравился, и она старалась пуще всех. Паша подталкивал меня локтем в бок, улыбался и тихо выкрикивал: «Вот ведь как!.. Вот чешут!» Родных у него не осталось. Бабка, у которой он воспитывался на Тамбовщине, умерла, пока мы были в Сибири. Два месяца спустя после ее похорон Паше пришло письмо и пятьдесят рублей — все сбережения, что остались после смерти старухи.

— Женись, Валька. Нечего полуторником ходить, — терзая зубами куриную ляжку, подзуживала сноха.

За столом сидел и дед Василий, материн дядя, по прозвищу Тараканий Ус.

— Не слухай их, Валька! — тарачился дед Василий и, размахивая руками, крутил головой, словно она была на шарнирах. — От бабы все беды в дому! Ты сам себе генерал... А тады...

— А чего не жениться? — настаивала мать и смотрела на меня с радостным обомлением. — До коих лет шалберничать! Чать, не урод какой. Вон сватай Милашку Святкину. Чем не невеста?

Паша при этих словах подтолкнул меня и с одобрением выставил большой палец, словно хотел сказать: во девах! Аннушка тоже уклончиво одобрила:

— Конечно, а что...

Брат не вмешивался в разговор, вяло ковырял вилкой в тарелке с холодцом и помалкивал: ему с коровами подыматься в поле.

— Женюсь, женюсь! — весело пообещал я и посмотрел на ходики. Шел второй час ночи.

Гости засобирались. Брат со своим семейством, взяв спящего Вальку на руки, ушел последним. Мы так и не успели ничего рассказать друг другу. Ни он, ни я не желали откровенного разговора при посторонних. Еще успеется.

Мать, проводив гостей, постелила нам в избе. Первую ночь мы решили переспать в помещении, а потом перебраться на сеновал. Еще в поезде, загадывая о нашем деревенском лете, мы грезили этим сеновалом.

Паша, как только ткнулся до постели, сразу же захрапел, а я все думал о том, что время не ждет, что уже немолодой, и мать

сильно постарела. Мне до слез стало жаль и себя с подступавшими тридцатью годами, и то Суходолье, в котором пронеслось мое детство.

Приехав домой, я не увидел прежнего села, которое знал, любил и помнил. Все здесь было близким, но переменившимся: и эта длинная улица с унылыми пустырями, и новые кирпичные застройки, и исчезнувшие, словно повывернутые бороной двory, на месте которых густо поднялись кленовые побеги.

Я едва не задохнулся от подступившей грусти, остановившись у бывшего подворья Любаковых, дочь которых, Тинка, была предметом моих отроческих вздыханий. Когда-то стояли тесовые ворота, под ветвями — скамья, пятистенник, крытый черепицей, а во дворе — сарай и рубленый амбар. Теперь лишь колодезный журавель, тоще вытянувшись среди лопухов, поскрипывал, раскачивая над завалившимся срубом старую, проржавевшую бадью...

Я ворочался, прислушиваясь к шорохам листьев за окном, наждачному скрежету дергача, перебирал по мелочам давешний застольный разговор, и вдруг меня словно укололо: «Милка... Кто же эта Милка Святкина?»

Фамилия показалась знакомой. Ну да, жил на выселках в Черепановке сухорукий мужик Ефим Святкин. Помнится, работал на овчарнике. У него, кажется, и детей не было. Впрочем, может, и был кто...

Весь следующий день мы с Пашей ходили по округе, а к вечеру вздумали махнуть в Ясновку, где жил мой дядя Тимофей Сугробов, который, по словам матери, теперь бригадирствовал в рыбколхозе.

Паша обрадовался, узнав, что Ясновка совсем лесное место, богатое водью: тридцать два озера и тихая речушка Муравка — это показалось ему чересчур для одного небольшого сельца. И он загорелся, представив, как вволю мы порыбачим, покупаемся и поваляемся на песочке.

Мать обиделась и поначалу не хотела нас отпускать, а потом отступилась: мол, поезжайте, что с вами, неслухами, поделаешь. И под вечер, проголосовав на большаке, мы с попутной лесхозовской машиной укатили в Ясновку.

Домой возвращались только через неделю, обгорев, исцарапавшись о крапивно-жгучие озерные водоросли, вдоволь нарыбачившись и порядком поднадоев дяде Тимофею, которому было не до нас и не до рыбы, потому что пришла пора готовить чилиговые метлы — десять тысяч на бригаду. Дядя Тимофей проводил нас с облегчением, приказав наведаться через месячишко, когда управится с этими «паршивыми вешками», как он сказал, и опять перейдет на рыбу.

По старой, наполовину размытой плотине мы вышли за село к небольшому округлому озеру в лилиях, с развалинами каменных построек на обрывистом берегу.

День обещал быть сухим и жарким. Листья на деревьях вернулись ребрами к солнцу, стряхнув последнюю влагу ночи. В ближайшем осиннике, перескакивая с ветки на ветку, беспокойно стрекотали сороки. Из березовой глубины нестойкими голосами им отзывались сорочата, уже покинувшие гнезда. На песчаный взгорок выполз разъевшийся суслик, встал чурбачком, огляделся, испуганно свистнул и побежал к норе.

Мы вышли на песчаную дорогу, наезженную машинами. Дорога бежала вдоль кукурузного поля и сворачивала в лес. Этому пути не менее трехсот лет. Когда-то по нему гнали гурты из киргизской степи на осеннюю ярмарку. Я рассказал об этом Паше. Он огляделся с каким-то изумлением и предложил:

— Махнем пешком, как эти самые... прасолы. А?

— Ты что, ошалел!.. Десять верст...

— Ну, старик, я всегда подозревал, что ты не романтик.

Пешком по жаре тащиться не хотелось, но Паша настоял, и я согласился:

— А-а, была не была! Давай! Только пойдем просекой. Так ближе.

Зной в лесу казался плотнее и глуше, даже лиственная тень не спасала от него. И все живое хоронилось от этой несусветной жары. На белоцвете, слепив крылья, дремали бабочки. Мухи лениво шевелились на стеблях травы, вцепившись в нее мохнатыми лапками. И только чумные оводы, как стервятники, набрасывались откуда-то сверху и, выставив хоботы, обжигаяще прикипали к телу.

Мы одолели песчаный перевал, почти лысый, с колючими скудными кустарниками, с чернобылом и ковылем, как в степи, и спустились в редкодубье. Паша побежал по спуску, обнял ствол матерого дуба, весь раскрывшись и вытянув пальцы, потому что и пятерым мужикам было не обхватить этот старый великан, задрал голову и весело крикнул мне:

— Старик, это же реликтовый лес! Смотри, какой богатырь! Он, может, старше мамонтов! Он и динозавров помнит!

— Так уж и динозавров, — подойдя к нему, недоверчиво произнес я. — Батья, куда ни шло...

— Ну и сухарь! — покосился Паша и, обидевшись, пошел впереди.

Я догадывался, что ему, как и мне, надоело идти по этой утомительной тридцатиградусной жаре. Но я крепился и помалкивал.

— Перекурим, — волоча ноги по горячему песку, осторожно предложил Паша.

— Можно и перекурить, — согласился я и, выбрав одинокую березу, брякнулся на траву под зыбкой пятнистой тенью.

— Много еще?

— Что? — спросил я.

— Ну, топать.

— Не очень. Километров семь.

— Заливаешь? — не поверил Паша.

Он совсем захмурил и, погасив папироску, облизал пересохшие губы — его, как и меня, мучила жажда.

— Скоро село покажется. Минут двадцать еще...

И тут вверху прошумел ветерок, и по листве зашлепали редкие капли. Дождичек, легкий и невидимый в воздухе, катился из невесомого облачка, серебристо сыпал по листве, сеялся над дорогой и рикошетил, оставляя на песке бурые пятна. Паша, запрокинувшись, раскрытым ртом ловил дождейки, дурачась, гонялся за ними, как за бабочками; но слепой дождик прекратился так же внезапно, как и налетел, не оставив после себя ни влаги, ни свежести. И все равно он прибавил нам сил; мы шагали уже шустрее и вскоре вышли на опушку леса. И тут я увидел стога. Сердце дрогнуло и заныло. Я еще не знал, почему стога так тревожат и волнуют меня.

...Мать истопила баню, и мы с Пашей, поддавая на каменку, нещадно хлестали себя березовыми вениками, выгоняя из тела чесоточный зуд озерной растительности.

Паша впервые мылся в деревенской бане по-черному, был доволен, разомлев на полке, одобрительно побрякивал и сверху посматривал на меня с заметным превосходством. Не знаю, как у него, но у меня сердце расходилось, и я, посидев на корточках возле двери и задохнувшись, выполз в предбанник, где, навалившись на скамью грудью, долго приходил в себя. Пол в предбаннике был выстлан свежей полынью, и от нее исходила сладковато-приторная горечь, которая и освежала, и как-то взбадривала.

Следом вывалился Паша и запрыгал, вытаращив глаза и разминаясь.

— Вот это банька! Вот это понимаю! — делая руками вращательные движения, приговаривал он.

Отлежавшись на сеновале и просохнув, мы отправились в магазин за куревом. Солнце висело за сараями, до заката оставалось часа полтора, но улица безмолвствовала. И если бы не куры на дороге и не хромая лохматая собака с репьями на хвосте, которая, озираясь на нас, проковыляла в переулок, — село показалось бы совсем нежилым.

Мы уже подходили к магазину, с виду неказистому, с низеньким крыльцом, с некрашеными ставенками, закрывающимися на тяжелые, кованые накладки с болтами, когда возле нас, обдав

пылью, остановился мотоцикл с коляской и меня окликнул высокий голос:

— Валя! Сугробов!

Я остановился и сразу же признал Карпа Афанасьевича Чудаева, нашего учителя математики. Его маленькая голова на тонкой шее с выпирающим из-под ворота рубахи подвижным кадыком заметно поседела. И лохматые брови тронула седина, лишь глаза по-прежнему оставались острыми и цепкими.

И вот Чудаев, заметно постаревший, стоит рядом, радостно трясет руку, смеется, расспрашивает о жите-быте, а я, вспоминая школьные годы, мнусь, улыбаюсь, смущенно тяну слова...

— Значит, месяца на два? Это просто прекрасно, Валя! А я теперь секретарем парткома в колхозе. Из огня да в полымя, как говорят, — торопливо сыпал Чудаев. — Спрос большой, а с кадрами, сам знаешь... Вот и вертимся. Кроим из рукава кафтан... Твой братец молодчина! Кто бы мог подумать, ленивый ученик — первый механизатор! Вот оно как все поворачивается...

Чудаев перескакивал с пятого на десятое, прищелкивал языком, суетился, поздравлял, расспрашивал, восхищался, а когда собрался уезжать, вдруг предложил с прямодушной прямоотой:

— Слушай, Валя, помог бы, а? — И, нахлобучив соломенную шляпу, испытующе посмотрел на меня, потом почесал затылок: — Луг-то помнишь за огородами? Кочкарник. Мокрота. С техникой не влезешь. А с бабами много ли наработаешь... Ну как?

— А что, старик, это, пожалуй, прекрасно! — ввязался в разговор Паша, заходя наперед. — Чего там, согласны! Мы с Валькой не какие-нибудь цветочки. Мы — во! — сжал он руку в локте.

Чудаев с опасливым уважением покосился на его вздувшиеся мускулы.

— Вот спасибо, ребята! Вот уважили! — обрадовался он, попятившись к мотоциклу. — Значит, решено. Вот это по-нашему! А поговорить еще успеем. Посидим рядком да потолкуем ладком, — пообещал он и торопливо уехал, словно боялся, что передумаем.

Паша повеселел и без умолку долдонил о лугах, о покосах, о сене, будто всю жизнь занимался заготовкой кормов.

Наутро он вырядился в голубые джинсы, купленные в Новосибирске. Я натянул старые, потертые уже. И рубашку напялил старую, с коротким рукавом, севшую от многократной стирки и тесноватую в плечах. Позавтракав, межю огорода мы отправились на луг, где зеленело пять стогов, еще необлежавшихся, не успевших почернеть от дождя и солнца, полыхающих травяной свежестью. Шестой только что начали ставить, и возле него копошились бабы в белых платках и цветастых кофтах. Завидев нас, они оживились, отставили вилы и закричали вразнобой:

— Э-е-ге, страннички! К нашему шалашу!

Паша заулыбался, приободрившись, раскурчавил чуб, широко раскинул ресницы, будто удивлялся чему-то невиданному и страшно интересному.

— Бог в помощь! — сказал он, когда мы подошли.

— На помощь! — весело отозвалась девушка, стоявшая с вилами на стогу.

— Куда им! Они, чай, и вилы разучились держать. Взять не знай с какого конца, — подковырнула братнина жена Аннушка.

Бабы, все уже немолодые, дружно засмеялись, немного смущенные и довольные тем, что пришли к ним свежие, незнакомые люди, жизнь в которых не похожа на деревенскую.

На пегой кобыле, запряженной в рыдван, подвезли сено с дальнего конца еще две женщины и тоже остановились, заинтересовавшись нами. Одна из них, крупная, в переднике поверх платья, спросила вполголоса у другой:

— Чьи-то?

Другая, рябенькая, наверное, с Чепурновского хутора, так же вполголоса ответила:

— Один-то вроде бы Маруськи Сутрובовой, а другой, видать, с ним...

— Это который же?

— Ну, тот, по Тинке что убивался, — по-своему поняла вопрос рябенькая.

— А-а, — удивленно выпятила губу крупная и посмотрела на нас жалостливо.

— Показать, что ли? — обратился ко мне Паша, делая нетерпеливые движения. Он взял у Аннушки деревянные вилы-четырехрожки и, изловчившись, по самый черен всадил их в пушистую копешку. Она тут же осела с полотняным шелестом.

— Снегурочка, держи! — крикнул Паша стоявшей наверху девушке и с хрустом поднял навильник. Он сделал два неровных шага, удерживая равновесие, но вилы наклонились, потянули его за собой, и, рассыпаясь, сено покатилося мимо стога.

Бабы захохотали, загомонили, подшучивая над Пашиной неловкостью, а девушка наверху засмеялась, зардевшись удивительно нежным лицом.

— Вот, Милка, какие кавалеры нонче — с навильником не справятся, — голосом в нос сказала мать кума Стешка.

— С Милкой мы справимся, — ничуть не смутившись, подхватил Паша и поддел второй навильник, на этот раз ловко.

Я тоже взял вилы и зашел из-под солнца. Бабы, успокаиваясь, вставали по своим местам. И вскоре они уже чувствовали нас своими, и мы пообвыкли с ними. Я бросал сено крупными долями, с подскоком, чуть ли не на середину стога. Паша тоже приноровился и играючи управлял березовыми вилами-четыре-

рожками. Милка принимала сено, едва поспевая за нами. Паша переглядывался с ней, подмигивал, шутил с бабами — и вообще держался по-свойски.

Я вспомнил застольную встречу в отцовском доме, слова матери: «Сватай Милашку Святкину», — и подумал, что, должно быть, о ней говорили за столом. Она была в зеленом трико, под цвет травы, в палевой кофточке, в белой косынке, повязанной по самые брови. Улыбка у нее была мягкой и доброй, на щеках играли ямочки, как у Тинки Любаковой. И во всем лице ее угадывались застенчивая несмелость и доброта. На вид ей было лет двадцать.

Стог уже подходил к завершению, когда появился Тараканий Ус, в валенках, в рубаше навыпуск, длинноватой для него, с прожженным подолом. Он обошел вокруг стога, положительно оценив нашу работу, и приказал Милашке:

— Слазь, вершить пора.

Выкладывать вершник дано не каждому — эту обязанность в бригаде исполнял дед Василий.

— Ну-ка, бабы, пособите-ка. — Перекинув вожжи поперек стога, дед в окружении бабьей свиты двинулся на противоположную сторону, а нам с Пашкой приказал, чтобы покрепче держали веревку, пока он будет влезать.

Мы уперлись ногами, поднатужились, почувствовав, как вожжи, скользнув по стогу и влипнув в него, натянулись и дрогнули. Держась за них с обратной, скрытой от нас стороны, наземь скатилась Милка. И тут же веревка задергалась, пританцовывая. Это, подталкиваемый снизу бабами, начал рывками взбираться дед. Заползал он долго, и нам надоело его держать.

— Уроним? — тихо проговорил Паша и засмеялся.

Тараканий Ус, измучив нас, все-таки вполз на вершину и уже хозяйски покрикивал сверху:

— Середину не набили, мать вашу так! Сколько долбил: набивай середину. На ей стог держится... А ну, подавайте сено!

Кидать было высоко, бабам не под силу, и мы с Пашей освободили их, велев передохнуть, что они сделали с большой охотой.

Я сбросил рубашку и майку. Паша тоже обнажился по пояс и, работая, вытягивался весь гладким шоколадным телом.

Закончив вершник, дед объявил всеобщий перекур.

Подстелив под вислый зад охапку сена, он угнезвился в центре бабьего круга, подвернул под себя калачиком кривые ревматические ноги и пустился в мудрые рассуждения.

— Жизнь, она ведь как пружина, — с какой-то старческой легкостью изрекал он. — Хочешь — растяни, а хочешь — сожми. Ить все кончается. Только терпение остается.

Бабы слушали с открытыми ртами, а Милка лукаво отводила глаза.

— Или вон, возьми, птица, — продолжал дед, завидев летящую над лугом ворону. — По воздуху летает, а убери крылья — и не полетит. Вот так и жизнь...

Тараканий Ус заносил над стриженным под нулевку черепом вышелушенный до желтой сухости палец и вытягивал шею, словно прислушивался к себе и к своей неслыханной мудрости.

Паша не выдержал, схватился за живот и сиганул за стог. До меня донесся его хохот.

— Иль взять, к примеру, бабу, — рассуждал дед Василий. — Уж сколько нагородит, что и черт под гору не сволокет. И все, чтобы мужика перерасти. Только хрен с квасом получается. А почему? — сузил он татарские глаза, собираясь объявить такое, что даже недоверчивая Аннушка потянулась к нему с замирающим интересом. — Да потому, что родилась бабой.

Тут и мы с Милкой не выдержали; переглянулись и, отвернувшись, разом прыснули. На нас зашикали. Мы поднялись и дружно взялись за вилы.

До вечера поставили еще два стога и заложили третий. Потом все, кроме деда Василия, отправились на болото отмываться. Паша незаметно оттеснил Милку от общей компании и вел с ней свои разговоры. Ей было приятно с ним, и она щебетала всю дорогу весело и довольной.

— Ох, и хлюст, видать! Из молодых, да ранний, — приотстав, не то с осуждением, не то с тайной бабьей завистью указала глазами на Пашу сноха Аннушка.

— Парень как парень, — вступился я за Пашу, с плетенками в руках перескакивая с кочки на кочку, чтобы уберечь босые, отвыкшие от покосного жнивья ноги.

Аннушка серыми пристальными глазами смотрела на Пашину фигуру, на крепкие мышцы, перекатывающиеся плотными валами по телу, облепленному цветочной пылью и травяной остью, на его загорелую до голубиной сизости шею и думала свою женскую думу, в которой, наверное, не было места ни надеждам, ни разочарованиям.

Бабы купались в стороне, за камышами, а Милка с нами. Паша подныривал под нее и хватал за ноги. Милка визжала и сердилась. Обидевшись, она прибилась к бабам и больше к нам не подошла.

— Хороша деваха, — одеваясь, снисходительно проговорил Паша. — Надо бы выстрелить.

Я не поддержал разговора. И пока мы шли мимо свежих стогов, помалкивал.

— Старик, ты чего это? — забеспокоился Паша. — Да брось ты! — засмеялся он и поддел ботинком трухлявый дождевик. — Жизнь — это как пружина, — со смехом повторил он мудрость деда Василия и обхватил меня за шею.

Так в обнимку мы и шли до двора.

В небе вылупился месяц, и вокруг стояла прозрачная ясность. В хлебах кричали перепелки, а за изгородью огорода, в черемухе, причмокивая, пощелкивал соловей.

Спать не хотелось, идти было некуда. Колхозный Дом культуры в будние дни пустовал, и только по выходным, когда из города приезжала молодежь, в фойе устраивали танцы под радиолю.

Мы присели на скамейку возле палисадника и притихли, каждый размышляя о своем.

Стога за огородами, объятые лунным сиянием, отливали дымчатой синевой и оттого казались таинственными. И над лугом стояла белая, в лунных яблоках тишина, в которой тоже было что-то вечное и близкое сердцу. Меня нестерпимо потянуло к стогам, в молочную прозрачность ночи, полную раздумчивой печали.

— Прогуляемся? — поднимаясь, предложил я Паше.

Перешагивая через картофельную ботву, уже зацветшую, мы вышли к небольшой округлой копешке, взгромоздились на нее, усевшись рядышком и свесив ноги, и поежились, почувствовав на сухих травинках невидимую влагу близкой воды.

Было хорошо после жаркого дня сидеть под луной, ощущая теплую прохладу земли, когда тело отдыхает и требует выхода наружу душевных, нетронутых сил. И мы, не сговариваясь, запели что-то вольное, долгое, протяжное, как скрипы родной колыбели. И голоса наши, вначале нестройные, сливаясь, поднимались все выше и увереннее. И вокруг, казалось, все смолкло и отдалилось под нашей песней. А мы, запрокинувшись, все вели и вели мелодию, которая сама тянулась из души и выводила нас в живое пространство ночи.

Мы не заметили, как сзади подошла Милка, и, уже кончив песню, смутились, увидев ее рядом, притихшую и удивленную.

— Спойте еще, — тихо попросила она.

Паша радостно засмеялся, вытянувшись к ней, задержался, приминая сено, захлопал в ладоши, аплодируя себе, в общем, пришел в свое обычное состояние.

— Хорошо, ребята, — не обращая на него внимания, задумчиво сказала Милка.

— Нам лишь питание улучшить, мы все сможем, — подавая ей руку, с насмешливой хвастливостью произнес Паша. — Забейся...

Меня поразило лицо Милы, совершенно бледное под луной, с каким-то блуждающим свечением изнутри. И, глядя на нее, я невольно подался назад.

Паша нес всякую чушь, балагурил. Она же, сбросив задумчивость, оживилась, и было видно, что он нравится ей. И неприужденность его нравится.

— Нам, Милок, лишь бы до церкви добраться, а молитвами мы любого ухай-дакаем, — скалил он белые зубы и незаметно,

будто невзначай, задевал и трогал ее, стряхивая былинки, поправляя волосы.

— А ты внимательный, — заметила она со значением.

— А как же, — согласился он. — Воспитанность в первую очередь... У нас все такие. И Валя вон...

— Я-то при чем?

Мне было досадно видеть, как он обхаживает ее и как она, жеманясь, с неумело скрываемым желанием идет ему навстречу.

Паша перевернулся на бок и, утопая в сене, положил голову Милке на колени.

— На мели мы ловили налима. Для меня вы ловили линя. О любви не меня ли молили вы, Мила? Из тумана лимана манили меня! — с чувством прочитал он.

Белки его глаз возбужденно блестели, придавая лицу особую лихорадочную обаятельность. Она вдруг засмеялась и, поддавшись чувству, нежно погладила его волосы, обрызганные лунной изморозью. Я отвернулся и принялся смотреть на темнеющий вдаль лес.

Паша, шурша сеном, потянулся к Милке и что-то зашептал ей на ухо. Она тихонько засмеялась, совершенно забыв про меня, и как-то складно потянулась, запрокинувшись головой.

«Дуреха, — решил я. — И откуда только берутся дуры?»

— Милок, посмотрим на воду? — зазывающим голосом предложил Паша. — И смотрю я на быстрые воды, ничего нет печальней воды. — Он легко скатился с копны, сильными руками подхватил ее и поставил рядом.

— Вот еще, — с обидой вывернулась Милка и отошла в сторону.

— Ну, Милок, брось, — принялся ублажать Паша. — Я же шутя, любя, нарочно... Чего здесь сидеть?.. Валь, ты пойдешь?

— Нет, — ответил я. — Спать хочется. И ушел, не попрощавшись.

На сеновале я долго ворочался и не мог заснуть. Месяц встал высоко и светил сквозь щели в крыше и в открытый лаз.

В сарае за плетневой стеной шумно фыркала корова; приставывая чесалась о подсоху — видно, за день накусили оводы. А вокруг было тихо, даже слышалось, как кровь перекачивается по жилам. И тут с улицы донесся крик.

Я насторожился и, признав Милкин голос, понял: что-то произошло. Хотел было встать и выйти на улицу, но скрипнула калитка и во дворе послышались быстрые шаги. Возвращался Паша. Погремев бадьей, он зачерпнул в колодце воды. И стало слышно, как, сопя носом, он пьет крупными глотами — остужается.

Скрипя лестницей, Паша забрался на сеновал, разделся в темноте и, нащупав меня, лег рядом. Он догадывался, что я не сплю, что я не мог уснуть без него.

— Старик, слышишь, ее фамилия Святкина? — произнес он после короткого молчания. Я не ответил.

— Ты знал это?

— Знал, — сказал я, отворачиваясь. — Спи давай.

— Нет, старик, теперь не усну, — хрипло заговорил он. — Обсудить бы надо. Тут большая глупость вышла. Я-то думал, она как все. Да-а, — засопел он. — Вот шуточка. Ну и влип!.. Что же делать, старик? Завтра такой хай поднимется. Поддеревни в окна выставилось.

Голос его прерывался, должно быть, от сильного возбуждения. Я тянул на голову байковое одеяло и затих, давая понять, что не желаю продолжать этот бесполезный и ненужный разговор. Я не осуждал его, не хотел осуждать, хотя во мне и крепло раздражение: «Ишь, красавчик Смит!.. И по мордам... Так и надо...»

— Ладно, — с обидой произнес он и тоже повернулся на бок, лицом к противоположной стене.

Он растолкал меня рано, хорошо одетый, гладко выбритый и еле надушенный.

— Проснись, старик, — сказал он, нависая над постелью.

— Пошел ты — разозлился я, кутаясь в одеяло.

— Я уезжаю, — объявил он.

— Что? — Я поднял голову и, продрав глаза, глупо уставился на наглаженные брюки.

— Так лучше будет...

Я сел на матрасе, обхватил руками колени. Я знал, что он уедет; не хотелось с ним расставаться, в то же время я думал о том, что вместе нам будет тесно, что у нас не получится прежних отношений.

— Куда же теперь? — спросил я как о чем-то давно решенном.

— Бабкину могилу проведу, а там как придется, — сказал он.

— Я провожу тебя.

— Зачем? — отказался он и невесело пошутил: — Долгие проводы — лишние слезы.

В щели соломенной крыши с тугим напором били солнечные лучи и, дробясь, растекались по сеновалу бледно-розовым светом.

Паша бочком приблизился ко мне и торопливо сунул ладонь:

— Передай мои извинения...

Хотел еще что-то добавить, но, тряхнув головой, заторопился и, спускаясь вниз, едва не сорвался с лестницы.

— Деньги в чемодане! — крикнул я вдогонку и, подложив под голову руки со свежими, ноющими мозолями на ладонях, принялся бесцельно смотреть на покинутое гнездо ласточки.

С улицы, басисто гудя, влетел большой черный шмель и, нагоняя скуку, закружился над отверстием в березовой стропилине. Пришла мать и позвала завтракать.

— Чего друг-то не погостил? — спросила с хитринкой, когда я умывался в огуречнике из кадушки.

— Дела срочные, — нехотя отозвался я.

— А-а, — понимающе протянула она. В этот день я не пошел на стогование и слонялся по двору как терянный. Потом косил за баней жесткую и грубую траву.

Я сидел на крыльце и смотрел на закат. Мать понесла к деду Василию отбивать косу, которую с непривычки я сильно иззубрил и завернул ей жало.

Угасающий свет над полем и лесополосой, протянувшейся до самой грани, обкладывал землю зыбкой красноватой дымкой. Со всех сторон из своих дневных укрытий выглядывали робкие тени.

Звякнула щеколда, отворилась калитка, из-за угла избы вернулась Милка: на плече — деревянные грабли, трико и кофточка — в колючках, охвостьях мятлика и травяной шелухе.

— Здравствуй, — сказала она, сваливая с плеча грабли.

— Здравствуй, — хмуро ответил я, разглядывая ее в упор.

Она подурнела за день. Нижняя губа припухла и покраснела с левой стороны, должно быть, прикушена. И лицо ее коверкала вымученная, неловкая усмешка. И нос, вчера еще такой аккуратный, казалось, разъезжался по лицу неширокими ноздрями.

— Чего заленились? — опираясь на грабли, склонила она голову. Я знал, что спрашивает она не о том, что не за этим пришла.

— Так вот, заленились, — без всякой охоты ответил я.

У меня не было желания говорить с ней, и прежнего расположения к ней тоже не было.

— Работнички-и, — протянула она нараспев. — На вас только дым возить. Она понимала, что и я все понимаю. И тогда, вытянув круглую шею и заглядывая поверх меня в сенцы, спросила напрямик:

— А друг где?

— Друг? Уехал друг.

— Вот уж не думала... Напрасно, — пожалела она. — Погорячились... А так ничего и не было...

— Приказано извиниться.

— Нужны его извинения, — фыркнула она и ушла, подняв грабли.

Вечером меня снова потянуло на луг, и я, привалившись к стогу, долго слушал лягушину переключку на болоте, страдая в одиночестве. Месяц не был таким светлым, как вчера, хотя ночь все так же теплила луговую прозрачность. И роса выпала раньше обычного.

Село потушило огни, улеглось и успокоилось. В самом конце порядка хрипло лаяла собака, может, та, с репьями на хвосте. Ей никто не отвечал. Набежало малюсенькое облачко, и на лугу потемнело. И только далеко за селом, над гречишным полем, все еще качались призрачные столбы лунного света.

В стороне, у соседнего стога, похрустывая жнивьем, замелькала тень и направилась ко мне. Я догадался, что это Милка. Она

подошла, когда проглянул месяц и на лугу опять стало светло и празднично.

— Скучаешь? — спросила она, робея.

— Скучаю, — помедлил я.

— Мне тоже не спится, — вздохнула она, подсаживаясь рядом.

Я чувствовал плечом ее обнаженную руку и, ничего не испытывая, смотрел на ярко мерцающую звездочку, которая среди других звезд, трепещущих, но неподвижных, плыла по широкому небу.

— Спутник! — перехватив мой взгляд, догадалась Милка.

Звезда, покачиваясь, прокатилась над нами и исчезла в дальней наволочи. Мы сидели рядом, чувствуя друг друга, и до неприличия долго молчали.

— Я не мешаю? — наконец не выдержала она.

— Нет, — ответил я как можно равнодушнее.

Она, кажется, не обиделась. Покорно поднялась и побрела прочь по лугу. Я смотрел ей вслед, как она шла, раскачиваясь в лунном свете между высоких стогов, одинокая и беззащитная. И мне вдруг захотелось побежать за ней, окликнуть и возвратить ее. Но я знал, что поздно. И тогда всплыло откуда-то из детства: «Утица моя луговая...»

И все, что окружало меня, слилось и ожило в немеркнувшей чистоте этих слов, в их бескорыстном первородстве.

Я пошарил вокруг себя, нащупал смятый клоч сена и почувствовал теплое дыхание умирающей травы, которая еще жила, напрягалась и тихо шелестела. И тогда я понял, почему меня волнуют стога. Ведь это было все...

Вот так же когда-то под стогом мы сидели с Тинкой. Нам было по шестнадцати, и я впервые поцеловал ее.

«Тинка!.. Утица луговая...»

Она уехала под осень в Бузулук, в лесной техникум. А весной ее не стало. Ходила за вербами и угодила в полынью.

Хоронили Тинку всей школой, с музыкой и цветами. Из наших ребят почему-то никто не плакал. И все они смотрели на меня, потому что плакал я один. За себя и за них. Подошел Карп Афанасьевич, говорил какие-то утешительные слова. Я не слушал и не понимал его...

Утром я сходил на кладбище, постоял возле покосившейся оградки с деревянной пирамидкой над осевшим холмиком. Краска на пирамидке облезла, и сама она почернела и завалилась. И вокруг стояла изнывавшая кладбищенская тишина...

Я спустился в ложбинку, буйно отцветающую вторым заходом лета, набрал охапку ромашек и положил к подножию пирамидки.

Из соседней оградки выпорхнула трясогузка, присела рядом, дразня и покачивая длинным хвостом, оглянулась и тут же поднялась над погостом, засвистав насмешливо и звонко.

По пути с кладбища завернул к деду Василию, чтобы проститься с ним. Застал его во дворе под навесом. Он сидел верхом на ошкуренном дубовом бревне с растрескавшимся до сердцевины комлем и чинил дежку.

— Здорово, дед! — громко сказал я, подсаживаясь к нему и оглядывая двор с поленницей дров вдоль плетня и с неошинованным тележным колесом, подвешенным на кол.

— Здорово, коли не шутишь! — задрал он на лоб очки без стеклышка в правом глазу.

— Мастеришь? — закуривая и вытряхнув из пачки для него сигарету, кивнул я на дежку.

— Бабка загрызла, едри ее мать! — с досадой произнес дед Василий. — И пироги давно не печем, магазинными обходимся, а ей нетерпение — разохлась дежка. Оттого и разохлась, что без дела стоит. А ты откуда топаешь?

— На кладбище ходил.

— На кладбище? — удивился он. — Чего забыл? Уж не мне ли место присматривал?

— Тебе еще долго до кладбища, — усмехнулся я, приглядываясь: «А ведь сдал старик. Очень даже сдал...»

— Нет уж, Валька, скоро туда пойду, — затряс он головой. — Вот руки холодными становятся. Кровь не греет. — И вывернул передо мной узловатые кисти в мозолях и ссадинах.

По стриженому затылку деда ползла божья коровка, но он не замечал этого. Зубы у него повыпали, и щеки провалились.

— А я проститься пришел.

— Аль уезжаешь? — удивился дед. — А говорил, лето поживешь.

— Не получается, — раздавив о бревно сигарету, поднялся я.

— Да-а, — закричал дед. — Жизнь пошла такая — все в разъездах. Посмотришь на станциях — народищу, ровно вся страна на колеса села! И куда только нелегкая несет?.. Приедешь теперь когда?

— Не знаю.

— Хоронить-то, чай, приедешь?

— Да брось ты, дед! Завел панихиду...

— Это я так, к слову, — ухватив меня под локоть жесткой кистью, потащился он до палисадника. — А ты не забывай нас. Наезжай почаще.

Расставаясь, мы обнялись. Облокотившись на изгородь, дед смотрел мне вслед потухшими, печальными глазами, в которых уже не было будущего, а были только надежды на него.

На станцию меня провожала мать. Она расстроилась, обиженная моим поспешным отъездом, забегаая, семенила сбоку по пыльной деревенской дороге, виновато заглядывала в лицо и ласково корила. Мне было жаль ее. И своей молодости было жаль.

Я нес чемодан и, пока виднелись стога, все оглядывался на них...

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Валерий СДОБНЯКОВ

СКРЕП РУССКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ

Сдобняков Валерий Викторович — родился в 1957 году в Красноярском крае, станция Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Вертикаль XXI век». **Живет в Нижнем Новгороде.**

Многое изменилось с того времени, когда я, бродя по монастырским развалинам, начал задавать себе те вопросы, на которые отчасти попытался ответить в этой статье. Неумолимо движение времени, неведомы нам пути его. И вот уже возродились монастыри. А ведь совсем недавно это казалось немыслимым. Появилась в продаже православная и патриотическая литература. Но оказалось ли это панацеей от всех наших бед? Все-таки выздоровление общества происходит медленно, в борьбе как внутри себя, так и вне... И, похоже, что борьба эта — вечна.

Мой интерес к истории и культуре отечества стал складываться в первую очередь под влиянием вновь приобретенных книг. Должен признаться, что особой стройности, последовательности в этих пополнениях не было. Главным критерием отбора было одно — публикация до 1917 года. Книга должна была выйти к читателю в той самой России, которую я вновь для себя открыл. Содержание книги принципиального значения не имело. Судите сами. Наряду с замечательными изданиями Евангелий и Ветхого Завета, Тютчева и Шекспира в моей библиотеке появились подшивки журналов и «Обиходная рецептура садовода "П. Штейнберга"» (1911). Вместе с учебником по «Русской истории», составленным М. Острогоринским (1912), и учебником «О Православном богослуже-

нии» (1900) на полке стояли брошюра дешевого издания «Скупого рыцаря» А.С. Пушкина (1899) и повесть «Из жизни Макарки» С.Т. Семенова (1909), а на стене появилась карта участка реки Волги в «Николаевском уезде Самарской губернии».

Это не было простым увлечением, приступом собирательства — это было необходимой потребностью большими видимыми нитями связать себя с историей и культурой той страны, которой меня так долго, но, как оказалось, безуспешно хотели лишить. Тогда же я и пошел по разбитым и заброшенным храмам и монастырям, собирая медные кресты, погнутые подсвечники, еще хоть как-то сохранившиеся иконы. Именно там интуитивно я надеялся найти ответы на задаваемые самому себе вопросы. Но от посещения этих мест вопросы только множились, а разрешение их виделось необходимым, обязательным. И дело не только в отдаленном религиозном чувстве, пробудившемся во мне. Напротив, чаще всего эти вопросы касались исторических, этических аспектов нашей жизни.

Что же в духовном плане представляла и представляет из себя Россия, вот уже на протяжении 1200 лет не дающая спокойно жить Западу своей загадочностью, непостижимостью?

Здесь я вынужден из тех далеких 70-х годов сразу переместиться в наше время, дабы по возможности максимально обострить и осовременить разговор на поднятые темы. (Далее цитаты из книг и статей будут приводиться без сносок на время первого ознакомления с ними автора этих заметок. В дальнейшем это перестает иметь какое-либо принципиальное значение.)

Замечательный наш критик, историк и публицист Вадим Кожин в своей недавней большой работе «Россия как цивилизация и культура» (в журнале «Наш современник», № 5,7 за 2000 год) приводит поразительную цитату из сочинения Карла Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века» («Вопросы истории», № 1-4, за 1989 год). Корифей «материалистического понимания истории» пишет о царе Иване III: «Православное вероисповедание служило вообще одним из самых сильных орудий в его действиях... Между политикой Ивана III и политикой современной (то есть России 1850-х годов) существует не сходство, а тождество... Она является единственным в истории примером огромной империи, само существование которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом».

Размышляя над историей России, ее светским и религиозным прошлым, сопоставляя эти размышления с днем сегодняшним, приходишь к выводу, что соборное ощущение национального единства в нашей стране в подавляющей своей основе зиждется на Православии. И это не дань определенной моде на религиозность, довольно широко распространенной в современном обществе, а как бы невольное, закрепленное на генетическом уровне

осознание нашего пути. Выдающиеся умы человечества на протяжении всей нашей истории понимали это. Именно отсюда вытекает наша «некоммерческая дикость» и необдуманная неприбыльность наших политических решений. Вера изначально двигала Россией. Без веры мы мертвели, терялись, разрушались. Но вновь обретая ее, творили невероятное, возрождаясь из пепла.

В уже упоминаемой нами выше работе Вадим Кожин обращает внимание читателей на следующий факт: «Восстания населения на Западе, как правило, преследовали конкретные экономические цели; между тем, сотрясавшие Россию мощные бунты были, по словам Пушкина, «бессмысленными», то есть не имевшими прагматических целей, и, как убедительно доказывал Ключевский, порождались утратой веры в наличную Россию. Необходимо со всей определенностью пояснить, что, говоря об утратах веры как причинах общественных потрясений, я не имею в виду именно и только веру в собственно религиозном смысле слова, хотя в какой-то степени и этот смысл присутствовал во всех российских катаклизмах. В России вера... понятие очень емкое и многосмысленное».

И все-таки в большей степени мы попытаемся акцентировать внимание именно на вере как понятии религиозном, рассмотрев для этого в качестве примера предпоследний всероссийский бунт 1917 года. Вот как, в предчувствии и в предупреждение, писал о нем, обращаясь к православному народу, святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: «Откуда эта анархия, эта забастовка, разбои, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? От неверия, от безбожия... На почве безверия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может существовать. Скорее с покаянием к Богу! Скорее к твердому и непоколебимому пристанищу веры и Церкви!» И еще: «Вера слову Божию, слову истины исчезла и заменена верою в разум человеческий... Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать ее инородцам, как Иуда продал Христа злым книжникам и фарисеям...» Закончим же это большое цитирование сбывшихся пророчеств святого еще одним: «Горе тебе — лукавый, непокорный, неблагодарный человек! Все бедствия нынешние, постигшие Россию, постигли ее из-за тебя! Но смотри, скоро наступит и день твоего праведного, страшного воздаяния вечного. Трясись, трепещи, человек, недостойный этого великого имени, и скоро жди праведного суда Божия».

То есть, через сотню лет у разных по своему мировоззрению людей мы встречаем сходные мысли и выводы относительно исторического существования России, которое немыслимо без ее духовного здоровья.

Наступили те времена, о которых за многие годы вперед предупреждал подвижник. Но почему же тогда не произошло скоро-

го возврата на прежние, как уже ясно, исторически единственно верные основы существования нашего государства? Да потому, что свершившийся катаклизм явился ответом на упорно осуществляемый долгие десятилетия замысел, итогом, результатом которого оказалось нарушение духовной преемственности внутри страны. Произошел разрыв на вневременном, мистическом уровне между тысячелетней Россией и сиюминутной, обманчивой выгодой отречения.

Вадим Кожин напоминает такие слова Пушкина, написанные им всего за сто дней до своей смерти: «...Наша общественная жизнь — гнусная вещь». И все же непреклонное противостояние Поэта: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме... той, как нам Бог ее дал».

Трагедия начала века и ее долгое, в столетие, продолжение заключается в том, что, заиклившись на первой фразе цитируемого отрывка, мы не пошли дальше, не доосмыслили продолжение ее. Россия в глубине своей соборной души не вознесла хвалы Богу за свою историю. Вернее, довольно быстро разгадав обман, опомнившись, она все равно не смогла уже что-либо изменить. Слишком крепки оказались оковы. Слишком силен оказался прессинг сил, стремившихся разрушить ход исторической преемственности, слишком энергично и точно стал осуществляться замысел в этом губительном для России направлении. Нужно было время для осмысления происшедшего, для накопления свежих, жертвенных сил.

Насколько глубоко был разрушен процесс преемственности в сознании отечественной интеллигенции, проиллюстрирую следующим примером. Примечателен он тем, что случился в стенах местного отделения Союза писателей. Во время моего разговора с одним из ветеранов этого творческого «цеха» он мне с горячей убежденностью стал доказывать, что живем мы отныне в совершенно другой стране.

— Чем же она другая? — поинтересовался я. — Остались, как вот уже многие столетия, на своих местах русские города. Могилы наших предков (а у меня, насколько удалось проследить, пять поколений лежат в нижегородской земле), слава Богу, не вырыты. Реки тоже вспять не потекли...

Оказалось, сменился общественный строй, сменилась власть, райкомы заменили администрациями (хоть и люди в этих администрациях зачастую прежние), и этого «инженеру человеческих душ» достаточно, чтобы почувствовать себя в «иной» стране. И такое поверхностное, внешнее отношение к истории своей, к сожалению, в среде интеллигенции преобладает.

— А как же тысячелетняя история, Куликовская битва, нашествие Наполеона?..

Досада писателя на мою непонятливость и отсталость была искренней. Он отказался от дальнейшего разговора с человеком, не понимающим элементарных истин. А ведь даже демократ из демократов Даниил Гранин еще в 1994 году сокрушался: «Изничтожается ленинградское во имя петербургского. Оборвалась цепь времени, и культура оказалась беззащитной. От нее ждут нового слова, но новое появляется не на кладбище, а вынашивается в утробе уходящего... История не терпит обрывов... Петербургу придется осваивать Ленинград, включать в себя, сохранять и защищать лучшее, что было в нем» (журнал «Российская провинция», № 5, с. 9).

Трудно не согласиться с нашим современником. Но давайте напомним ему слова русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева, который в своей работе 1924 года «Новое средневековье» писал: «Секулярная демократия... хочет политически устроить человеческое общество так, как будто Истины не существовало бы... То оторванное человеческое поколение очень краткого отрывка исторического времени, исключительно современное поколение, и даже не все оно, а какая-то часть его, возмнившая себя вершительницей исторических судеб, не может быть названо народом. Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения... Самоутверждение современного поколения, превозношение его над умершими отцами и есть коренная ложь демократии». Вообще-то, приводить в статье цитаты, да еще столь обширные, считается признаком «дурного тона». Но в нашем случае, в наших, надо признаться, довольно вольных заметках это видится оправданным и даже необходимым. Ибо то, что происходит сейчас во многих отечественных СМИ, то настойчивое их желание внедрить в сознание обывателя негативное, даже раздражительное отношение к Русской Православной Церкви иначе как «ложью демократии» не назовешь. Пытаясь выступить главными и единственными судьями, они наносят удары по основам нашего национального бытия. И попадают под влияние этого информационного натиска в большинстве своем люди молодые, еще не воспринимающие историю своих предков, дедов и отцов как нечто единое, неразрывное от их собственной истории, которую они уже творят сами, не ощущают своей ответственности за будущее доставшейся им в наследство страны.

Хотя, как уже было нами отмечено, старая советская интеллигенция этим вирусом заражена основательнее и неисправимо. И за ее «души» борьба практически не ведется. Вся острота полемики своими выводами, методами ее ведения, условиями и способами подачи информационного материала в основной своей части, конечно же, обращена к молодым. К ним взывают: «Ты прав!» Прав твой максимализм, твое желание самостоятельно желать, требовать и угрожать... В молодом поколении вновь пы-

таются, оттолкнув его от истинных национальных ценностей и задач, возбудить революционное состояние отрицания. А ведь еще великий Тютчев, как никто проникший в ментальную сущность русского сознания, национальной бытийности, в статье «Россия и революция» (1848) писал: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества».

Прослужив около двадцати лет на дипломатической работе в Европе, Федор Тютчев воочию наблюдал это разраставшееся непонимание, отторжение России Западом. И виной тому было не что иное, как русская вера, державное Православие. Многие выдающиеся умы уже тогда предостерегали Европу от отношения к России как к своим задворкам, от раздражения и агрессивности по отношению к ее самобытности, ибо не прагматизм, а Дух лежал в ее государственной основе. В своем роде России было уготовлено выступить неким сберегающим эталоном именно общемировой духовности. В этом и заключается ее исторический путь.

«Россия прежде всего христианская империя, — пишет Тютчев, — русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более душевному, чем убеждения... Революция — прежде всего враг христианства!.. Те видоизменения, которым она последовательно подвергалась, те лозунги, которые она последовательно усваивала... были второстепенны и случайны; но одно, что в ней не таково, это именно антихристианское настроение... и оно-то... доставило ей это грозное господство над вселенной...»

Эта сила, являющаяся безусловным и агрессивным антиподом русского христианства (вечное противостояние двух начал в человеческом мире — добра и зла, что не исключает того, что каждое из них воспринимает противоположное себе именно как зло), была отмечена и осознана даже теми, кто в силу определенных причин был втянут в это противостояние. Так, Лев Тихомиров, профессиональный революционер, в своих воспоминаниях (1921) невольно отмечал, что его соратники, которым казалось, что они действуют согласно своим убеждениям, на самом деле поступали «словно пешки... ввиду достижения цели не нашей, а какой-то нам неизвестной... Я уже давно не мог отрешиться от какой-то всемогущей руки, намидвигающей...»

Именно в этой «всемогущей руке» и заключается суть проблемы. Отрицание ее существования (опять же под настойчивым давлением СМИ) не позволяет нам осознать, для достижения какой

цели столь «плотно» нас опекают западные идеологи. Мы не осознаем глобальности этого противостояния, относя все происходящее лишь к технологиям политической борьбы. К идее существования целенаправленного приложения неких сил для расчленения и уничтожения России как государства и мирового духовного центра, обладающего определенным мистическим значением для судеб всего человечества, в нашей стране традиционно относились, благодаря стараниям все той же прессы, с определенной долей скептицизма. И даже те две глобальные катастрофы, что пережиты нами за последнее столетие, о планировании которых мы были извещены заранее, не настораживают и не вразумляют нас. Сила, о которой я говорю и которую Тихомиров называет «всесильной рукой», существует. Она хорошо организована и материально обеспечена. С ее представителями мне доводилось участвовать в дискуссиях, слышать озлобленное охаивание русского народа, уверения, что они развалят «эту страну».

Православная Церковь — последний существующий скреп русской державности. Внутри ее много назревших проблем, но это не должно застилать от нашего взора главного — за счет ее существования мы имеем возможность ощущать свою «землю обетованную» — Россию. Другой земли, другого государства для нас и наших детей, внуков, правнуков не существует. Это понимание необходимо бережно хранить в отзывчивом вселенском русском православном сердце.

Закончить же эту мысль хочу словами еще одного русского философа, нашего современника М.В. Назарова, который в статье «Смысл истории и тайна России» (1998) написал: «Если человечество будет и далее скользить вниз, то конец истории «близ есть, при дверях». Потому что Господь может продлить историю, лишь если только будет ради кого. Хочется верить, что Он это делает сейчас именно ради миссии России, которую предстоит выполнить тому «остатку» русского народа, верному Православию, который накапливается в ходе поляризации российского общества».

И далее автор делает такой вывод: «В XX веке православная Россия оказалась распята, но не побеждена духовно. Русский народ с безмерным терпением перенес от мира такие испытания, какие ни один европейский народ не выдержал бы. После векового атеизма эти страдания и терпение, конечно, далеко не всеми осознаются религиозно, но совесть и обычаи народа все же во многом сохранили христианскую основу. Это делает его непригодным для капиталистических реформ. Русское сопротивление этим реформам — невиданное для других посткоммунистических стран явление. Как и то, в каких условиях оно проходит: ...в нищете... при разлагающем давлении демократических СМИ... Именно на этом фоне... можно сказать, что «чудо русской истории продолжается».

От себя добавим, что мы верим и в чудо русского возрождения.

Русские СУДЬБЫ

Николай ДЕНИСОВ

ПРЕДСКАЗАНИЕ*

Денисов Николай Васильевич — родился в 1943 году в селе Окунево Тюменской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг прозы и поэзии. Почетный гражданин Бердюжского района Тюменской области. Лауреат Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, главный редактор газеты «Тюмень литературная». Председатель Тюменского регионального отделения Союза писателей России. **Живет в Тюмени.**

* Литературная запись автора.

Свой рассказ о невероятных моментах в моей жизни, когда, кажется, я стоял на краю неминуемой гибели и счастливо избежал ее, я хочу посвятить памяти моего старшего брата Иоанна (Максимовича) архиепископа Шанхайского, затем Западно-Европейского, а в конце его земной жизни — Западно-Американского и Сан-Францисского.

Георгий Максимович

Помню точно: было начало апреля 1941 года. В отделении общей полиции города Белграда, где я к той поре работал, мне дали приказ сделать обыск в доме, в котором предполагали найти шпионский материал. В компании нескольких сыщиков, согласно предписанию, я поехал в ближний от столицы Югославии городок Земун. Взяв понятых, мы пошли по адресу. На мой звонок — в дверях возник высокий господин, который, выслушав меня, надменно ответил:

— Я начальник организации «Сокол» и никто не имеет права делать обыск в моем доме!

Решительно оттолкнув хозяина, мы вошли в дом, оставив нескольких сыщиков для наружного наблюдения. Решительности мне придавало то, что в полиции было известно о немецком происхождении хозяина этого дома, переменившего фамилию на югословенскую. Собственно, не «войдя», а вломившись стремительно в жилище, я толкнул в прихожей первую попавшуюся под руку дверь и в комнате, обставленной хорошей мебелью, книжными шкафами, я увидел молодую женщину, дочь хозяина, читающую какое-то письмо. Мгновенно перехватил руку женщины:

— От кого письмо?

— От моего жениха!

Да, письмо было от женщины, как выяснилось, от офицера авиации из Словении, полное секретных военных сведений.

В комнате женщины мы нашли много фотографий военных построек, другие секретные материалы. И я арестовал женщину, как выяснилось потом в отделении полиции, работавшую на немецкую разведку. Началось следствие.

В воскресенье, 6 апреля 1941 года, рано утром немецкие самолеты начали бомбардировать Белград. Для всех — полная неожиданность! Для армии — тоже. Воздушные атаки повторялись одна за другой. Бомбили военное министерство, казармы, управление полиции, тюрьмы, железнодорожную станцию, базары и другие объекты. Хаос во всем городе. В этой суматохе кто-то выпустил арестованных и шпионку, задержанная мной несколько дней назад, скрылась.

После пяти дней частичных сопротивлений национальной армии — Югославия капитулировала. Немцы оккупировали большую часть страны, другие части достались Италии, Болгарии, Венгрии. В западной местности, где жило много хорватов, образовали «Независимую Хорватию» с тоталитарным правительством. Черногория была объявлена тоже независимой, но фактически оккупирована итальянцами. В Сербии создали правительство, подчиненное Германии, с сербским генералом Недичем во главе.

Первый приказ немецкой оккупационной власти гласил, что все евреи, проживающие в Белграде, должны зарегистрироваться в комендатуре и в канцеляриях местной полиции, и что неисполнение приказа будет караться смертной казнью.

Следом «посыпались» другие грозные приказы. Один из них предписывал всем служащим учреждений, которые занимались поддержанием порядка и безопасности в стране, вернуться на свои рабочие места.

Других дел у меня не было, и я вернулся в управление сербской полиции Белграда. Да, теперь город из столицы растерзанной на части Югославии превратился в столицу Сербии.

Вскоре я встретил на улице сыщика, который был раньше моим подчиненным и присутствовал при аресте той злополучной женщины-шпионки. Он мне сказал, что она работает теперь секретаршей шефа белградского гестапо. И что его уже в гестапо допрашивали, пристально интересовались и мной. Он солгал немцам, что не знает обо мне ничего, а в тот день он просто случайно оказался при обыске в известном мне доме...

— Поберегитесь, старайтесь избежать встречи с этой секретаршей гестаповской! — сказал мне на прощание бывший подчиненный.

Как-то по службе я должен был ехать пароходом в Панчево — небольшой городок километрах в двадцати от Белграда. На пристани, где пассажиры ждали пароход, я увидел «нашу» шпионку, она стояла недалеко от меня и смотрела на реку. Я быстро отвернулся, тотчас скрылся в толпе. Поехал в Панчево другим пароходом.

После нескольких перемещений по службе — в июле 1941 года я занимал должность заместителя начальника первого участка управления

полиции Белграда. Начальник почти все время болел, так что фактически я исполнял его обязанности. И как-то в мою канцелярию пришла одна госпожа со своей приятельницей — с прошением о разрешении на поездку в Хорватию. Госпожа была сербка, ее приятельница хорватка. В Хорватию, где жили родственники женщины хорватки, поездки были очень ограничены, хлопотать о разрешении приходилось долго и не всегда успешно. Госпожа очень просила за приятельницу. И я пообещал сделать все возможное. И сделал. Помог один мой приятель, он работал в отделении, которое занималось выдачей этих разрешений.

Получив на руки документы, я почему-то надумал сам их отнести и передать женщинам, благо это было недалеко от управления полиции. А честно сказать, дамы были интересны, симпатичны: почему бы и не пообщаться с ними молодому человеку, каковым я и был в ту пору! Женщины очень обрадовались и не знали как меня отблагодарить. Прощаясь, сербка сказала, что была бы очень рада, если бы как-нибудь я зашел навестить ее. Мне это не составило труда и я вновь оказался в гостях. У приятельницы все сложилось благополучно, она уехала к родственникам. И мы приятно поговорили за чашкой чая. В разговорах я обнаружил, что был знаком с братом сербки, который раньше работал в белградской полиции. И что муж ее, офицер, попал в плен к немцам. Потом разговор перешел на другие темы, и мы опять с приятельницей обоюдно выяснили, что оба интересуемся парапсихологическими проблемами, модными уже в те времена среди просвещенной публики.

Женщина задумалась, пытливым взглядом посмотрела на меня, сказала:

— Знаете, а ведь я имею дар предсказывать будущее... Но я пользуюсь этим в очень редких случаях. Родственникам предсказывала, и то не всем... Представьте, если бы я использовала этот свой дар открыто, мне бы ни дали покоя, всем ведь обычно хочется знать, что их ожидает... Для вас, если пожелаете, могу сделать исключение. Но с одним условием, чтобы вы никому об этом не рассказывали...

— Хорошо! — кивнул я. — Согласен.

Мы сидели за столом, над которым, на стене, висела икона Божией Матери.

Женщина встала и прошла в другую комнату. Вернулась с чашкой полной белой фасоли и поставила ее на стол. Затем повернулась к иконе и стала молиться. Молилась очень долго. Закончив, взяла чашку с фасолью, перевернула, рассыпав зерна на столешнице, начала говорить. Сначала она говорила о событиях в моей жизни минувшего и того, «текущего», времени. Слушая, я был удивлен и даже немного испуган: с какой точностью она повествовала о моих самых интимных чувствах и переживаниях, о которых я никогда никому не рассказывал!

Потом она сказала:

— В течение войны Вы будете много раз в очень опасных положениях — на миллиметры от смерти. Но есть один очень близкий Вам человек, который находится далеко отсюда, он днем и ночью молится Богу о Вас, и это спасет Вас от всех опасностей, которые Вам встретятся. Вы не получите ни одной царапины от войны. А когда она кончится, Вы уедете далеко, в страну, которая ни в чем не будет похожа ни на одну из стран, в которых Вы жили раньше. Все будет иначе: климат,

люди, растения, земля. Когда Вы приедете туда, в скором времени получите работу в очень красивом месте и там найдете Ваше новое счастье. В этой стране Вы проживете много лет...

Я внимательно выслушал все, что мне сказала сербка.

Кто этот близкий мне человек, который находится очень далеко и молится обо мне? Ясно, мой старший брат Иоанн, епископ Шанхайский. Уехав из Югославии еще до войны, брат мой служил в православных церквах белоэмигрантской колонии в Китае.

Пророчества сербки тепло разлились в душе: уцелею! А, по правде сказать, я в то время не имел много оптимизма пережить эту войну... Не думал и о переезде в другие страны. Единственно о чем мечтал — это о возможности вернуться в мое первое русское отечество (и непременно под Харьков, в свои родные палестины, где довелось родиться), если бы там произошли большие перемены...

В скором времени, ночью, когда я в районе почтамта переходил главную улицу Белграда (Короля Александра), раздался выстрел. Стрелял немецкий часовой, охранявший почтамт. Поскольку пуля просвистела рядом, понял, что стрелял часовой в меня. Возможно, он вначале окрикнул, чтоб я остановился, но я, занятый своими мыслями, не услышал окрика. Конечно, у меня имелось разрешение свободно ходить по улицам в запретное ночное время, но тут я сам дал промашку... Не дожидаясь второго выстрела, я благополучно свернул за угол и скрылся в темноте...

Проходило важное собрание в Управлении Белграда. Говорил губернатор города Драголюб Йованович. Он сообщил, что по приказу немецких властей будет проводиться контрольная проверка жителей города, чтоб отыскать «сомнительных людей» и евреев, которые сумели укрыться от регистрации, нарушив тем самым немецкий порядок. Он сказал, город будет разделен на части — из нескольких кварталов каждая. И служащий полиции, контролирующий свою часть города, будет лично отвечать за результаты проверки. То есть он должен будет подать письменный рапорт в соответствующий полицейский участок. Затем все сведения поступят для контроля и проверки в Управление города.

Подчеркивая важность и строгость нашей миссии, губернатор привел пример. Одна молодая чиновница Управления приготовила документ для еврейки, своей подруге по гимназии, удостоверяющий, что еврейка вовсе не еврейка, а сербка. И положила на подпись этот документ своему начальнику. Обман был тут же раскрыт. И на следующий день чиновницу расстреляли...

Итак, в день ревизии каждый полицейский участок получил свой план проверки с обозначением определенной части города. Мне достался квартал, где жил начальник сербского правительства генерал Недич. Для «облегчения контроля» в каждый участок прислали по несколько немецких солдат. Таким образом, служащего сопровождал сербский жандарм и один немец-солдат. Получилось так, что немцев на все группы не хватило. И я, выйдя последним с участка, пошел на проверку в сопровождении только сербского жандарма. В одной из квартир дома, соседнего от дома генерала Недича, я нашел семью, которая была явно еврейской. Отец, мать, несколько детей. Этнографический тип еврей-

ской нации был ясно выражен на всех. Ситуация была, конечно, для меня неприятной, надо было тут же принимать решение. И я, терзаясь мыслями, призадумался: как поступить? Попросил показать документы. Все они оказались новенькими, в том числе и свидетельство о бракосочетании родителей, выданное Сербской православной церковью. Но по здешним немецким порядкам крещение в православие не спасало евреев. Они это знали и были испуганы...

Жандарм, который меня сопровождал, понял все и, видя меня в раздумиях, произнес:

— Все-таки они — православные...

Тогда я спросил хозяина квартиры:

— Почему вы живете в этом доме, который так близко от дома шефа правительства? Почему не переедете подальше отсюда?

— Вы же знаете, как трудно найти другую квартиру! — ответил еврей.

Правда, подумал я, кто с риском для собственной жизни будет иметь с ними дело!..

Мы ушли. Все-таки ушли...

Ночью я почти не спал. Что делать? Если напишу в рапорте, что нашел еврейскую семью, ее расстреляют. Если сообщу, что не нашел ничего подозрительного, обман могут раскрыть другие служащие полиции, тогда расстреляют меня и, конечно же, не помилуют и эту еврейскую семью.

Утром решил: будь, что будет! Написал: «Не нашел ничего подозрительного». Рапорт мой вместе с другими отдали по назначению. А я с той поры старался обходить тот «злополучный» дом, где мы вместе с сербским жандармом совершили богоугодное, но очень рискованное дело.

В начале января 1942 года меня перевели из первого участка в отделение при Управлении города, которое занималось контролем за торговлей. Тут служба была поспокойней. И я продержался на ней до мая, то есть до того момента, когда сербское правительство решило сократить количество служащих. Увольняли не сербов. Некоторые русские просили их оставить. Оставляли. А я не просил. Устал, конечно, от двойной игры, постоянно покровительствуя знакомым и белоэмигрантам-соотечественникам. Высшее командование все же находилось в немецких руках, приходилось часто рисковать собственной жизнью, во многих случаях не исполняя, игнорируя приказы немцев.

В ту пору я был разведен, жил одиноким «бобылем» в своей квартире. В доме проживало еще три семьи. Соседи приветливые, радушные. С одной из семей имел я большую дружбу. Мы доверяли друг другу и, чем могли, помогали. Жили трудно, при нехватках того-другого. Но, благо, в городе было спокойно. Белград был далеко от фронтов и еще не подвергался бомбежкам самолетами противников Германии. Не доносили город и партизаны. Борьба разных групп партизан сосредоточивалась в других частях страны.

И все же! Средств на жизнь я не имел. И необходимо было искать работу. К тому ж, безработные должны были пройти спецрегистрацию, а затем могли быть принудительно отправлены на нежелательные трудоемкие работы, схожие с каторжным трудом.

Устроиться в адвокатской канцелярии, как раньше после окончания университета, было почти невозможно. Да и мне хотелось теперь иметь дело, ни с какой политикой не связанное. И вот, благодаря одному из соседей по дому, я получил работу помощником столяра на фабрике, которая делала мебель. Работа оказалась несложной: поднести-отнести. И я остался доволен.

Однажды, в мое отсутствие, ко мне на квартиру пришли люди из гестапо делать обыск. Хотели силой открыть мою дверь. Но вышел из своей квартиры сосед господин Милькович, пригласил гестаповцев к себе, мол, скоро господин Максимович вернется, сам откроет свою квартиру. Тут же усадили гестаповцев за стол, поставили вино, закуски. Пока незваные гости пили, ели, Милькович и его жена, отлично говорившие по-немецки, давали мне самые лестные характеристики, мол, господин Максимович, с немецкой точки зрения, самый хороший и надежный человек!

Выслушав эти на чистейшем немецком языке характеристики, гестаповцы отказались от повторной попытки проникнуть в мою квартиру, сказали, чтоб утром я сам к ним явился.

Мне опять повезло. В библиотеке моей имел я много книг больших неприятелей Гитлера, а кроме того — полку коммунистической литературы, вплоть до «Основ ленинизма» Сталина.

За ночь с помощью добрых моих соседей, в печке их кухни, сжег я всю эту крамольную литературу, кажется, распрощался с «политикой» насовсем.

Утром, подходя к зданию гестапо, я увидел, как мне навстречу идет та знакомая шпионка, секретарша шефа гестапо. Я быстро свернул за угол, нервно закурил, и по другой параллельной улице продолжил свой путь по вызову. Затем в коридоре, против двери канцелярии, где ждал приглашения к следователю, все время настороженно смотрел по сторонам — не появится ли эта злополучная дама...

Допрос вели два человека в форме СС: следователь и переводчик. Рядовые вопросы: как живу, какие планы на будущее? Похоже, меня подозревали в том, что как это я, человек с университетской подготовкой, устроился на фабрику простым рабочим? Другие мысли от их «рядовых» вопросов в тот момент как-то не приходили мне в голову.

А вызывать в гестапо стали если не часто, то периодически. Раз меня спросили о том, почему я не сотрудничаю с ними, с немцами?

— Знаете, я югословенский гражданин и принес присягу. Война не кончилась и я не могу сотрудничать с вами. Если вы найдете, что я делаю что-то против вас... вы находитесь у власти! — ответил я.

Больше мне ни в тот раз, ни после — подобных вопросов в гестапо не задавали.

А на душе было беспокойно. Что предпринять? Пойти в партизаны?! С этим «делом» для меня была полная путаница. Партизан много и все они разделены идеологически. В самой Сербии одни партизаны-четники поддерживали короля и демократический строй, вторые партизаны — коммунисты-титовцы воевали за свои идеи. Третьи и четвертые партизанские группы боролись с нашествниками, а порой и друг с другом. В итоге это была братоубийственная война, противная моей натуре, убеж-

дениям. И я все размышлял: как бы сделать так, чтоб исчезнуть, избавиться от этого постоянного надзора белградского гестапо?!

Немцы набирали людей работать в Германии. Мои технические знания, приобретенные в университете, где я в начале изучал инженерные науки, а потом уж юридические, давали мне возможность получить работу, которая бы обеспечивала существование мне и давала дополнительные средства, чтоб поддержать старых родителей, которые тоже жили в Белграде.

В сентябре 1942-го я подписал контракт с германской фирмой «Сименс». Продав домашние вещи. Передал властям квартиру. Приготовил небольшой багаж, который намеревался взять с собой.

В день, когда я должен был сесть в поезд, на железнодорожной станции мне сообщили, что по распоряжению гестапо мне запрещен выезд из Белграда.

Это «табу» гестаповское длилось целый год. Время от времени меня вызывали к следователю — информировать, чем я занимаюсь.

А мне пришлось снова продолжить работу на фабрике, но теперь не чернорабочим, а предложили дело в канцелярии, то есть «статус» мой как бы повысился.

Поселился я в квартире сестры, где жили и наши престарелые родители.

А война для немцев шла плохо. На всех фронтах.

В августе 1943-го американцы высадились в Италии. И я решил никуда пока не соваться, а ждать развития дальнейших событий.

Но по всему выходило, что в гестапо я был записан на «черной доске». Поскольку один мой приятель, который работал в персональном отделении фабрики, доверительно сообщил мне: из гестапо пришел строго секретный приказ, где было сказано, что с первого января 1944 года я должен идти, точнее, направляюсь на принудительные работы рудокопом на Борский рудник.

Известно было всем в городе, что на руднике ужасающие условия жизни и труда. К тому же, в тех местах орудовали партизаны. Если они убивали одного немецкого солдата, то немцы расстреливали десять рудокопов, порой невинно попадавших под отместку германских властей...

Для себя я твердо решил, что в Борский рудник мне дороги нет! Где выход из горькой ситуации? Первое: я подал в отставку на фабрике. Хотел ехать в Вену или ее окрестности: эти места еще не бомбардировала авиация союзников. Надеялся и на приятелей, которые работали в Австрии. Но выяснилось, что пришел приказ из Германии, запрещающий подписывать договоры на работы в тех «спокойных» местах. Опять выручил один из друзей, работавший в немецкой канцелярии. Он по секрету сообщил, что их главный немецкий начальник любит ликер и самый любимый у него из ликеров — «Понче Крема».

— Раздобудь бутылочку, — сказал мой друг. — Я передам ее начальнику, как бы твой подарок, и вопрос с договором на работу в Вене будет решен!

Я продал кой-какие вещи, купил этот очень дорогой «Понче Крема», передал через друга немецкому начальнику... И получил контракт на работу в Вене. Не без сложностей прошел обязательный врачебный

осмотр, который повторился дважды, но все-таки прошел и это, как казалось мне, искусственное препятствие. Все! Кажется, других осложняющих обстоятельств не должно возникнуть?!

А время и эти немецкие порядки «работали» не в мою пользу. Восемнадцатого декабря 1943 года ожидался транспорт, последний в текущем году, который способен был увезти меня из Белграда и от этого пристального ока гестапо. Но если не попаду на ближайший транспорт, размышлял я, то следующий — из-за новогодних праздников! — будет только во второй половине января 1944 года. О, немецкая пунктуальность!.. А с первого января мне надлежало отправиться на каторжные работы в этот страшный Борский рудник...

Ничего не оставалось, как уповать на благосклонность судьбы, которая до сих пор сама, кажется, без особых усилий с моей стороны, способствовала на моем пути избегать безвыходных ситуаций. Кажется, ну вот — все! Неминуемый арест, немецкий застенок, а из него выход один — гибель. Но чья-то невидимая рука, небесная воля, спасала меня...

Так получилось и в этот раз.

Вернувшись с работы домой, я узнал от отца, что приходил «знакомый» следователь гестапо, приказал немедленно явиться к нему в кабинет. Когда возник я перед следователем, он буквально закричал, хотя на прежних встречах-допросах вел себя со мной достаточно вежливо:

— Так вы надумали обмануть меня? Я послал своего помощника в канцелярию по набору персонала для работы в Германии и он не нашел никакого договора на ваше имя!

— Это ошибка, господин следователь. У меня есть на руках копия этого договора! — ответил я миролюбиво, пытаясь погасить гнев гестаповца.

— Даю вам полчаса... Если в течении этого времени не принесете документ, то знаете, что вас ожидает...

Часы показывали половина девятого вечера. А ровно в девять я подал следователю документ. И гестаповец, отчитав при мне своего помощника-переводчика, пожелал мне «всего лучшего в Германии»...

Ночью наш поезд, в котором я ехал в Вену, остановили на небольшом полустанке, чтоб пропустить вперед другой пассажирский состав. И, к несчастью, он, обогнавший нас, скорый поезд, подорвался на мине. Произошло крушение. Были убитые и много раненых.

В Вену из-за многочасовой стоянки мы добрались только к вечеру 19 декабря. И я, не зная немецкого языка, проблуждал целую ночь в полуосвещенном, незнакомом мне городе. И только поздним утром нашел по адресу знакомую семью, затем с ее помощью отыскал других русских знакомцев и даже старых приятелей. Мне помогли быстро найти работу в одном инженерном предприятии и получить комнату в пансионе близко от центра.

Вену не бомбили. Горожане были почему-то уверены, что их красивый город оставят неповрежденным, чтоб по окончании войны созвать здесь представителей всех воюющих стран на конгресс для заключения мира.

Отношение местных жителей к иностранцем было доброжелательное. Условия работы в фирме «Ротан», куда я устроился, были просто отличные, так что я отдыхал от пережитого. И как-то уж очень успешно осваивал немецкий язык.

Весной сорок четвертого, а точнее, 14 апреля, когда вернулся с работы в свой пансионат, нашел там письмо с приглашением — утром в субботу явиться в местное гестапо. Была страстная неделя по православному календарю и это обстоятельство вносило в мои мысли дополнительную тревогу: никак это «черная» организация немцев не оставит меня без внимания!

В назначенный час я предъявил на пороге венского гестапо свои документы и вызов, получил пропуск с номером, минуя часовых с ручными пулеметами, поднялся по лестнице в назначенный мне кабинет и увидел там господина в штатском пиджаке, сидящего за письменным столом. Он предложил присесть и строго задал несколько вопросов, по которым я понял, что обо мне прислали из Белграда нежелательные для меня документы. Так оно и вышло.

— По сведениям, которые я получил о вас, — сказал следователь, и о вашей предыдущей деятельности, я пришел к заключению, что человек вы подготовленный к серьезной работе. И меня удивляет, что вы уклоняетесь от политической деятельности и как будто прячетесь от нее. Вы сын эмигранта. Знаете, что мы боремся против коммунизма, который поработил ваше отечество, и не сотрудничаете с нами. Почему?

Тут я заметил, что запонки рубашки следователя — с фамильным гербом. И как приливная волна нахлынула на меня, у меня возникло желание открыть наконец душу, сказать правду этому человеку. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Мой отец был выборным предводителем дворянства Изюмского уезда Харьковской губернии. Он учил меня говорить правду или не говорить ничего. Прежде чем бороться против чего-нибудь, нужно знать — за что? Пожалуйста, ответьте мне сначала на этот вопрос и тогда я Вам отвечу совершенно откровенно.

— Мы боремся за новую Европу и за новый порядок! — сказал следователь.

Тогда я сказал:

— В этой новой Европе с новым порядком, если бы я приехал не из Югославии с сербским паспортом, а прямо из моего отечества, где родился, то должен был бы иметь нашивку на моей одежде с тремя буквами «ОСТ», то есть человек с востока, который считался бы человеком более низшей расы и был бы ограничен в правах... Так Вы думаете, что я могу бороться за этот новый порядок?

Сказав это, я вдруг пожалел о своей откровенности. Теперь ясно, что ожидает меня...

Наступило молчание, которое показалось мне очень продолжительным. Следователь пристально посмотрел на меня и неожиданно доверительно произнес:

— Наша политика в России на неправильном пути. Но я надеюсь, что она вскорости изменится и тогда мы сможем опять об этом поговорить. А пока... Вы здесь имеете хорошего друга. Если Вы будете иметь какие-нибудь неприятности, приходите ко мне и я Вам помогу во всем... У меня большая библиотека, она к Вашим услугам. В любой день можете взять книги для чтения...

Следователь подписал пропуск на выход, проводил меня до двери кабинета и простился со мной как со своим большим другом.

Шло время. Течение войны продолжалось своим чередом — к капитуляции Германии. Порой вспоминался мне этот дружелюбный человек из гестапо, но все же большого желания вновь встречаться с ним у меня как-то не возникало. Конечно, думал о нем с благодарностью — какое счастье, что «дело» мое попало в его руки!

В мае 1944-го американцы начали бомбардировать Вену. Сначала бомбили фабрики вокруг города, затем и центр. Первые бомбардировки были днем, начались и по ночам. Мне удалось сменить место проживания, перебраться из центра, который чаще бомбили, в пятиэтажный пансионат поближе к предприятию, где работал. Но и тут доставала нас бомбежка.

Однажды ночью вместе с другими жителями нашего дома спустился я в подвал-бомбоубежище, который, впрочем, крепкой защиты из себя не представлял. Любое прямое попадание бомбы смогло бы немедленно похоронить всех спасавшихся в этом неглубоком подвале, окна которого находились на уровне тротуара...

И вдруг сильный взрыв раздался совсем близко. Наше здание вздрогнуло, освещение потухло, подвал наполнился пылью. Казалось, что стены дома рушатся и мы вот-вот будем погребены... Но вспыхнул огонек чьей-то ручной лампы, который увлек нас в узкий проход под соседнее здание, в подвале которого мы дождались конца бомбардировки, она стихла уже при свете утра. Мы благополучно вышли наверх и увидели, что наш дом целехоньким, без единой царапины от осколков бомб, возвышается среди груды окрестных развалин. Но возле нашего уцелевшего дома, как раз напротив подвального окна, где я находился ночью, лежала огромная, не менее двух метров длиной, неразорвавшаяся бомба.

Пиротехники обезвредили и вывезли эту бомбу только на следующий день...

Во второй половине сентября 1944 года на наше предприятие пришли два чиновника из Государственного бюро работ, предложили всем служащим иностранцам подписать заранее заготовленный документ. Запомнил дословно содержание этого документа: «Я, такой-то служащий, желаю нашему вождю Гитлеру и вооруженным силам Германии победы над всеми врагами рейха, поэтому я готов работать в любой части Германии, где нужна моя помощь, чтобы достигнуть этой победы».

Все наши служащие иностранцы подписывали документ, не заглядывая даже в его содержание. Но я прочел и сказал чиновнику:

— Не подпишу эту декларацию!

— Почему? — насторожился чиновник.

— Мне хорошо здесь и ни в какое другое место не желаю...

Немец посмотрел на меня, как на врага, и сказал:

— Что ж, вы вправе не подписывать, но все равно Государственное бюро работ имеет свое право послать вас работать туда, куда посчитает нужным!

Нашелся еще один «бунтовщик», украинец из Польши, который тоже не подписал заявление-обязательство. А вскоре пришел приказ

из бюро работ: меня и того украинца — уволить! Шеф нашего предприятия приказание исполнил, смягчив его хорошей рекомендацией, в которой была строчка о том, что «предприятие отпускает меня из-за реорганизации свыше».

О, этот строгий «немецкий порядок». На все последующие предложения о работе, а они были, требовалось получить соответствующее одобрение из Государственного бюро работ. Оттуда приходили только отрицательные ответы.

Как выжить, не голодая? Иностранные рабочие и служащие получали карточки для покупки пищи через предприятие, на котором работали. И — не иначе!..

Но, конечно ж, немецкий порядок, служащие этого порядка, строго держа нас под присмотром, по-своему заботились о нас. И я вскоре получил предписания от бюро — явится в фирму «Сименс» на рабочую должность. «В случае неисполнения, — предупреждалось в предписании, — я буду наказан денежным штрафом или арестом!»

Директор фирмы встретил меня любезно и сказал:

— Работа, на которую Вас пошлют, не для Вас. Вы должны трудиться в лагере на постройках. Что я могу для Вас сделать для облегчения положения? Поедете в лагерь в сопровождении нашего инженера, который постарается организовать Вашу жизнь в лагере более сносной.

Мы прибыли на станцию Берг — в шестидесяти километрах от Вены. Лагерь был огражден забором из колючей проволоки. Вооруженная охрана — при пулеметах — у всех входов и выходов. Вблизи находился городок Энгергау, расположенный на живописном берегу Дуная, на другом берегу — столица Словакии Братислава.

Инженер устроил меня в комнате для пяти человек. В ней уже находились — русский телефонист из СССР, словак механик, француз и немец из Саксонии. Указали и мое место — железная кровать возле окна... Но, как особую привилегию, отличавшую меня от товарищей по этому несчастному лагерю, я получил карточки для еды в немецком ресторане, где пища была лучше, чем в обычном котлопункте для иностранцев.

Тут же, за колючей лагерной проволокой, находились канцелярия по работам, жилища начальников и специалистов, в большинстве из немцев, далее — бараки, в которых жили три тысячи рабочих из СССР, двести военнопленных французов, двести бывших партизан из Югославии, некоторое количество чехов, словаков, бельгийцев и пятьсот военнопленных Красной Армии. Последних содержали в особой зоне, которая находилась в центре лагеря, была окружена дополнительным забором из колючей проволоки, с высокими дощатыми башнями по всем сторонам, где постоянно дежурили солдаты с пулеметами.

Невоеннопленные в свободное от работ время могли выходить по своим надобностям из лагеря, но в девять вечера строго и непременно находиться на месте. Разрешалось ездить в ближние городки, селения и в железнодорожных поездах — с документом-пропуском, подписанным нашим начальством. Но условия работ были одинаковы — для всех.

Мы строили корпуса для большой фабрики. Все время находились под открытым небом. Холод при недостаточном питании пробирал до кос-

тей. К тому ж, обувь моя совсем поизносилась, часто в ней хлюпала вода. Достать приличные ботинки, хотя бы на черной бирже, не удавалось.

И все же эта лагерное существование оставило в моей жизни много ценных и глубоких воспоминаний и увеличило мой жизненный опыт. Я говорил почти на всех языках, на которых говорили в лагере, часто был переводчиком по производственным делам и в частных разговорах. Также познакомился со многими людьми из разных стран, в том числе и с земляками из моей первой отчизны. Мы дружили, говорили обо всем. Это были откровенные беседы людей, находящихся в одинаковом положении: мы не знали, что с нами будет завтра. От соотечественников я узнавал правду о жизни в моей далекой и близкой сердцу отчизне. Некоторые их откровения глубоко врезались в память и я не забуду их никогда. Конечно, в этом лагере я пережил несколько опасных моментов, после чего всяких раз вспоминал предсказательницу и ее слова о моем будущем...

В декабре наступила более холодная эпоха. Падал снег. Задували пронзительные ветра. Не было настоящего согрева и после возвращения с работ в нашу забюкую комнату. Семь килограммов угля, что с немецкой аккуратностью строго отпускались нам на неделю, едва хватало для отопления на один день. Мы, жильцы комнаты, договорились, что каждый из нас должен приносить какой-нибудь материал для топки. По очереди. Но для меня, например, было легче достать деревянный материал для постройки, чем раздобыть пару щепок для нашей печурки. Да и при входе в лагерь стража обыскивала всех рабочих, если вдруг возникало подозрение о нарушении приказа — ничего деревянного в лагерь не проносить! Если обнаруживали, что человек несет маленький кусок дерева, его просто отбирали, за большой кусок полена или плахи отправляли в более строгие лагеря.

Что делал я? Когда возвращался с работы с куском дерева, то подходил к лагерю далеко от входных ворот. Обычно приближался в темноте к тому месту забора, за которым жили пленные французы, бросал кусок дерева через забор. Потом направлялся к входным воротам. Часов в десять вечера, когда в лагере все спали, шел к французам, которых почти не охраняли, и где я имел много друзей. Приносил кусочек дерева в нашу комнату...

Однажды, возвращаясь в лагерь, заметил толстое бревно метра два длиной. Взял бревно на плечо, пошел обычным путем. Падал снег. Когда подходил к лагерю, взошла луна. Часовой у входных ворот, увидев меня при такой поклаже, крикнул: «Хальт!». Я остановился, положил бревно на землю. Часовой, вскинув винтовку, шел навстречу...

Почему-то вспомнились в те не лучшие в жизни мгновения слова моего профессора психологии на курсе криминалистики: «Большое оскорбление, — говорил профессор, — сказать кому-нибудь — «вор». Но, поверьте, почти нет людей, которые бы в течение своей жизни не украли что-нибудь, хотя бы в детстве!»... Но я, припоминая всю мою жизнь с детского возраста, не находил у себя такого случая. Детьми мы играли в «воров» в имении папы и через окно влезали в кухню, когда нас никто не видел, и брали какую-нибудь пищу. Но то была игра. Мы ведь могли войти через дверь и сделать то же самое...

А теперь? С точки зрения немецких законов — это кража. Мои сожители и сам я оправдывали такую кражу. Немцы разрушили наши отечества, нарушили нормальный курс наших жизней, и мы должны защищать себя физически, как можем...

Часовой приближался. Подойдя ко мне, не опуская оружия, направленное мне в грудь, он спросил:

— Что это?

— Дерево! — ответил я.

— Возьми его и следуй за мной! — приказал немец.

Когда мы вошли в ворота лагеря, часовой встал в свою будку и опять спросил:

— Где ты живешь?

— В бараке номер двадцать три...

Часовой как бы поразмышлял какие-то мгновения, надвинул плотней каску, кивнул меланхолично:

— Хорошо. Можешь идти!

Я поднял бревно на плечо и так с ним прошествовал через всю территорию лагеря. Мои сожители были удивлены. Когда я рассказал все в подробностях, не могли поверить невероятному.

Мы распилили бревно на части, довольные, рассовали их под наши кровати. Но я почти не сомкнул за ночь глаз. Должны же вот-вот прийти в нашу комнату немцы с проверкой, с обыском. И меня арестуют!..

Опять все закончилось благополучно.

Когда представлялась возможность, я навещал моего брата Константина с женой и детьми, родителей и сестру, которые жили в Штрасхофе — городок в двадцати четырех километрах на север от Вены. В этот раз, в начале марта 1945-го, я решил сначала поехать в Вену, пойти на обедню в русскую православную церковь, а потом добираться к родственникам в Штрасхоф. Так и поступил. После церкви я пошел в направлении северного вокзала. Погода была пасмурная. Стояла легкая оттепель. Небо, затянутое облаками, не предвещало авианалетов англичан или американцев. Но вдруг раздался сигнал воздушной тревоги и находящиеся на улице люди поспешили в укрытия. Некоторые бежали под стены и крышу литовской католической церкви. А я спустился в подвал ближайшего от меня дома, который в короткое время заполнился народом. Я устроился возле подвального оконца. Около меня притиснулись три немецких солдата.

Американские самолеты, которые обычно бросали бомбы с большой высоты, на этот раз спустились ниже облаков, нацеливаясь на точное бомбометание. Самолетов было много и грохот от начавшейся бомбардировки был страшен. В этот грохот «вплеталась» стрельба зенитных орудий и земля под ногами буквально ходила ходуном.

Вдруг один из самолетов возник над нами, то есть в проеме подвального окна, очень близко, бросил одну бомбу, потом, приближаясь, бросил вторую... Немецкие солдаты, что стояли около меня, занервничали:

— Третья бомба для нас! Американцы всегда бросают три бомбы, поочередно — одну за другой...

Сказав это, солдаты перекрестились и сели на пол, явно в ожидании смерти. Их слова, как молния, быстро разнеслись по всему убежи-

щу. Наступило общее молчание. Примолкли и те, которые плакали или молились...

И опять я вспомнил предсказательницу моей судьбы и подумал: «Теперь, кажется, она ошиблась!..»

Самолет с ужасающим ревом моторов пронесся над домом, но ожидаемого взрыва над головой не последовало. Один солдат, поднимаясь с пола и всматриваясь в проем окна, облегченно сказал:

— Повидимому, испортился аппарат, который бросает бомбы!

Когда я — к четырем часам пополудни, до этого часа продолжалась бомбардировка города — вышел из убежища, все дома и строения вокруг «нашего» уцелевшего дома лежали в руинах.

До сих пор кажется нелепой, неуместной — эта некая радость, проникающая в твоё существо, когда ты вдруг осознаешь явственно — на фоне всеобщего разгрома вокруг! — продолжение жизни, а не мрак гибели, только-только пронесшийся над тобой, над твоей головой...

В убежище, в неминуемых тревогах за свою жизнь, я успел познакомиться с земляком из Харькова, адвокатом, то есть человеком близким мне по профессии, и мы, не сговариваясь, пошли рядом по улицам, объятых дымами и огнями горевших деревянных строений. Там и там, под надзором немецких солдат, работали советские военнопленные, расчищая от руин улицы. Когда мы добрались до северного вокзала, оказалось, что все ближние к вокзалу железнодорожные пути разрушены, и чтобы мне сесть на поезд, идущий в Штрасхоф, нужно прошагать еще несколько километров до пригородной станции вдоль разбомбленного и взрытого воронками от разорвавшихся бомб железнодорожного полотна. На этом «перекрестке» мы и расстались с земляком, как бы еще раз подтвердив старинную и расхожую мысль: «Тесен мир!» Невзирая ни на что — тесен...

В лагере нашем рабочие всех национальностей, военнопленные французы, пленные югославские партизаны, имели к услугам неплохую амбулаторию с медицинским персоналом и аптекой. И только пленные красноармейцы никакой медицинской помощи не имели. А мы видели — нередко присылали русских пленных с открытыми ранами, больных, истощенных. Но никто их не лечил. Совсем неспособных к работам, куда-то увозили, обратно они не возвращались никогда. И часто можно было видеть, когда пленные красноармейцы, поддерживая своих больных товарищей, чтоб не оставлять их на верную гибель в лагере, вели на работы. Как уж там они «трудились» на стройке и других земляных работах, не знаю. Но зрелища этих шествий под дулами винтовок стражников были печальные, слезные...

Конечно, мы знали, что все военнопленные, кроме красноармейцев, находились под покровительством Международного Красного Креста. Они получали от этой гуманитарной организации пакеты с американскими папиросами, шоколадом, кофе и другими продуктами, о которых сами немцы только могли мечтать.

Известно нам было и то, что Сталин и советское правительство отказались от покровительства Международного Красного Креста. Ходили разговоры о том, что якобы Сталин заявил на запрос этой организации о предоставлении помощи советским военнопленным, что

«Советский Союз не имеет военнопленных в Германии, а те, которые находятся в лагерях, это изменники своей Родины».

Как бы не охраняли немцы красноармейцев, нам все ж удавалось разговаривать с соотечественниками, узнавать от них шокирующие нас подробности о порядках в Красной Армии. О том, например, что даже раненый красноармеец не должен, не имеет права, попадать в плен, а последней пулей обязан застрелить себя!

Один русский из пленных мне рассказывал, что он два раза сбежал из немецких лагерей, возвращался к своим, сразу его посылали на передовую линию. И он не требовал отдыха, как это бывает в других армиях. Да, он был большой патриот и говорил мне, что при первой же возможности постарается сбежать и в этот раз, расспрашивал меня о всех дорогах и тропинках вокруг лагеря, и где легче проникнуть через проволочные ограждения...

Советский лейтенант Николай Фролов показал мне свою рану на правом плече, которая уже плохо пахла. Я ужаснулся, увидев эту рану, пообещав Николаю во чтобы то ни стало раздобыть лекарства. И раздобыл, хотя делать это было строго запрещено немцами, тем более — помогать красноармейцам.

Через несколько недель Николай показал мне свою рану — залеченную. И сказал:

— Жорж, я тебе очень благодарен, ты спас меня. Никогда тебя не забуду!

Добывал я лекарства и для других русских пленных. И однажды, при передаче пакета с этими лекарствами, был застигнут стражником в форме СС. Направив на меня оружие, эсэсовец сказал:

— Ты разве не знаешь, что передавать что-либо пленным запрещено?

— Да, господин охранник... Но мы имеем врачебную помощь и получаем нужные лекарства, а они — нет. Здесь — только медикаменты...

Немец опустил ружье и сказал:

— Открой пакет!

И стражник, просмотрев содержимое пакета, убедившись, что кроме лекарств в нем действительно ничего не было, посмотрев по сторонам — не наблюдает ли кто за нами из других эсэсовцев, приказал мне отдать пакет пленному и немедленно уходить из запретной зоны.

Не ожидал я этого. Солдат имел хорошее сердце, несмотря на страшную форму.

Шла весна. Снег таял. Вооруженные советские силы шли вперед. Уже была слышна отдаленная орудийная стрельба. Днем летали эскадры американских самолетов, ночью — советские. Никто не бросал бомб ни на лагерь, ни на постройки, что мы возводили для каких-то нужд уже проигравшим войну немцам. Мне казалось, что и американские и советские летчики знали, кто находится в лагере, что постройки далеки до завершения. И что никакой угрозы наступающим армиям союзников они не представляли.

Но всякое ведь могло случиться. Потому мы остерегались налетов авиации. Всем, конечно, в том числе и немцам-стражникам, хотелось уцелеть в конце войны. Недалеко от места наших работ была глубокая пещера, в которой мы скрывались при воздушных тревогах. Там можно

было и хорошенько отдохнуть при продолжительных налетах. Немцы-то не особенно с нами уже церемонились. Порядки в лагере строжили. От нас строго отделяли военнопленных, всякие общения с ними пресекались, а то и карались.

И все же... Мне удалось сойтись с земляком из Харькова — пленным капитаном Николаем Захаровым, с ним раньше мы много и продолжительно разговаривали, вспоминая и наши отчие места, и обменивались мнениями по самым разным событиям. Капитан был умный, толковый человек. И вот он, уловив момент, когда охранники были далеко, подошел ко мне и сказал:

— Не обижусь, если ответишь прямо, что не сможешь исполнить мою просьбу! Понимаю, какому риску ты будешь подвергать себя, если согласишься просьбу исполнить... Но, послушай! В некоторых лагерях, дошли до нас вести, немцы расстреливают пленных, когда не успевают их вывести дальше от наступающих частей Красной Армии... Так вот, нам нужны ножовки резать колючую проволоку. Попытаемся бежать из лагеря, пока не поздно...

Я посмотрел на капитана. И оценил его рискованное доверие ко мне. Слишком уж рискованное! Он понимал это. Но и я понимал — у соотечественников выхода не было. Искали любую возможность спасения.

— Постараюсь. Но твердо обещать не могу. Ты же знаешь, Николай, я простой рабочий, а инструменты только у специалистов, у каждого в своем сундучке под замком...

На том и расстались.

А через несколько дней главный мастер вручил мне длинный список инструментов и сказал, что я должен передать все это «хозяйство» заведующему главного депозита. Сами инструменты были сложены в коробки и погружены на передвижную платформу, стоявшую на рельсах, которые были проложены между нашей стройкой и главным депозитом — где-то с полкилометра протяженностью. Что ж! Остановив по дороге платформу, я прочел список: в одной из коробок были пакеты с ножовками! Я взял один пакет и засунул его под одежду.

Встретил сам заведующий:

— Все на месте?

— Я не проверял. Если хотите проверить, вот список. И вот сами инструменты! — стараясь не выдать волнение, ответил я.

Он машинально подписал весь список.

Каждый день, отправляясь на работы, я прятал эти ножовки под ватный бушлат, но Захаров не встречался. Иногда мы видели пленных красноармейцев издали, но всякий раз подойти к ним, охраняемыми вооруженными эсэсовцами, не удавалось.

И вот такая возможность как будто бы представлялась. Увидев земляка, шедшего навстречу, я переложил пакет с ножовками в левый рукав бушлата и подумал, что — да! — это единственная, пожалуй, возможность помочь Захарову и его товарищам, другого такого момента может не случиться.

Захаров продолжал двигаться мне навстречу. И наши пути перекрещивались. Метрах в десяти от меня маячил солдат с ружьем, наблюдая за пленными. Но не за мной же! И я увидел, что, когда мы встретимся с

Захаровым, между нами будет канал из цемента глубиной до тридцати сантиметров. И вдруг пришла ко мне замечательная мысль, и мой друг, похоже, почувствовал ее телепатически и понял эту мысль. Всем было хорошо известно, что стража допускала дать советскому военнопленному папиросу. И Захаров, приближаясь ко мне, протянул просительно руку — жест понятный и некурящему: «Дайте папироску!». Я раскрыл портсигар и легким расчетливым толчком пальца уронил одну папироску в канал. Нагнулись мы одновременно. И в канале движением кисти левой руки я вынул пакет ножевок из левого рукава своего верного бушлата-тужурки. Николай мгновенно перехватил пакет ножевок и засунул в левый рукав своей шинели. Правой рукой он поднял папиросу. Когда мы распрямились, он держал папиросу у губ, жестом прося ее зажечь, мол, «позволь огоньку». Я вынул коробку и чиркнул спичку. Он благодарно кивнул, пустив струйку дыма. И мы молча разошлись.

Шел я медленно, не оборачиваясь. В сознании стояла теперь только одна дума: «А если солдат заметил мое «общение» с военнопленным, а потом обыскал его?.. И тогда солдат вправе выстрелить мне в спину!»

Несколько дней, как ни старался я найти возможность приблизиться к пленным красноармейцам, ничего не выходило. Не было слышно и о каких-то побегах из лагеря. Такое бы событие получило, конечно, громкую огласку. И вот однажды, меня тихонько окликнул знакомый голос. Захаров! Николай! Не останавливаясь, проходя торопливо, он отчетливо сказал:

— Все нормально!

Хорошо, стало быть. Задуманное получалось у моих друзей. А порядки-то в лагере все ожесточались. Немцы нервничали. Советские армии приближались. Канонада боев гремела днем и ночью. Я понимал, что пленные красноармейцы надеются на скорое освобождение, и не удивился, когда во время работ на стройке ко мне подошел еще один знакомый из красноармейцев. Охранников близко не было. И мой приятель говорил «открытым текстом»:

— Георгий, у нас есть люди, которые знают немецкий язык. Когда ты покупаешь газеты для себя, купи и для нас. Прячь их в каком-нибудь месте, при случае сообщи — где...

Конечно, и в немецких газетах, и при военной цензуре, можно было почерпнуть информацию о том, как идет война, какая обстановка в мире и в ближних пределах. И я делал все, как просили меня русские соотечественники. Соблюдая крайнюю осторожность, естественно. Однажды пренебрег этой осторожностью. И тут же поплатился.

Увидев одного из русских пленных, который шел мне навстречу, решил просто передать ему газету. Едва он, пленный, протянул руку, как к моей груди приставили ствол ружья. Солдат СС уже держал палец на спусковом крючке. Солдат сказал:

— Тебе разве не известно, что запрещено давать газеты пленным?!

Собрав все спокойствие в груди, я попытался разыграть и наивного, и в то же время сердобольного человека, стараясь вызвать у стражника сочувствие, как мне однажды удалось при проносе бревна для топки нашей печурки:

— Да, конечно... Но вы же знаете, что мы получаем папиросы, а они не получают. Из старых газет и сухой травы они делают себе сигарки... Посмотрите на число газеты, она же старая!

Играл я на последнюю карту. Если эсэсовец присмотрится и увидит, что число на газете сегодняшнее... Да, я в наглую играл ва-банк. И, похоже, выигрывал! Решительно вырвал газету из рук пленного, развернул ее перед эсэсовцем:

— Видите! Совсем старый номер!

В немецкой армии не было неграмотных солдат. И я до сих пор не знаю, что «увидел» в развернутой перед ним венской «Цайтунг» эсэсовец, запомнил лишь его глухой и успокоенный голос:

— Да, если газета старая, можешь дать ее пленному!

Немецкий солдат строго держался установленного порядка: старую этим порядком — разрешалось!..

О, предсказательница моей судьбы!

Телефонист из СССР, что жил в нашей комнате, сказал мне:

— Начали сжигать евреев.

Еврейский лагерь находился неподалеку. И мы иногда видели бедага, когда их вели колонной на строительство. Под ружьями. Всегда они работали отдельно и на большом расстоянии от нас. Худые, в невообразимых лохмотьях. Они тоже, как красноармейцы, везли своих больных на работы. Близко к лагерю евреев стражники немецкие никого не подпускали.

— Как жгут евреев? Откуда тебе известно?

— Я был на фронте, — продолжал телефонист, — хорошо запомнил запах горелого человеческого мяса... А тут я недавно тянул провод неподалеку от еврейского лагеря... Сжигают в печах. Может, на кострах? Но точно — пахло горелым человеческим мясом...

Утром, выйдя из нашего барака, я заметил большое движение в лагере советских военнопленных. Вооруженные охранники строили пленных в колонны и, похоже, собирались их куда-то увести. Я подошел к проволочному забору, чтоб попрощаться с соотечественниками. Знакомые махали мне рукой, некоторые, покинув строй, подходили к забору. И немцы, орудуя прикладами ружей, загоняли их обратно в колонны. В какой-то момент я увидел красноармейца, для которого достал лекарство, и крикнул ему:

— Сейчас я принесу твои снадобья!

— Уже не успеешь! — раздалось в ответ.

Но я все же побежал в барак, ринулся в свое утлое жилище, схватил посудину, где хранил медикаменты, нашел нужное для этого земляка. Чтоб убедиться — то ль лекарство понесу больному, развернул бумажную упаковку. Это был порошок. Как так вышло, не пойму, но второпях, при повторном свертывании бумажной упаковки, несколько «порошинок» лекарства попали мне в глаз. И будто огнем обдало слизистую оболочку, веки. Побежал в умывальник, долго плескал водой в лицо. Но жжение не проходило. Глянул в зеркало: глаз пылал краснотой.

Когда выбежал на улицу, зона советских военнопленных была пуста. Расстроился — не успел... Эх, не успел!

В амбулатории врач повторно промыл глаз, дал какие-то капли и сказал, что я не должен ходить на строительство, а лежать непременно

три дня в кровати, затем явиться на осмотр. Получил я от врача и удостоверение временно освобожденного от всяких наружных работ.

Лежал в кровати и думал: «Пленных красноармейцев куда-то отправили в неизвестном направлении! А что будет с нами, с другими (не пленными) лагерниками?.. Конечно, немцы просто так нас не покинут, «почтят» своим вниманием, как требует германский порядок. Его, похоже, немцы будут блюсти до последнего предела?..

И верно, в десять утра лагерное радио оповестило, что все оставшиеся рабочие должны идти на железнодорожную станцию, чтоб ехать в Вену — на сооружение оборонительной линии от наступающих неприятельских войск.

Итак, второго апреля 1945 года я покинул лагерь. Врачебное удостоверение о моей болезни и освобождении «от наружных работ» спасло меня от этих опасных занятий на последней линии немецкого сопротивления — под снарядами и бомбами. Конечно, по прибытию в Вену мне пришлось показать документ сопровождавшему поезд немецкому военному начальнику. И он мне «предписал» быть пока свободным. С этим «пока» я успел съездить к брату в Штрасхоф, а когда вернулся, врач, осмотрев мой глаз, дал освобождение от работы еще на пятнадцать дней.

Эти дни стали решающими в повороте моей судьбы.

Шеф моего брата Константина в железнодорожном управлении, предполагая, что Вена будет занята Красной Армией, посоветовал брату и его семье перебраться в ту часть Германии, которая будет занята американцами, французами или англичанами, мол, это надежнее! Шеф имел запросы из Мюнхена и из Инсбрука о присылке туда специалиста — инженера-электрика, каковым и был мой брат. Так получил он перевод в железнодорожное управление Мюнхена. Оставалось занять особое распоряжение от городского управления. Повезло и здесь. В общий список, нарушив немецкий порядок, включили и мое имя.

Последнюю ночь в Штрасхофе мы не спали. Паковали багаж, чтоб успеть на утренний поезд. Под грохот приближающейся канонады. Под разрывы авиабомб. Они достигали городка со стороны Вены, которую продолжали атаковать самолеты союзников.

Утром мы раздобыли большую тачку-платформу на двух колесах. На ней сначала перевезли на станцию больного отца, затем сделали две перевозки семейного багажа. Под «музыку» отдаленных разрывов и ружейной стрельбы — долго сидели на станции, пока, наконец, не вошли в вагон поезда и не начали наш долгий и опасный путь на запад. Дело в том, что американские самолеты теперь стали нападать и на пассажирские поезда. В таких случаях машинист тормозил состав, пассажиры покидали вагоны, укрывались, где удавалось, от бомб и пулеметного огня. И при благополучном исходе поезд двигался дальше.

На наш поезд американец напал столь неожиданно и стремительно, что никто не успел покинуть вагоны. Несколько пулеметных очередей с неба достигли цели: около десяти человек убитых, масса раненых. Продырявили пули и котел паровоза. Локомотив окутался паром, из пулевых пробоин котла хлестал кипяток. Больше несчастье случилось бы, попади американский летчик в цистерну с бензином, которая была прицеплена впереди первого вагона, к паровозу...

И все ж состав наш тихим ходом (кажется, заменили локомотив) сумел добраться до пригорода Мюнхена, до городка Гарс. Брат получил работу на железнодорожной станции, и мы все, как говорится, перевели дух в спокойной местности. Сам городок и станция находились под покровительством Международного Красного Креста, здесь было много лазаретов для раненых и больных. На крышах домов ярко нарисованы красные кресты, чтоб неприятельские самолеты не бросали бомб. И бомбежек не было.

Начальник станции сказал брату Константину уже при первой встрече:

— Для чего вы будете делать свои инженерные проекты? Не понимаю! Германия войну проиграла. Что дальше будет, неизвестно... Отдыхайте... Гуляйте... А вечером приходите ко мне слушать радио из Лондона и Швейцарии...

Начальник брата был членом нацистской партии, конечно, знал о строжайших запретах слушать радио врагов рейха, но вот опять на моем пути попался хороший человек. О добропорядочности этого человека мы слышали в те дни и от русских соотечественников, что жили в лагере поблизости от станции и подчинялись практически железнодорожному начальнику.

И в этом лагере мне повезло встретить российских земляков. И больше всего обрадовался я тому, что среди них нашелся один молодой человек даже из нашей деревни Адамовки, где родился я и мои братья. Жаль, что мы уже были людьми разных поколений, взглядов на жизнь, на происходящее вокруг. И все же, все же...

Иностранные радиостанции сообщали о больших потерях немцев на всех фронтах. А советские войска уже вели последние бои за Берлин. Тридцатого апреля, сообщило радио, в своем бункере покончили самоубийством Гитлер и его супруга Ева Браун. А второго мая советские войска окончательно заняли столицу поверженного германского рейха.

В нашей местности война практически уже закончилась. Не было уже светомаскировки. Окна домов не затемняли по вечерам, и в ночных улицах зажглось множество фонарей. Лондонское и швейцарское радио сообщали, что остатки немецкого войска под предводительством гросс-адмирала Деница готовы были принять капитуляцию. И мы теперь могли спокойно ложиться спать, не думая о воздушных тревогах и бомбардировках...

Вот, собственно, и закончилась первая часть предсказания той дамы, сербки из Белграда: остался жив и здоров, не имея ни одной царапины от войны.

И я рассказал моим близким об этом предсказании.

* * *

Шестого мая 1945 года было Светлое Воскресение Христово и день Святого Великомученика Георгия Победоносца — мои именины. Какое замечательное совпадение. Мы говорили друг другу «Христос Воскресе», и в нас пробуждались надежды на лучшее будущее.

Получилось так, что впервые за годы войны почти все близкие родственники оказались вместе. Нас собрала под одну крышу небольшая

комната, которую как специалисту дали брату Константину в управлении железной дороги. Таким образом, семейную группу Максимовичей в немецком городке Гарсе составляли: почти слепой наш отец Борис, мать Глафира, сестра Мария с мужем Георгием Любарским, брат Константин, его супруга Ксения, их дети — Борис (11 лет), Вера (8 лет), Татьяна (3 года) и я.

Впервые за годы войны смотрели мы на приютившую нас местность глазами обычных, уставших и настрадавшихся, людей, мечтающих обрести спокойствие и хоть какой-то достаток. Городок Гарс, попавший в американскую зону оккупации Германии, остался почти не тронутым войной, хотя железная дорога была парализована, разбита бомбардировками в последние недели войны. Но глаз радовали невысокие окрестные горы, поросшие лесом, в долинах — обработанные поля. На склонах гор, рассказывали местные, вызревает множество клубники. Сейчас эти склоны уже буйно покрылись зеленью трав и яркими цветами. Привольно паслись молочные стада местных бюргеров. И крестьянские продукты, которые раньше вывозились на продажу по железной дороге, были дешевы и — в изобилии.

Кажется, все располагало к спокойствию и отдыху. И мы «переводили дух», понимая, что долго так продолжаться не может. Наши небольшие «денежные резервы» убывали с приходом нового дня и нужно было думать: как жить завтра?

Когда в Гарсе появились представители американской военной власти, они собрали всех рабочих из Советского Союза в лагере, который находился напротив нашего домика, сообщили им, что скоро будет организован транспорт для отправки на родину. Многие из советских рабочих заявили, что «возвращаться они не хотят!» Американцы разъясняли через переводчиков, что, мол, еще «покойный американский президент Рузвельт обещал Сталину вернуть в СССР всех советских граждан, которых найдут на территории побежденной Германии». Поэтому, кто не хочет вернуться добровольно, будут возвращены силой!

Такой поворот дела тоже «убедил» многих. Лишь две семьи и с ними один молодой парень, оставив у нас свои вещи, ушли из лагеря, скрылись в лесах. По вечерам они приходили «узнать обстановку» и мы, как могли, подкармливали беглецов. Впрочем, и сами американские власти большого рвения не проявляли при исполнении «обещания Рузвельта». Так что наши беглецы, осмелев вскоре, вышли из леса и устроились на жительство на частных квартирах местных горожан.

Жизнь в оккупированной Германии постепенно налаживалась. Константин и я смогли связаться по почте с братом Иоаном, возведенным в Шанхае в сан епископа, и с другим братом Александром, он жил во Франции. От того и от другого мы в течение войны вестей не имели.

Через два месяца, в июле 1945-го, я получил работу в репатриационном и эмиграционном лагере УНРРА, который находился в Функ Казарме в Мюнхене. Служба давала заработок и возможность быть осведомленным об эмиграции в другие страны. Я понимал, что рано или поздно мне и моим родственникам придется воспользоваться этими сведениями, сделать выбор: где, в какой стране, обустроившись на дальнейшее проживание. У меня появилось много новых знакомцев,

приятелей. Теперь все чаще русские соотечественники говорили мне, что хотели бы вернуться домой, но опасаются репрессий по возвращению. Об этом же признавались люди из других восточных стран, ныне занятых советскими войсками. Словом, в этом «деле» была все еще большая сумятица в мыслях людей, оторванных войной от родины, и потому многие просто ждали «у моря погоды». Организация УНРРА давала крышу над головой, пропитание, медицинскую помощь и организовывала транспорты иммигрантов в страны Северной и Южной Америк, в Австралию.

Часто мне думалось о моей второй родине — сербской стороне. Но там утвердил свою власть Иосип Тито и его тоталитарный режим. И я понимал, что в Югославии со временем будет тот же порядок, что и моей первой отчизне.

Представитель Югославии в Мюнхене, мой давнишний знакомый и приятель адвокат Абрамбашич, убеждал меня вернуться в Белград, говорил, что «там сейчас нужны такие люди как я!». Мол, я страдал в течение войны, но всегда оставался тверд в своих принципах и поступках. А это оценит новая власть. Но я сказал Абрамшичу:

— Это правда, что я страдал. И могу вновь многое перенести! Но я не могу отказаться от свободы мысли и свободы высказывать ее. Не смогу жить при тоталитарном режиме. Понимаешь ли ты это, мой друг?..

С осени 1946 года брат Константин получил работу в этом же лагере УНРРА. Правда, организация к этой поре поменяла не только свое название на ИРО, но и развернула активную деятельность по отправке желающих выехать в другие страны. Все пристальней думали об этом и мы, хотелось попасть в США, поскольку понимали и знали, что там, в богатой стране, высокий уровень жизни и больше возможностей получить работу. Но... через год нашей семье предложили неизвестную страну — Венесуэлу. Брат со своим семейством быстро собрался и выехал ближайшим морским транспортом. Родителям нашим не дали визы по состоянию здоровья. И я «пока» решил остаться с ними — продолжить и лечение, и хлопоты по оформлению документов на выезд из Европы.

В августе 1947-го Константин с супругой и тремя детьми переплыли Атлантику, добрались до этой жаркой страны, обосновались в городе Валенсия. Брат быстро получил работу на городской электростанции и со своей стороны предпринял хлопоты о разрешении на въезд в латиноамериканскую страну остальным родственникам.

Но, как говорят, скоро сказка сказывается...

Только через год мы выехали из Мюнхена во французский порт Марсель. Там мы погрузились на пароход «Каиро», наполненный такими же переселенцами, как и мы, и, покачавшись на волнах океана, прибыли в венесуэльский порт Лагваир (по-испански звучит — Ла Гуаира), который обычно принимал почти все транспорты с иммигрантами.

С пристани нас повезли в столицу страны — Каракас. Дивясь незнакомым видам, обозревал я красные склоны гор, чахлую растительность, до желтизны спаленную горячими лучами солнца, лачуги бедняков, сооруженные бог весть из какого строительного материала. Дони-мала и разбитая горная дорога, подбрасывая на ухабинах автомобиля, в кузовах которых нас везли в неизвестность.

И я вспоминал о том, что мне «посулила» предсказательница...

Нас привезли в иммиграционный лагерь «Сарриа», чтоб пройти медицинские осмотры и документально оформить прибытие. Приятно было, что нас ждали, все было организовано четко и разумно. Без задержек большинство получило крышу над головой и пропитание на первое время. Некоторые из русских семей попали затем на жительство в далекую глубинку. А я — уже через несколько дней после приезда в новую страну — получил работу топографом в организации с названием «Хунко Коунтри Клуб» в очень живописном месте, в горах, с видом на море, в девятнадцати километрах от венесуэльской столицы. Конечно, юридические мои знания здесь негодились. Размечал земельные участки под строительство новых домов. Руководящий персонал этой организации говорил по-немецки, так что в отношении «языкового барьера» (венесуэльцы разговаривают на испанском) у меня никаких проблем не возникло. Забегая вперед во времени, скажу, что в октябре 1950-го руководитель работ на Хунко подал в отставку и меня назначили на его место.

Родители и сестра с мужем Любарским поселились в Валенсии, в доме, где уже хорошо обустроились брат Константин и его семья.

И вот опять, как говорят, радостное событие! Двадцать девятого июня 1951 года на Хунко приехал мой старший брат архиепископ Западно-Американский и Сан-Франциский, который теперь, послужив в православных церквях Китая, Филиппин и Европы, переехал в Соединенные Штаты Америки. Мы не виделись с 1937 года. И беседовали всю ночь. На следующий день я отвез брата Иоанна в Валенсию, где его ждали наши родители, брат Константин с женой и детьми, наша сестра Мария и ее муж Георгий Любарский.

Какая радость, повторяю, для всех нас, родственников! И не только для нас. Архиепископ Иоанн был очень известным и почитаемым в православном мире иерархом. За ним утвердилась слава подвижника нестигаемого, а пришлось ему в жизни многое перенести, выстоять, в том числе — гонения и зависть недоброжелателей. Он приобрел известность чудотворца и многие его прихожане в тех странах, где он служил, свидетельствовали о том, как с его помощью исцелялись от болезней и недугов.

Несколько дней Иоанн провел в Валенсии, служил в тамошней православной церкви, в храме соседнего городка Маракайя. Ездил и в Каракас, служил там в православных храмах.

Конечно, приезд Иоанна стал большим событием не только в нашем семействе Максимовичей, но и ярким моментом в жизни всей русской колонии в Венесуэле.

Скажу, что архиепископ Иоанн исполнил свое обещание православным прихожанам — вновь приехать в Венесуэлу. И это случилось девятого декабря 1953 года. Я снова встретил его на Хунко. И снова он служил в Валенсии, Маракайе, Баркисименто и Каракасе, где заложил и освятил строительство нового православного храма Святого Николая.

К сожалению, наша мама уже не была с нами. Она умерла в июне 1952 года. И мы погоревали вместе с Иоанном. Очень грустным потом было и прощание нашего отца со своим прославленным старшим

сыном. Оба понимали, что видятся в последний раз. Отец был совсем слабым и через полгода после отъезда Иоанна, двенадцатого июня 1954 года, мы похоронили нашего отца Бориса в венесульской земле...

Но жизнь продолжалась. Кажется, я совсем перестал вспоминать о предсказаниях сербской прорицательницы. Основное, что обещала мне эта женщина, совершилось так, как она и предрекла мне в том неспокойном Белграде — тогда, в самом начале жестокой мировой бойни. Она ведь говорила и о том, что я «получу новое счастье в неведомой мне стране, где окажусь после испытаний грозového времени войны».

Помнилось и это ее пророчество.

И вот я познакомился с одной барышней, когда она на исходе местного календарного лета 1954 года приехала на Хунко отдохнуть в дни своего отпуска в доме знакомых. А дом этот находился как раз напротив канцелярии, где я работал... Было утро двадцать первого августа. Она зашла в канцелярию и попросила разрешения позвонить по телефону. Конечно, я потом понял, размышляя, что у нас с первого того момента возникла обоюдная симпатия. И разговоры по телефону барышни этой были ежедневными. И мы за эти дни познакомились ближе.

Ее звали Мирта, фамилия Бланко Хардин — в переводе на русский язык это означало Белый Сад. Мирта была детским врачом и жила с родителями в Каракасе. Когда я вскоре после отпуска Мирты приехал в Каракас, познакомился и с ее семьей. Наши встречи участились. И семнадцатого февраля 1955 года мы вступили в гражданский брак. А на следующий день в храме Святого Николая на Лос Дос Каминос мы обвенчались. Это был второй мой (после Югославии) брак и в свадебном путешествии на остров Барбодос, куда мы вскоре отправились с Миртой, мне счастливо вспоминалась белградская прорицательница...

К рассказанному остается добавить повествование о некоторых моментах нашей жизни в южно-американском далеке, куда нежданно, а где-то и в самом деле по Высшей воле, занесла нас судьба белоэмигрантов, для которых была утрачена сначала первая — родная, а затем и вторая, приютившая нас Сербия, дружественная русским страна.

В 1956 году родился наш первенец, потом в промежутках нескольких лет появились и остальные дети. У них уже была иная и своя дорога — по жизни...

Благополучно сложилась и судьба племянника, племянниц, детей брата Константина: старший Борис стал инженером-геологом, Вера художницей, Татьяна коммерческой секретаршей. Они основали свои семьи и украсили их своим потомством...

Второго июля 1966 года из США пришла печальная весть о внезапной кончине в семидесятилетнем возрасте брата Иоанна. Большое горе случилось в нашем семействе. Да разве только мы горевали? Повторюсь: для воцерковленных людей всего мира он был глубоко почитаемым служителем православной церкви. Свидетельств тому не мало, в том числе и в книгах, вышедших позднее в разных странах.

Деятельность Блаженного Иоанна в Югославии, в Китае, на Филиппинских островах, в Западной Европе и в США, как писали потом сподвижники архиепископа Иоанна, «оставили глубокий след в сердцах его учеников, его прихожан и тех, кому он помогал в тяжелые моменты их жизни, не зависимо от их вероисповедания, национальности, расы...».

В ноябре 1983 года мы вновь побывали в США, в Сан-Франциско, навестили Дом Святого Тихона Задонского, где жил в последние годы наш брат, посетили вместе с русскими друзьями, проживающими в США, великолепный Кафедральный Собор, под алтарем которого находится усыпальница брата, архиепископа Иоанна. И в который уж раз, стоя в этой усыпальнице, я вспоминал нашу жизнь, начиная с детского возраста. Он всегда был для нас не только старшим братом, но и наставником, помощником и лучшим другом.

Конечно же, его, моего брата, ныне Святого Иоанна, имела ввиду сербская предсказательница, когда говорила мне: «В течение войны Вы будете много раз в очень опасных положениях, на миллиметры от смерти. Но есть один очень близкий Вам человек, который находится очень далеко, но который днем и ночью молится Богу о Вас, и это спасет Вас от всех опасностей, в которых вы будете находиться. Вы не получите ни одной царапины от войны».

Мне хотелось бы послать этой сербской женщине прорицательнице слова глубокого уважения и благодарности, узнать о ней и ее близких. К сожалению, в бурные годы войны и в последующие годы, я забыл ее имя и адрес.

Послесловие

В этой церковной ограде в новом районе Каракаса — свой особый, я бы сказал, неприсущий большому латиноамериканскому городу, простертому среди горных возвышений и долин, русский дух. Даже уже знакомые по неоднократным посещениям церкви, но неизвестные по названию кусты с широкими листьями, напоминающие мощные стебли ухоженной кукурузы, даже эта простая, покрашенная в синий цвет, скамейка — под четой вполне узнаваемых пальм, видятся чуть ли не свойскими, а точнее, веющими уютом и простотой какого-нибудь российского районного, дореволюционно-уездного, как в бунинских теплых повестях, городка.

Это уже знакомая и читателям моим ограда церкви Святого Николая на Лос Дос Каминос.

Хорошо побеленные наружные стены самой церкви, овальные окна с привычной в Каракасе железной обрешеткой — заслон от лихих людей. И, конечно, распахнутые в жару тропического воскресного полдня ворота и — «всевидящее око» над ними. То есть весь синекупольный монолит храма с ведущими сейчас в нем службу — все тем же энергичным отцом Павлом, достаточно ветхим дьячком и мальчиком (кажется, он зовется служкой), занимает основную часть этой ограды. Пахнет зеленью, разогретым асфальтом, выхлопами пробегающих возле церковной ограды автомобилей. Но на эти мелочи, как на несущественное, сознание не реагирует, поскольку опять весь я в уютной атмосфере происходящего в небольшом церковном дворике и внутри храма, где возжигают свечи и пахнет ладаном, а под купол вознесены нарисованные лики святых православных подвижников, среди них, тоже в сияющем нимбе, лик Святого Иоанна Тобольского; попробую отважиться сказать — и моего земляка сибирского.

К месту б сейчас услышать райские трели птах. Но птиц достойных настроения не слышно. Лишь иногда, прокричат попугаи, вороньему лету которых над улицами не перестаю дивиться. И снова тихо. Лишь из церкви доносится характерный голос священника, тягучее «подпевание» дьячка-старичка и негромкие, но выразительные голоса подхватывающих это пение прихожан.

Но прихожан по-прежнему немного. Они, так мне чудится — не очень просвещенному в церковных порядках человеку, приходят-выходят как-то вольно, свободно, достояв или не достояв до конца службы. Дамы в нарядных платьях, мужчины чаще всего в пиджаках и при галстуках, совсем, кажется, не обременяющие их при жаре, этом полдневном пекле, мысли о которых волей-неволей не оставляют меня, хотя тоже тшусь не реагировать на это приэкваторное солнышко-светило...

Выходит из врат старичок-дьячок, дергает веревку, одним концом привязанную за укрепленный в асфальте у стены железный штырь. Другой конец этой простой веревки привязан к языку небольшого колокола, который не звонит в привычном представлении, а, закрепленный к побеленной стене на высоте нескольких метров от земли, глухо исторгает «тупые» звуки, как бы стесненные и притомленные на долгой жаре, что не убывает в этих широтах ни «зимой», ни летом.

По какой надобности ударяет сейчас в этот странный колокол, напоминающий чугунный походный котел, церковный служитель, мне тоже непонятно и неведомо. Да и прихожане, кажется, не на эти глухие звуки реагируют, а на присутствие свежего человека, о котором, конечно, прослышали, что он, «свежий», из России. И опять подходят поздороваться, перемолвиться парой слов, а то и просто представиться — в обоюдном пожимании рук. И я не перестаю внутренне вздрагивать от звучности имен-фамилий, которые слышу в этом немножко грустном, тропическом, но православном сиянии дня: Рудневы, Хитрово, Максимовичи... И еще — другие, менее звучные, не столь осененные русской историей имена-фамилии, не внесенные в скрижали, под переплеты старинных книжных фолиантов, но тоже удобные русскому слуху.

Ведь надо ж так! Мальчик, что помогает вести службу священнику отцу Павлу Волкову, не кто иной, как правнук легендарного русского воина-моряка — Всеволода Федоровича Руднева, командира бесстрашного «Варяга»...

И опять... Попробуй тут «выработать» привычку! Подходит, здоровается — Николай Александрович Хитрово. Мы с ним уже хорошо знакомы и даже просторно беседовали. И все-таки... Со мной «ручается», как сказали бы в моем сибирском селе, потомок того самого Богдана Хитрово — родовитого боярина, основателя не только оружейной палаты в московском Кремле, а известного государственного деятеля. Впрочем, Николай Александрович в родственной линии и с самими — генералиссимусом Суворовым и фельдмаршалом Кутузовым, о чем я повторюсь!

Какие имена! Какие звуки! И все-таки грустно. Как же так все горько приключилось на русской земле в двадцатом веке? Нет, я еще не задаю себе этот вопрос, он возникнет потом, когда покину и эти тропические пределы русского «рассеянья». Потом. При воспоминании.

При размышлениях после всех заграндорог, вернувшись в Россию... Но и теперь, и здесь, как сказал поэт:

*Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто.*

И все щелкаю привычно (включая, выключая) кнопкой диктофона, отвлекаясь на приветствия соотечественников, то и дело прерывающих наш разговор с «ветераном», как я про себя, по-советски, «окрестил» этого человека еще при первой нашей встрече, с Георгием Борисовичем Максимовичем. А он и в самом деле чем-то напоминает наших советских, нередко словоохотливых, стариков-ветеранов. И возрастом (где-то далеко за восемьдесят), и одежкой — простая фланелевая рубашка с длинными рукавами (при жаре-то!), застегнутая на все пуговицы — этак аккуратно и по-стариковски. А голос хоть и с хрипотцой, с этакой скрипучей интонацией, но напористый. Как же, перед тобой бывалый следователь-сыщик! И нет-нет да возразит он железно на мой дополнительный вопрос-сомнение:

— У меня память пока хорошая...как же!

И посетовав, что при этих странствиях по миру, переездах-бегствах, то от красных, то от немцев-фашистов, куда-то запропала-потерялась книга-родословная всех Максимовичей, написанная одним из родственников, точнее — дядей отца Клавдием Корниловичем, который, собеседник подчеркивает, был судьей окружного суда в Риге, подтверждая уточнением, что и, в самом деле, «память, слава Богу, еще не растерял!».

И снова пускается в славную дорогу повествования, но теперь — об истории своего рода, в которой «запросто» соседствуют рядом с именами его достойных предков, фигуры русских царей, государственных и церковных деятелей, писателей, поэтов, где и Пушкин с Боратынским и Дельвигом, и Гоголь с Погодиным присутствуют, то есть имена, которыми была возвышена и славна Россия в ряде веков: от пределов польской Речи Посполитой — до Сибири и императорского Китая.

— При Алексее Михайловиче то было...

И я опять невольно вздрагиваю: да, какие звуки!

— Русская держава продвинулась тогда на запад и род польских шляхтичей Васильковских, их родовое имение в деревне Адамовке — оказалось на территории украинной русской губернии, в тридцати километрах от городка по имени Изюм, в пятнадцати от Славянска...

Основатель нашего рода Максим Васильковский, по его имени и стали мы Максимовичами, имел шесть сыновей. Старший сын, впоследствии митрополит Тобольский и всей Сибири, до монашества носил другое имя. Остальные сыновья были офицерами, служили в казачьих войсках. Один из них — начальником гвардии у гетмана Мазепы. И после Полтавской битвы отступил с разбитым войском шведского короля. Вместе с начальником гвардии Мазепы оказался за границей и другой брат. Наш же прямой предок, а это последний сын Максима Васильковского — Михаил, служил у Петра и принимал участие в Полтавской битве на русской стороне. Потом и беглые братья вернулись в Россию. И царь Петр их простил. И все же отношение к роду Максимовичей у верховной власти осталось прохладное. Например, из-за каких-то трений

с «полудержавным властелином» Меншиковым, вот это официальной истории неизвестно, видный черниговский иерарх Иоанн Максимович был назначен, а точнее отправлен в почетную ссылку в Тобольск, где вскоре стал митрополитом, знаменитым в России и в Сибири церковным и даже государственным деятелем. Он занимался не только миссионерской и просветительской деятельностью на территории Сибири, но и вел церковные и государственные сношения с императором Поднебесной...

Конечно, вы знаете, что похоронен он на территории тобольского кремля, а в 1916 году, в последний год царствования династии Романовых, всероссийски прославлен как Святой Иоанн. Известно, что когда при Сталине вскрывали гробницу Иоанна, мощи его оказались нетленными и благоухали.

— Георгий Борисович, в «Тюмени литературной» я печатал об этом заметку...

— Теперь об архиепископе Иоанне Шанхайском ... Родился Миша, так звали брата в детстве, 4 июня 1896 года. В одиннадцать лет он поступил в Полтавский кадетский корпус. Был, рассказывали старшие, тихим, кротким, религиозным мальчиком, совсем не походил на будущего военного. И в 1914 году, окончив корпус, решил посещать Киевскую Духовную Академию. Но по настоянию наших родителей поступил в университет изучать юридические науки. Закончив университет, а это было в самое тяжкое время — в пору этой революционной смуты в России — Миша все же встал на свой путь, на православный, и был верен ему до кончины...

У бывшего следователя-сыщика добротная, правильная речь, говорит почти без междометий. Как «по-писаному», констатирую и это достоинство...

Хоть и под пальмой толкуем, под широкой кроной, но некстати, кажется, задаю вежливый вопрос:

— Не жарко, Георгий Борисович?

— Да что вы! Давно привык... Знаете, мне почему-то всю жизнь вспоминались слова отца, я их помню и сейчас. А слова, сказанные им в ответ вдове харьковского губернатора летом 1919-го, а может 1920 года. Белая армия отступала, катилась к последнему пределу — Крыму. Вдова губернатора, отец был дружен с этой семьей, позвонила к нам в Адамовку и сказала, что есть место в товарном вагоне, в поезде, идущем на юг. Беженцы ведь буквально штурмовали поезда, попасть на них со скарбом домашним да с малыми детьми было очень трудно. Отец, выслушав заботливую женщину, сказал в телефонную трубку: «Почему я должен бежать? Я ни в чем не провинился перед Россией!»

...Закончилась служба в храме Святого Николая на Лос Дос Каминос. Разошлись и разъехались, опять подчеркну, немногочисленные, «истаивающие год от года русские», как не раз уже слышал я в Каракасе.

Попрощались и мы с собеседником.

Потом меня забрали под «белы руки» и мы поехали в прохладную кинту «Сима», в дом брата отца Павла — Георгия Волкова, в это «тропическое» жилище старого русского кадета, у которого я и продолжал гостевать в Каракасе.

Метрах в двухстах от церковной ограды, я вдруг спохватился, попросил Георгия Григорьевича «тормознуть на минутку», и «мерседес» подрулил к обочине.

— Сфотографирую храм! Тут отличная точка — для съемки!

По-молодецки радуясь этой репортерской удаче, щелкал я кадр за кадром: «точка» и вправду замечательная по всем «статьям» — синеглавый, увенчанный золотистым крестом, русский храм в куще тропических пальм и банановых деревьев-кустов! Когда еще встретится такое диво?!

«Прицеливаясь» в церквушку своим «Зенитом», и не предполагал я, что репортерский этот «зуд» скоро охладят во мне, получасом спустя:

— Коля, а ты крещеный? — спросит Георгий Георгиевич.

— Нет...

— Почему?

Такие вопросы задавали мне и раньше. Но никогда еще не захолодеет так в груди: не крещеный... И «заблудится», опустится долу взгляд, а потом остановится на чем-то постороннем — растерянно. Но человек будет ждать ответа. И отвечу, будто сам виноват в содеянном: к моему рождению обе церкви в нашем селе разрушат безбожники... И что священника в детстве я видел только на картинке в книжке пушкинской: про жадного попа и его сметливого работника Балду... Пионером был, комсомольцем... и в голову не приходило ...

— А хотел бы сейчас креститься? — прямо и в лоб спросит кадет Волков.

— Не знаю... Дайте подумать.

А думалось потом так: они — мы?! Они, вынужденно покинув родину, прибыв к новому пределу, пускали по кругу шапку и по копейке собирали — первым делом! — на строительство церкви. Мы — своими руками, по приказу еврейских комиссаров, рушили тысячелетние храмы. Уподобляясь нашественикам, устраивали в белых храмах капища, конюшни, мастерские, «очаги культуры»...

И теперь? Не новая ль разруха грядет в родных российских весях? Не спокойно что-то там?

Да, по календарю шла середина мая 91-го...

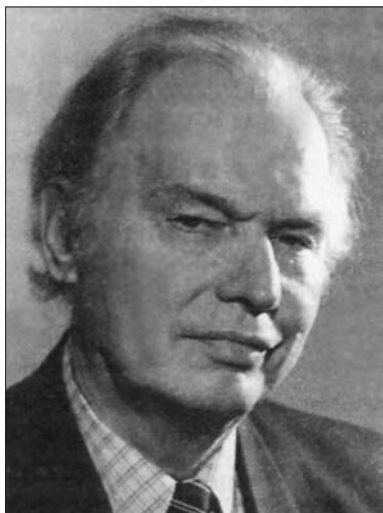
Двадцать девятого мая 1991 года, просвещенный «по всем статьям» отцом Павлом, в храме Святого Николая на Лос Дос Каминос, возведение которого освящал когда-то архиепископ Иоанн (Максимович), принял я этот ритуал — по православному чину.

В какой-то возвышенный миг, рядом с крестными — старым российским кадетом Георгием Волковым и Лидией Рудневой, она из славной варяжской семьи потомков командира героического русского крейсера, шествуя вокруг аналая, я поднял взгляд. С церковного купола, среди других Святых подвижников православия, в сиянии нимба, смотрел и Святитель Иоанн Тобольский и Всея Сибири — дальний предок героя сего повествования.

Казалось — и он благославлял из глубины русских веков.

Конечно, всех нас! И тех, кто дома, и тех, кто далеко-далече от Отечества не утратил веры, выстоял и стяжал крепость духа — в пример живущим: сегодня и всегда.

История и современность

Валерий ГАНИЧЕВ

С НАМИ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Ганичев Валерий Николаевич — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Почему мы победили

Мне посчастливилось знать многих наших прославленных полководцев — исполинов Великой войны. Весь мир обязан им — Жукову, Коневу, Рокоссовскому, Василевскому, Малиновскому, Баграмяну, Чуйкову.

Я встречался с ними, работая директором молодежного издательства «Молодая гвардия». Вопреки постановлению ЦК, требовавшему «сосредоточить всю военную мемуарную литературу в Воениздате», мы печатали воспоминания генералов и адмиралов, солдат и политруков. Конечно, не забывая об основной своей задаче — открывать новые писательские имена. Мы впервые массовым тиражом издали В. Шукшина, В. Распутина, В. Белова, Н. Рубцова, М. Алексеева, И. Стаднюка. Всего выпускали 400 наименований книг общим тиражом 40 миллионов (говорят, теперь «Молодая гвардия» выпускает небольшим тиражом всего несколько книг в год).

Одна из встреч с титаном войны до сих пор стоит у меня в глазах, запечатлелась своей значительностью и смыслом.

...Мне, как директору комсомольского издательства, поручили подготовить приветственный адрес к 70-летию Георгия Жукова. Само высокое комсомольское начальство приветствовать маршала не решилось — бывший военачальник был еще в опале. Правда, его не опасались, как при Сталине,

*Портрет маршала Советского Союза
Г.К. Жукова. 1945. Художник П.Д. Корин*

вряд ли постаревший полководец годился в 70-е годы на роль главы государства, не боялись, как при Хрущеве, тщедушный авторитет которого мерк под сиянием маршальской звезды Георгия Константиновича. Но и в 70-е годы при в общем-то уважительном отношении к воинам Великой Отечественной наверху пытались переписывать ее историю. В лучах Малой земли как-то поблекли Сталинград, Курск, Берлин. Смешно сказать — пока не появилось в книге воспоминаний Г. К. Жукова упоминания о том, как он встретился с полит-

комиссаром 18-й армии (будущим Генеральным секретарем), — власть не переставала смотреть с опаской на опального командующего. Но народная память отнюдь не отдала своего полководца в огранку и шлифовку политическим каменотесам и идеологическим шлифовщикам. Она считала его Георгием Спасителем, поразившим фашистского змия.

Мы приехали на подмосковную дачу в Архангельском после посещения маршала друзьями-военачальниками. Георгий Константинович уже переодевался в домашнюю одежду, но когда адъютант доложил, что пришли комсомольцы, он снова надел мундир с орденами, наглухо застегнул его и вышел в просторную приемную. Пожал руки, зорко просветил внимательным взглядом и указал на стулья. Садимся почему-то на краешек. Он тоже садится, но плотно и как-то скульптурно. Встает Сурен Арутюнян (он отвечал в комсомоле за военно-патриотическую работу), прерывающимся голосом зачитывает наверняка выверенный во многих отделах ЦК партии адрес. Маршал кивает головой в тех местах, где говорится о его участии в различных битвах. Сурен закончил читать. Жуков молчал, как бы ожидая еще каких-то недосказанных слов... Я — от издательства — вручаю книгу отечественной поэзии «О, русская земля!» и впервые собранный в один том «Тихий Дон» Михаила

Шолохова. Глаза Георгия Константиновича оживились, а кончики губ улыбнулись при взгляде на эпическую книгу. «Любимый писатель. Дружу с ним». Потом положил руку на многострадальную поэтическую антологию: «А патриотическая литература нам очень помогала во время войны».

Книгу «О, русская земля!» — за «шовинизм и русофильство» — топтали в прессе, критиковали в агитпропе, обличали в докладах ныне известные демократы. Грозно указывал на отсутствие классовых ориентиров А.Н. Яковлев. А вот великий полководец, оказывается, ценил патриотическую литературу, даже рассматривал ее как «стратегический фактор». Затем была беседа. О генеральном штабе, о перемещениях с фронта на фронт, о немецких генералах, о нашей технике. Я поинтересовался: действительно ли Жуков смещал Ворошилова на Ленинградском фронте так, как описано в «Блокаде» Чаковского. То есть, как новый командующий, прибывший спецрейсом и довольно бесцеремонно попросивший Ворошилова освободить кресло. Жуков хмыкнул: «Ну, писатель там много наворочал. Я летел, конечно, спецрейсом, без приказа о назначении командующим. — И тут же разъяснил эту суровую логику: — Если немцы соьбьют, то только генерала, а не командующего фронтом. А в Ленинграде все тоже было по-другому. Я же не мог Клима пинком выгонять. Он же первый маршал все-таки». Хотелось знать многое, но Георгий Константинович, наверное, уставал, обернулся, ища кого-то взглядом, а я решился задать еще один, возможно, и сакраментальный вопрос:

— Георгий Константинович, все читал, знаю все объяснения из учебников, но скажите, пожалуйста, почему все-таки мы победили?

Сурен и Витя Байбиков, инструктор военного отдела, посмотрели на меня с удивлением и опаской. А Жуков развернулся, снова фундаментально сел и с пониманием кивнул:

— Ну да. Регулярный солдат у них пол-Европы прошел, победы нюхал. Офицеры немецкие — каста военная. Выделялись. Генералы со времен первой мировой стратегию разрабатывали. Мы по учебникам Мольтке, Клаузевица ее изучали. Техника у них первоклассная. В начале войны нашу превосходила.

Маршал поднял голову вверх, что-то вспоминая, и как-то приподнято, даже торжественно закончил:

— Мы победили потому, что у нас был лучший молодой солдат. — И, видя некоторое недоумение на наших лицах, продолжил: — Да, когда война пошла вовсю, когда мельница заработала, все решил молодой, обученный, идеологически подготовленный солдат.

Вспомнились эти безусые мальчишки, мой дядя Боря, который перед уходом на фронт гордо повесил на гимнастерку знач-

ки ГТО, ГСО, Осоавиахима, ВС (ворошиловский стрелок). Он все умел, мой двадцатилетний дядя, как и миллионы его сверстников. Их-то наверняка и имел в виду прославленный маршал, обращая взор к пороховым дымам Москвы, Сталинграда и Ленинграда, тяжелым, смертельно опасным дням тех лет.

С нами Александр Невский

Александр Невский. Средняя часть триптиха «Александр Невский». 1942. Художник П.Д. Корин

Образы истории, герои старой Руси, ее полководцы и ее символы вдруг снова ожили, шагнули в конце 30-х на экраны, обозначились на живописных полотнах, возникли на страницах художественных произведений. И вдруг оказалось, что не только беспросветная темнота, гнусность правителей, беспощадность «дворянской» культуры были характерны для дореволюционной России. Александр Невский, Петр Первый, Александр Суворов, Дмитрий Донской — великие и достойные предки — оказались необходимы обществу, строю, Отечеству. Стало очевидным: народ ждал их нового пришествия, гордился ими. «Неистовые ревнители» революции, ряды которых поределели, ибо многие из них в 30-е годы оказались в тех местах, которые уготовили они в 20-е русской интеллигенции, свя-

ценнослужителям и крестьянству, возроптали, — но не сильно. Здравый смысл подсказывал им, что спасти их от уничтожения фашизмом сможет только русский человек, народы Советского Союза. Они возмущались воскрешением русской истории, но втихомолку, и никто не отважился назвать «этот народ» за его любовь к Отечеству «красно-коричневым», ибо тогда они искали в нем спасенье.

С первых недель войны Сталин и руководство страны ощутили острейшую необходимость в новой стратегии войны, выживания, в новых доктринах. Только удесятирив силу сопротивления, можно было остановить врага. Надо было искать резервы — человеческие и военно-стратегические, надо было взывать к национальным глубинам, доселе неведомым марксизму. Сталин и его окружение (скорее других Щербаков, Молотов, Жданов) поняли, что не может быть и речи о революционной, классовой, пролетарской войне, идет война на собственной территории, и она должна быть осмыслена как **отечественная, народная** — значит, по представлениям народа, священная.

Недаром фактическим гимном стала вдохновляющая народ песня:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою оргой!*

И как заповеди входили в народное сознание ее слова:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.*

Красные дьяволята — неуловимые мстители, планетарные революционеры, мопровцы, коммуно-эровцы отступили на дальний план. Из седых времен вышли и встали рядом со своим народом Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов.

В апреле 1942 года повсюду отмечали 700-летие знаменитой битвы на Чудском озере. В этом, самом суровом, году войны патриотизм стал главной силой и опорой в борьбе, решающим ее фактором. Сталину стало ясно, что войну можно выиграть, лишь объединив народы патриотизмом.

* * *

«Экскурсовод на выставке Павла Корина рассказывал, что пришедший на первую массовую выставку Корина старый, потертый жизнью человек долго стоял перед картиной Павла Дмитриевича и потом поведал ему приблизительно такую историю:

— Во время войны, в перерывах между боями, меня «отзывали» из окопов, чтобы нарисовал какой-нибудь лозунг. В боях под Новгородом меня разыскал в боевых порядках сам дивизионный политрук и приказал немедленно прибыть в штаб дивизии. Я перетрухнул — перед этим в окопах обругал своих командиров.

В штабе пять таких же замызганных окопников с молчаливым нетерпением ждали приказа. Вышел какой-то командир и, хмуро взглянув на бойцов, коротко спросил: «Художники?» Все промолчали. Но он, не переспрашивая, достал из кармана открытку и положил перед нами. «Вот, завтра чтобы к утру нарисовать... Александр Невский». На открытке была знаменитая картина Павла Корина, которую окопным художникам надо было воспроизвести. «Высота десять метров. Краски вон там. Бойцы помогут».

В каком-то полуразрушенном бараке, разогревая на плите краски, мы сколотили подрамник, натянули уже кем-то загрунтованный холст, наметили контуры и всю ночь писали. К утру, разрушив стенку, мы вынесли на обозрение свой труд. Политрук вышел, посмотрел, велел поставить портрет, отошел. Потом подошел к каждому из нас, пожал руку, велел налить по сто граммов. К полудню мы уже были в своих частях, которые выстраивались для движения на Новгород. Надрывно двигались машины, артиллерия, кряхтели танки, а по обочинам устало топала пехота. И вдруг почувствовали, что впереди что-то изменилось: машины ровно загудели, выровнялись танки, четче зашагали пехотинцы. На пригорке, подпертый бревнами, стоял десятиметровый Александр Невский. Наш ротный отдал команду: «Равнение направо. Четче шаг!» И сам поднес руку к каске. Мы прошли мимо сурово глядевшего на нас и опирающегося на меч князя. Ветер бил в лицо, мела поземка, у меня навернулись слезы. У портрета, отдавая честь проходившим, стояли командиры — наверное, никогда они не чувствовали себя так уверенно, как в тот зимний день под сенью Святого благоверного князя.

Гитлер — зловещий русофоб

Навязывая с маниакальной настойчивостью мысль о демоническом характере Советской России и русских, Гитлер мог апеллировать к общественному мнению Германии (если такое все еще существовало) и разнородным западным **великодержавным** (сей термин относится отнюдь не к России), **империалистическим** (а этот придуман отнюдь не Лениным), **антикоммунистическим** (тут была широкая панорама: от представителей крупного капитала, либеральных демократов вплоть до троцкистов и правых социал-демократов, конкретных политиков) и **антирусским** силам (этот фронт складывался на Западе на протяжении нескольких веков

и передавался как эстафета от одного поколения к другому). У Гитлера, конечно, была ненависть к коммунистической идеологии. В немалой степени он ненавидел ее как соперничающую в борьбе за власть над миллионами людей, за то, что она стала господствующей в России. А Россию и русских Гитлер ненавидел патологически. Эта ненависть передавалась в Германии от тевтонских псов-рыцарей, битого Салтыковым Фридриха Великого, от кайзера Вильгельма и немецких генералов, считавших, что после Брестского мира они должны были поглотить Россию, если бы не революция в Германии. Гитлер генетически продолжил эстафету русоненавистничества, а его слова и идеи взяты на вооружение всем сегодняшним антирусским движением, какими бы они ни прикрывались гуманистическими, цивилизаторскими, общечеловеческими, коммерческими лозунгами, словами о правах человека и национальной независимости.

На одном из секретных совещаний Гитлер заявил:

«Надо взять у России все, что нам нужно... нужно разработать технику сокращения чужого населения. Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как насекомые» (Тельпуховский. «Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945 гг.»).

16 июля 1941 года на секретном совещании у Гитлера, где присутствовали Геринг, Борман, Розенберг и Кейтель, был окончательно одобрен план расчленения Советской России и включения в состав Германии Прибалтики, Белоруссии, Украины, Крыма, Кавказа и Поволжья. Первая часть гитлеровского плана была выполнена, правда, через 50 лет.

В «Двенадцати заповедях немцев на Востоке» от 1 июня 1941 года, которые распространяло гитлеровское верховное командование, говорилось: «Вы должны сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные меры, которые требует от вас государство». В записной книжке у убитого немецкого лейтенанта Густава Цигеля были обнаружены слова: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, старик перед тобой или женщина, девочка или мальчик. Убивай...» И они убивали. Убивали и грабили.

«Нужно всегда исходить из того, — говорил Гитлер, — что в первую очередь задача этих народов — обслужить нашу экономику. И поэтому мы должны стремиться извлечь из оккупации русских территорий все, что можно».

Как совпадает это с мыслями нынешних западных цивилизентов, с их устремлениями и практикой!

Вечером 11 марта 1942 года, готовя наступление на Сталинград и Кавказ, Гитлер развернул потрясающую картину управления Россией. Нужно, говорил он, «сделать все, чтобы эти народы

находились на как можно более низком уровне культурного развития...»

«...Ни в коем случае не развивать там промышленность и администрацию, ибо чем примитивнее люди, тем более они воспринимают любые ограничения своей свободы как насилие над собой. К тому же наличие собственной государственной администрации дает им возможность в широких масштабах объединиться и при случае использовать эти структуры против нас».

«...Следует избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта»(!)

Как успешно продвигаются вперед гитлеровские мысли сегодня! «Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами магических культур, мы можем только приветствовать, поскольку тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще больше усилятся».

Нельзя не признать, что фюрер разработал плодотворные программы для нынешних «цивилизаторов». Чего стоит высказанная им тогда установка: «Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей. Коли русские, украинцы, киргизы и пр. научатся читать и писать, нам это только повредит. Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас».

Ах, вот откуда это сокращение школ, классов и учащихся нынче! А дальше — это уже совсем классика современного телевидения, радио, танцевальных тусовок и занятого эфира.

«Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания. Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории (да и не приходит, господин ефрейтор! — В.Г.). Музыка, музыка, ничего, кроме музыки. Ведь веселая музыка пробуждает в людях трудовой энтузиазм. И... люди могут позволять себе танцевать до упаду». Ныне по всей России звучит музыка. Даже и не веселая, а просто громкая, беспощадная, бездушная. Даже и не музыка, а скорее оболванивающие звуки. Как был бы доволен фюрер!

Самую жестокую кару уготовил он русской столице — Москве. «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина или женщина или ребенок, не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Провести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоп-

лены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа («Нюрнбергский процесс», 1957, том 1, с. 495).

Не лучшая участь ждала и Ленинград. «Для других городов, — говорил Гитлер, — должно действовать правило: перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами» (там же).

Странно, что этого не знал известный русский писатель Виктор Астафьев, предлагая сдать Ленинград немцам, чтобы не терять гражданское население, — или же это опять надежда на цивилизованную Европу? Гитлер видел в СССР, в России лишь жизненное пространство для немецких колонистов. Извечный, по его мнению, конфликт между Германией и славянством делал Россию, независимо от ее устройства, постоянной угрозой немцам. (Ну что ж, эта мысль очень понятна многим нынешним правителям Запада). «Славяне — неполноценная нация», — это его утверждение приводило к установке на уничтожение в России любых государственных структур, ведь «рабы не могут управлять!» Правда, его главный теоретик «по делам восточной политики» А. Розенберг видел нюансы и хотел воспользоваться различием наций для раскола Советского Союза. Он предложил изолировать Московию (этот термин часто употребляли и употребляют национал-галицийцы) в лесах и болотах северо-запада, окружив ее с помощью кордона нерусских наций (Украина, Прибалтика, Кавказ). Причем Розенберг добивался организации некоторых государственных самостоятельных структур, но под жестким контролем Германии. (Как был бы доволен этот стопроцентный нацист и ариец ныне!). Контроль, правда, устанавливается не Германией, а Америкой, но, как говорится в известном анекдоте, «яка гарна цель». Результатом этой теоретической деятельности стали сожженные и уничтоженные древнейшие русские города Новгород, Киев, Смоленск, Псков, Брянск, Чернигов, Витебск. Осквернены сотни храмов, дом-музей Чайковского в Клину, Ясная Поляна, свергнуты и переплавлены многие памятники Отечества. Только чудо стремительного наступления спасло великий памятник тысячелетию России в Новгороде. Немецкие снаряды попали в Эрмитаж, в музеи Москвы. Подумаешь, чего церемониться, ведь это низшая раса! И грабили, грабили, грабили. Увозили тысячи картин, икон, других бесценных сокровищ. Кто ответит, где сейчас Янтарная комната и есть ли цена за восстановление древнейших фресок Киева и Новгорода? О неполноценности русских, их неумении работать, мыслить, о их нецивилизованности постоянно писали газеты, трубило радио, выходили теоретические труды. (Какие добросовестные последователи ныне в мире и «в этой стране» у гитлеровских русофобов»). Думаю, именно сейчас становится предельно ясно,

что одним из самых ярых русофобов за всю историю был Гитлер. Его ждала Божия кара, его ждали разгром и смерть. И такая же Божия кара ждет и нынешних его последователей — за их ненависть, злость, клевету против России и русского народа.

Величайшая победа

Разгром группировки оказался отнюдь не быстрым и легким. Там погибло немало наших людей. Да и разведка, как и Генштаб, преуменьшили численность группировки противника. По их данным, в войсках Паулюса было 85—90 тысяч человек. Фактически же их оказалось более 300 тысяч; преуменьшено было количество артиллерии, танков, боеприпасов. Кроме того, Гитлер пытался сделать все, чтобы вызволить 6-ю армию из «котла». Он заявил: «6-я армия останется там, где она находится сейчас. Это гарнизон Крепости, а обязанность крепостных войск выдержать осаду. Если нужно, они будут находиться там всю зиму, и я деблокирую их во время весеннего наступления». Сюда были брошены на прорыв войска генерал-фельдмаршала Манштейна. Горячий снег, который так блестяще предстал в романе Бондарева, был растоплен от движения сотен танков, их могли остановить только танки. Тысячи героев родила эта битва с танками Манштейна. Но, может быть, самым славным, непостижимо героическим, поистине легендарным был подвиг И.М. Каплунова. Из противотанкового ружья противотанковыми гранатами он подбил 8 (восемь!) немецких танков. Девятый танк Каплунов вывел из строя уже после второго тяжелого ранения. Он посмертно стал Героем Советского Союза. Почему же мы помним, учим, знаем о подвигах Геракла, Антея, Александра Македонского, и не встает в нашей памяти, в памяти народа Великий Бронбойщик, Герой и Боец за Отечество И. Каплунов! Никита Кожемяка, Илья Муромец, Иван Сусанин — и, конечно, Иван Каплунов!

Он и его сотоварищи сдержали бронированную громаду Манштейна, не дали возможности соединиться с окруженными в Сталинграде. Многих надо было бы вспомнить да и причислить к лику святых, ибо совершили они подвиг, спасая жизнь миллионов соотечественников. Мы не должны забыть героев танкистов генерала В.М. Бодонова. За пять суток они преодолели 240 километров! (Это с боями-то). И неожиданно для противника вышли у него в тылу к станции Тацинская. Были захвачены колоссальные склады с продовольствием, горючим, 300 (триста!) самолетов. Такой победы не было, пожалуй, за весь период второй мировой войны. Бодоновцы были окружены и с боями снова прорвались навстречу нашим войскам. Генерал Бодонов был первым награжден за высокое воинское мастерство орденом Су-

ворова II степени. Маршал Жуков был первым награжденным орденом Суворова I степени. Вот они, первые, осененные именем Суворова, боевой наградой, учрежденной в его честь. Маршал Жуков и генерал Бодонов!

Итак, наступала агония и гибель Сталинградской группировки. Вот здесь-то и отказало Гитлеру провидение в реализме понимания происходящего. Здесь, когда уже не помогали ему ошибки советского руководства, не работал фактор внезапности, когда перед стойкостью русского солдата притупилось экстрасенсорное чутье, когда развернулся во всю мощь русский богатырь, когда заработала советская система, Гитлер оказался бессилён. По его приказу в Сталинградском «котле» расстреляли более 300 солдат, отказавшихся сражаться в гибельной ситуации. Паулюсу не было разрешено капитулировать. Но 6-я армия была раздавлена, Паулюс, получив свое последнее повышение за фактическое поражение, стал фельдмаршалом. Командующий Донским фронтом, доколовшим 6-ю армию, 41-й танковый корпус, Константин Константинович Рокоссовский был всего-навсего генерал-лейтенантом. Его маршальские погоны придут к нему в будущем, с победами.

В этот календарный год произошло два самых замечательных пленения за все время боевых действий второй мировой войны. В июле в волховских болотах сдался немцам боевой генерал Красной Армии, воспитанник новой системы Андрей Власов. В конце Сталинградского сражения капитулировал немецкий фельдмаршал фон Паулюс — кадровая военная элита, испытанный командир вермахта. 2-я ударная армия, которой командовал и которую сдал Власов, погибая, прорвалась через узкий коридор, пробитый ей извне. 6-я немецкая армия, как и вся сталинградская группировка немцев, сражаясь, погибла и капитулировала вместе со своим командующим, ибо внешние силы не смогли прорваться к ней на помощь. Паулюс предостерегал от необдуманных и необоснованных решений Ставки Гитлера. Но он и сам не предполагал, что окажется под столь тщательно разработанным ударом советского командования, советского Генерального штаба, советских вооруженных сил. Он получил предметный урок от русских военачальников. И недаром в ответ на ироническое замечание адвоката Геринга на Нюрнбергском процессе о том, что, находясь в плену, фельдмаршал Паулюс читал лекции по стратегии в советской академии, в Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (чего не было), он, как свидетель, ответил: «Советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а

также и то, что все эти господа сидят здесь на скамье подсудимых». Генерал же Власов, сдавшись, решил сыграть в игру национального лидера борьбы с советской властью. Как бы ни оправдывали его послевоенные политики, общественные деятели, диссиденты — предательство национальных интересов народа никогда не покроется даже самыми благими побуждениями. Вряд ли побуждения Власова выходили за рамки спасения своей жизни. Особенно вначале. А впоследствии он был просто пешкой в игре фашистских лидеров.

Сталинградская битва завершилась уже в 1943 году. Но без сомнения, все предпосылки победы в ней, да и решающие усилия, были совершены в самый тяжелый для страны 1942 год. Он заканчивался наступлением на Кавказ, выходом к Донбассу, атаками наших войск в центре России. Он заканчивался победно, но впереди еще были 850 дней жестокой и суровой войны. Однако 1942 год доказал, что русский народ непобедим, что СССР выстоял, что советские люди не сдались, не продались, не капитулировали. Это была их Родина, которую они отстаивали тогда, в дымном, морозном, кровавом и победоносном сорок втором.

* * *

Итак, в 1942 году маятник нашего Отечества дрогнул и готов был остановиться навсегда. Фашистская армия вышла на самые восточные рубежи своего продвижения. Пал Севастополь — город русской славы, дивизия «Эдельвейс» карабкалась в горы Кавказа, омочили в Волге обагренные в крови руки чернорубашечники СС. Казалось, еще несколько дней — и падет Сталинград, рухнет Великая Держава, расколются на куски уделы, ханства. На плодородных землях Украины и Крыма осядут немецкие колонисты; Прибалтика станет протекторатом германской империи; Молдавию, Одессу, Буковину заполучит Румыния; Карелию, Выборг, Мурманск — Финляндия; Ужгород — Венгрия. Белоруссия исчезнет с лица земли; на месте Ленинграда будут озера и болота; Москва станет пустынным полем. Сахалин, Дальний Восток, Сибирь до Байкала, а может быть, и до Урала, будут японскими; Средняя Азия распадется на куски, а Закавказье пристегнется к Турции. Все народы и люди станут слугами и обслуживающим персоналом третьего рейха. Русские патриоты, евреи, цыгане, комиссары, партизаны попадут в душегубки, будут сожжены в топках Дахау и Освенцима. Россия перестанет существовать, остатки русских будут загнаны в приполярные широты, тайгу, в топи и хляби. В мире должен был восторжествовать «новый порядок», «новое мышление». Но на пути этой мировой силы зла встал наш народ. Он был почти один в этом сражении. Лишь кучки патриотов-сопротивленцев с безнадежностью противостояли гиганту нацизма да, как всег-

да, верными друзьями России в борьбе с оккупантами, истекая кровью, были сербы и черногорцы.

Союзники еще и не помышляли о втором фронте, им было не до этого; Гитлер, его румынские, финские, итальянские, венгерские, японские, турецкие соратники со дня на день ожидали падения Сталинграда и закрепления окончательного передела Советского Союза. Всему миру были очевидны его падение и крах.

Но Сталинград стоял! В дыму, копоты взрывов он сопротивлялся, он сражался. Сталинград выстоял. Сталинград разгромил отборные армии. Сталинград перешел в наступление. Сталинград окружил двадцать две дивизии. Сталинград пленил их. Сталинград похоронил миф о непобедимости германской армады. Сталинград обозначил закат немецкого фашизма.

Сталинград — это его бойцы, сотни и тысячи известных и безвестных. Сталинград — это уставшие, голодные, плохо одетые труженики тыла. Это все те, кто вопреки реалиям стоял стойко и до конца, кто, подобно знаменитому матросу Паникахе, факелом запыхал на пути немецких танков, кто, как сержант Павлов и его сотоварищи, сражался в доме, поистине ставшем бастионом и символом неприступности.

Сталинград — это Чуйков и Шумилов, Жуков и Рокоссовский, Ватутин и Василевский, Еременко и Родимцев. Сталинград — это Сталин. Сталинград — это Советский Союз! Это его республики, это Россия. Сталинград — это поле Куликово, это — Бородино, это — Пересвет, это — Минин и Пожарский, это — чудо-богатыри Суворова, это — крейсер «Варяг». Это — наша история.

Нет, не дрогнули, не сдались! Не бросили оружия, не оцепенели в страхе и подлости, вопрошая: за то ли мы сражаемся? Они сражались, погибли и победили, чтобы жили мы.

И сегодня все, кто живет здесь и кто уехал искать другой жизни за рубежом, должны склонить голову перед погибшими и оставшимися в живых сталинградцами.

— Расскажите Вашим детям и внукам об этих великих людях! Тех, кто жил тогда, в 1942-м!

— Войдите в дом сталинградца, в квартиру ветерана Великой Отечественной, поблагодарите его, согрейте заботой и вниманием. Это — Ваш долг, это — наша общая обязанность.

— Остановитесь у обелиска! Положите цветы, склоните головы перед теми, кто дал нам великий и непревзойденный пример стойкости, мужества, любви к Родине.

— Вечная им память!

— Вечная слава!

Да падет позор на голову тех, кто забыл их подвиг, кто презрел их славу, кто изменил Отчизне!

Последний день войны

9 мая 1945 г. в селе

Еще 8 мая все ожидали сообщения. В школе за низкими партами не сиделось, все оглядывались на дверь и ожидали, когда во всю мощь включат приглушаемый на время уроков репродуктор. Вдруг раздался какой-то истошный крик, и все вскочили, затиснулись к дверям по узкому проходу. Федя Сулима не выдержал, залез на парту и побежал по крышкам, оставляя пыльные следы от сапог. Старая наша химичка, увидев такое кощунство, с возмущением воскликнула: «Тю-ю! Та ты шо?» Но и сама поспешила к выходу, естественно, не по партам. В коридоре как-то смущенно уговаривали всех вернуться в класс директор и пионервожатый. Сказать им еще было нечего. Мир где-то уже наступил, но советское правительство еще об этом не заявило. Пришлось возвратиться в класс, уроки, конечно, были сорваны. Ночь прошла беспокойно. Но утром все, кто жил в этом большом украинском селе Комышня, стали собираться на базарной площади. Районное начальство уже знало о капитуляции. На узле связи записали сообщение, передали телефонограмму в райком, чтобы ждали выступления Сталина.

На трибуну — два грузовика с открытыми бортами — взошли, вернее, залезли, кто-то из районного руководства, несколько женщин, безрукий военный, другой — опиравшийся на палку. На площади собрались все, кто мог хоть чуть-чуть двигаться. Старики, женщины, дети, инвалиды окружили грузовики. После речи секретаря райкома и слов военкома вышел какой-то инвалид и на смеси русского и украинского поздравил всех с «перемогой». «Мы, руськи, — продолжал он, — от Волги до Берлина дошли и перемогли. И я, хоть без ноги, но считаю, тоже дошел». Никто и не сомневался, что этот украинец прав, причислив себя к «руським». Долго аплодировали. Втащили на машину нас, пионеров. Мы спели «Священную войну», «На позицию девушка», «Синенький скромный платочек». Женщины плакали, инвалиды задумались. А бодрый пионерский голос внес идеологические уточнения. Звучало:

Крепни, советская наша держава! Радуйся, вольной земли человек! Ленину слава! Сталину слава! Партии слава вовек!

Стоящий перед нами дед кивал головой согласно знакам восклицания. Ему-то, судя по заплатам на одежде и бороздам на лице, не было больших оснований славить Ленина и Сталина, да и партию тоже. Но он сегодня был согласен со всеми! Сегодня был день Победы. Наверное, и он благодарил вождей и солдат за эту победу.

Ибо они выиграли эту войну... А вы?

БЕСЕДА

«ХОЧЕШЬ ПЕРЕДЕЛАТЬ МИР, НАЧИНАЙ С СЕБЯ»

интервью с председателем
Постоянной комиссии
по вопросам правопорядка
и законодательства ЗАКСа
Санкт-Петербурга
А.Г. Крамаревым

Крамарев Аркадий Григорьевич, председатель Постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Родился 13 января 1938 года в Ленинграде в рабочей семье.

Отец родом с Дона. В связи с репрессиями в годы коллективизации 15-летний Григорий Крамарев бежит в Луганск, а затем в Ленинград. Погиб на фронте.

А.Г. Крамарев закончил юридический факультет университета. Работал следователем, затем начальником Главного Управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области, генерал-майор милиции, профессор, был начальником факультета Академии МВД. Депутат четырех созывов ЗАКСа Санкт-Петербурга.

Владимир Марухин: Аркадий Григорьевич, Вы посвятили всю свою жизнь правоохранительной деятельности. Как Вы полагаете, насколько современная Россия близка к тому, чтобы ее граждане могли сказать: мы живем в правовом государстве. В этом смысле — наше общество в начале или в середине того пути, который прокладывается и с помощью возглавляемой Вами комиссии?

Аркадий Крамарев: Для того чтобы мы все почувствовали, что живем в правовом государстве, недостаточно вклада городского парламента, необходимы общие усилия: и Государственной Думы, и других федеральных органов.

Но все-таки самое главное здесь — вопрос исполнения законов. А где мы — в середине или в начале пути?.. Я бы сказал: в середине начала пути. Начать-то мы начали, а вот насколько продвинулись... Продвигаемся медленно, очень медленно. Суть не только в том, что у нас нет достаточного количества законов, что нет законодательной базы, она в принципе есть. Основные провалы — в исполнении законов. К примеру, обманутые вкладчики и дольщики по жилью, — чего только не было. Во многих преступлениях такого массового масштаба государство оказывается абсолютно беспомощным. Вы помните финансовые пирамиды. Каков был ущерб, нанесенный ими гражданам? Что сделало государство? Да ничего: привлекли там кого-то, так от этого радости никакой. Построить такую систему, чтобы человек не чувствовал себя обманутым, пока не удалось. Еще не пришло то время, когда человек не ощущал бы, что любой прохиндей может определять его судьбу. У нас обманутых — тысячи, тех, кто заплатил деньги, а квартиры, скорее всего, никогда не получит, и государство ничем не сможет помочь — нет правового механизма, который бы обеспечил справедливое решение этих проблем.

В.М.: А что мешает создать такой механизм?

А.К.: Очень многое. Сначала его нужно разработать, потом хорошенько продумать, как применять. Наложить арест на имущество мошенников в целях возмещения причиненного ущерба — невозможно. Можно украсть на миллиарды, спрятать свое имущество и сказать: у меня ничего нет, счета в банке не на мое имя, дача не моя, автомобиль тещин, квартира тоже не моя. В результате вы ничего не получите. В принципе, в гражданском праве определено, что ущерб должен быть возмещен. А как? Это слова, — одних слов мало. Должен быть механизм. Если фирма-застройщик говорит: мы обанкротились, у нас нет денег, чтобы достроить дом, значит, она не способна гарантировать деньгами соблюдение интересов своих клиентов, и следовательно, не должна иметь права на заключение подобных договоров. А у нас разрешается это делать, если у фирмы уставной капитал даже десять тысяч рублей. А что с таких денег можно возместить? И страхования никакого нет. Я не уверен, что и это надежный и справедливый механизм, — тут надо думать и работать.

А то, что Лужков взял и кому-то возместил ущерб из городского бюджета, так это подачка, как нищим, а не правовое решение, — всего лишь добрая воля мэра Москвы.

Подобный пример объясняет, почему мы находимся в середине начала пути, даже не в середине процесса. А самое важное: за нарушение закона должны привлекаться все, независимо от того бомж ты или министр. Эту проблему нам придется решать еще очень долго.

В.М.: Как Вы считаете, все ли общественные и человеческие отношения можно очертить рамками закона, не претендует ли закон стать выше совести, чести, нравственности?

А.К.: По-моему, у Карамзина сказано: чем хуже нравы, тем больше законов. В настоящий момент у нас нравы не самые лучшие, прямо скажем: время подловатое, и поэтому законов у нас много. Историю с обманутыми дольщиками необходимо рассматривать сквозь призму

нравственности. В начале прошлого века совестливый капиталист, вольно или невольно разоривший тысячи людей, пустил бы себе пулю в висок, а нынешний не пустит, а будет только процветать. Здесь речь идет о честности и порядочности. Преобладающая доля общественных и человеческих отношений должна регулироваться законами совести.

В.М.: Аркадий Григорьевич, Вы сказали: нравы у нас не самые лучшие, и все-таки поподробнее: как Вы оцениваете нынешнее нравственно-духовное состояние нашего общества?

А.К.: Уровень нравственности и духовности современного российского общества я оцениваю как крайне низкий, — значительно хуже, чем двадцать лет назад. Я не знаю, что будет еще через двадцать лет? Мы разрушили старую ценностную систему, нравственные правила, а новые не создали. Взамен нам привезли с запада наши «уважаемые» либералы западные «ценности», совершенно не годные русскому человеку. Мы, русские, живем по-другому. Но, к сожалению, то, что деньги становятся богом — это современная действительность. Не представляю, кого мы будем скоро воспитывать, если уже школьники торгуют... жевательной резинкой?

В.М.: Где, по-вашему, не дорабатывает государство, а где — общество?

А.К.: А вы считаете, что есть государство: умная проницательная сила, стоящая над нами, государство, которое видит на тысячи лет вперед? Нет! Государство наше ровно такое, какие все мы. Нравственность у нас скверная — и государство такое же: скверное, продажное, коррумпированное. Вот все говорят: «гаишники» берут взятки. А кто их дает? Мы даем. Так и во всех других отношениях. Давайте начнем не с «гаишников», а с себя. Все чиновники берут взятки. Так не давайте, не давайте! Хочешь переделать мир, начинай с себя.

В.М.: Аркадий Григорьевич, мы подошли к очень непростой и больной теме, точнее, к проблеме защищенности сотрудников милиции, той составной части правоохранительных органов, от которой изначально зависит, будет ли пойман и изобличен преступник, будет ли у нас спокойно на улицах и безопасно на дорогах. В чем сегодня нуждается милиция, чтобы работа ее стала эффективнее, а сотруднику ГИБДД не приходилось идти на сделку с совестью, чтобы прокормить семью? Я хорошо помню, лет 15-20 назад, когда сам носил милицмейские погоны, какое было пренебрежительное отношение государства к милиции. Сегодня оно почти не изменилось — люди до сих пор работают за гроши, хотя и работа стала намного опасней, сложнее, и нагрузки возросли многократно?

А.К.: Меня и самого восхищает то, что люди работают практически только за совесть. Еще Кант, по-моему, говорил: «Меня ничто так не удивляет, как звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Так вот этот нравственный закон внутри нас еще срабатывает. Тот энтузиазм, который бессовестнейшим и наглым образом эксплуатировали десятилетиями, — он еще существует. И это внушает надежду. А общество считает придурками или героями тех, кто за четыре тысячи рублей в месяц идет под пули или вкалывает по 18 часов в сутки. Говорят, город без одного праведника не стоит, а мы еще держимся, — значит, у нас хоть один праведник да есть. А вообще правоохранительным органам необходимы нормальные, квалифицированные кадры, имею-

щие в своем распоряжении все современные технические средства и возможности, чтобы можно было не только взять отпечатки пальцев, но и сделать генетическую экспертизу и многое другое, и чтобы все это было в массовом масштабе, а не в нескольких экземплярах. Опять все упирается в деньги... И специалистов-энтузиастов мы тоже сразу не наберем, их надо учить и воспитывать, и самих преподавателей тоже надо воспитывать, чтобы преподаватель был и специалист, и педагог в одном лице.

В.М.: Ну, что же, если мы, как Вы говорите, находимся в середине начала пути к правовому государству, это уже неплохо. Но ведь государство-то должно позаботиться о тех, кто ему служит.

А.К.: Да, хотя бы то, что мы с вами обсуждаем эту проблему, уже хорошо. Вспомните, лет двадцать назад что было: кажется, — «сверх-правовое» государство, лучше не бывает, — а на самом деле беспорядок, который и привел страну к развалу и нынешнему состоянию. А что касается заботы государства о правоохранительных органах, то мы все, прежде всего, должны позаботиться об этом, дать импульс государству.

В.М.: Аркадий Григорьевич, Вы много лет являетесь атаманом городского казачьего общества «Казачья стража». Казаки во все времена отличались государственным мышлением и показывали пример высочайшего патриотизма, жертвенности во благо Родины. Что сегодня можно было бы сделать, чтобы духовный опыт казачества возрождался и распространялся как образец, достойный подражания — в противовес навязываемого нам с запада чуждого образа жизни. Произведений Шолохова для этого мало.

А.К.: Действительно, казаки на протяжении всей своей истории всегда прежде думали о государстве и умели не щадя своей жизни отстаивать его интересы. Служивый казак всегда на голову выше обывателя, — государева служба ему давала возможность увидеть мир, расширить кругозор, сравнить свое и чужое, словом, делала его сословие намного культурнее других крестьянских сословий. Способность к самоорганизации, умноженная на духовность и патриотизм выгодно выделяла казачье сословие из числа других. Вот почему невозможно представить историю России без казачества. Сегодня возрождение традиций казачества идет не столь активно, как хотелось бы. Есть воинские казачьи подразделения, но их мало. Есть периодическая литература о современной жизни казаков, но и она выходит нерегулярно из-за нехватки средств, есть и другие причины, от которых тоже зависит активность самих казаков. Не смотря на то, что казачество не является единой массой, оно так или иначе связано общими традициями служения государству, это главное. Процесс возрождения, думаю, дело времени, — ведь какой был временной провал в истории казачества в советский период... Хочется верить, что все стабилизируется.

В.М.: Спасибо Вам, Аркадий Григорьевич, за содержательную беседу. Думается, что читатели нашего журнала почерпнут из нее много полезного для понимания нынешних проблем государства и помогут ему в духовном возрождении.

Беседовал Владимир Марухин

ПОЭЗИЯ

Сергей ДОНБАЙ

ДНИ И СУДЬБЫ РОДИНЫ МОЕЙ

Донбай Сергей Лаврентьевич — родился в 1942 году в Кемерово. Автор девяти книг стихотворений. Долгое время работал архитектором. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса», член Союза писателей России.
Живет в Кемерово.

* * *

Ветка осени — простыла
До прожилочек листва.
И горит, горит пустынно
Золотая синева.

Улетели... тихо-тихо...
Перелетные на юг.
Воробей и воробиха —
Наши! — тоже не поют.

И над промыслом живого
Высь безмолвно глубока,
Будто ищущая слово —
Дума, музыка, строка.

* * *

Упали травы. Косари ушли.
И косы отдыхали на плечах.
Ни звука, ни ромашек, ни души.
Поляны в солнечных лучах.
Упали травы. Кажется, к земле
Прижались испуганно поля...

На веточке, у космоса во мгле,
Как яблоко,
Чуть держится земля.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Для меня становятся родней
Братские могилы — стеллы, плиты
Той войны, в которую зарыты
Дни и судьбы Родины моей.

.....
Дни и судьбы Родины моей...
Растворяюсь до последней капли,
И уже неразличим я как бы...
А война все дальше,
Все видней.

* * *

И Ленина — он не читал,
И Сталина — он не читал,
И не страдал от угрызений.
Он в лагерях осуществлял
Немыслимый лесоповал —
Для их собраний сочинений.

СЛУЧАЙ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Однажды модного поэта
На пьедестал он подсадил
Тем, что пародию родил.
И сам залез туда за это...

Потом пародии рожал
На пьедестале круглый год.
И стал работать пьедестал,
Как непрерывный эшафот.

* * *

Сухие грозы, мнимые дожди,
Горит земля, и в горле пересохло.
Так непомерно набралось вражды,
Что тесно жить от выдоха до вдоха.
И ненавистью воздух заражен.
И помыслы враждуют насмерть с речью.
И взгляд огнем холодным подожжен —
Не согревает душу человечью.
Едва заметны дружбы миражи,
Улыбки, прикрывающие ярость...
Объявлен комендантский час вражды!
В том часе — поколение затерялось.

* * *

Сестре

Я не думал, что Христос
Скоро так нас испытает.
Бати нет... С сестрою — врозь...
Мама тает — не растает.

Городские озерца
Неба — в солнечных разливах.
Но не спрятать мне лица
В лицах сверстников счастливых.

Не затеплят глаз ее
Ни слеза, ни наше горе...
Лишь одно забытие
В них гуляет на просторе.

И с кладбищенской плиты,
Мной положены у края,
Здравствуй — шепчут мне цветы.
Терпеливо умирая.

РОПОТ

Родные леса отдыхают в мороз.
В них тихо, легко и свободно.
Дубравам, кедровникам, рощам берез
Молчание это угодно.
.....

Мы долго молчали и вместе, и врозь,
Отчаянно и всенародно.
И столько молчания в нас набралось,
Что сделалось крику подобно.

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ

ТОЛЬКО БЫ АНГЕЛ ЛЕТЕЛ И ЛЕТЕЛ

Рачков Николай Борисович — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. **Живет в городе Тосно Ленинградской области.**

* * *

Мы умельцы не только
долбленных корыт,
Хохломского, в цветочках, ковша.
Замок Тауэр русским железом
покрыт,
До сих пор не берет его ржа.

Никому раскроить не удастся
рукой
Древней выделки
красный кирпич.
И о чем колокольчик нам пел
под дугой,
Никому никогда не постичь...

* * *

Не ты, не ты, а этот юный,
В пятнистой форме, в наши дни
Он без ноги, с душой угрюмой
Вернулся чудом из Чечни.

Стучит костыль
О пол травая.
Скрипят на стыках тормоза.
И каждый, мелочь подавая,
Отводит
в сторону
глаза...

* * *

«На суд Россию!» — слышен крик
Европы, позабывшей вмиг
Позор фашистского потопа.

Кричи, коль есть кривой язык.
Ведь если бы не русский штык,
То чем бы ты была, Европа?

ОТЕЦ

Когда над Родиной набатом
Беда качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.

Идя сквозь слезы, кровь и пепел,
Чье сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит

И чья рука его зарыла,
Песок иль глину постеля.

ПОКРОВ

Скоро сырая земля подморозится,
Белый снежок закружился — взгляни...
— Смилуйся, сжался, спаси, Богородица,
Сына верни из проклятой Чечни...

Молится мать перед темной иконою,
Слабо трепещет, дрожит фитилек.
Сын в этот миг
за машиной сожженной,
Рану зажав, с автоматом залег.

Шлет позывные в кольцо окружения
Горсточка брошенных в пекло солдат.
Мать в это время

в изнеможении
Слезно целует священный оклад.

Сердцем предчувствует лихо, и мочи нет
Встать наконец с онемевших колен.
Сын по врагу

Нет, не намерен он в дьявольский плен.

Коль погибать, так по-русски, как водится,
Вынул гранату...

Солдат, не спеши!
Все же услышала Мать Богородица
Любящий крик материнской души.

Все же узрела солдата во пламени,
Плат постелила незримо у ног.
— Не уронил ты
ни чести, ни знамени.
Близко спасенье. Мужайся, сынок!..

* * *

С чем пришли мы
в двадцать первый век?
У метро, на площади Восстанья,
В переходе бедный человек
На коленях просит подаянья.

Он устал. Он держится едва,
Словно переплыл большую реку.
Кто-то рубль подаст,
а кто и два, —
Вот цена такая человеку.

В седине виски, и шрам у лба.
Испытал, как видимо, немало.
Била столько раз его судьба,
Что добила все же, доломала.

Он теперь у жизни на краю
И смотрит с улыбкой непростою...
...Слава Богу, на ногах стою
И пока не знаю, сколько стою.

АРИСТОКРАТ

Это не важно, зима или лето,
Если не ставшее злым от обид
Сердце полно и тепла и привета,
Света полно — значит, Ангел летит.

Ах, прочитать бы среди полуночи,
Что напорожит нам Млечный петит!
Вспыхнут от счастья небесные очи,
Губы к губам — это Ангел летит.

Только б с душою душа подружилась,
Веруя в то, что есть высший удел.
Только земля бы привычно кружилась,
Только бы Ангел летел и летел...

НЕ ЗА СЕБЯ ПРОШУ

Не для себя прошу,
поднять не смея взора:
И в нынешние дни,
и в завтрашние дни
От дьявольской войны,
от мора и террора
Беспечный мой народ
спаси и сохрани.

Прости его за то,
что в этой жизни грешной
Доверчив он и смел,
талантлив и велик.
Спаси и сохрани
его могучий, нежный,
Вобравший шепот трав
и гром небес язык.

В решающий момент
не дрогнет он и бровью
И встанет за Тебя
под гибельной пургой.
К Твоим стопам, Господь,
он припадет с любовью
Как никакой другой,
как никакой другой.

Будь милостив к нему
и не карай сурово,
Из всемогущих рук
его не оброни.
Во имя всех святых
и для всего благого
Спаси и сохрани,
спаси и сохрани...

ПРОЗА

Александр ГРОМОВ

ПРОЩЁННЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

рассказ

Громов Александр Витальевич — родился в 1967 году в городе Подольске. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Председатель правления Самарского отделения Союза писателей России. Секретарь Правления СП России. Главный редактор журнала «Русское эхо». **Живет в Самаре.**

...Это был страх... Тень его можно почувствовать на границе сна и яви, когда сознанию удастся задержать восприятие иного мира. Но тут была полнота. Это был страх не от того, что я умер, это как раз страха не вызывало, страшно было то, что должно случиться теперь.

Нечто нарастающее отсчитывало последние миги перед тем, что должно быть. Сколько длилась эта невыносимая жуть? Промелькнуло: скорее бы... как вдруг откуда-то издалека, из вселенских глубин, донесся родной звук — словно кухонный звяк тарелки о тарелку. И тут дошло и отпустило: отсчитывают — это часы; звякает — это жена на кухне, а я — на диване в гостиной. Попытался вспомнить, почему не в спальне — и захотелось умереть по-настоящему. Я укрылся одеялом с головой и замер в позе эмбриона.

Дверь в гостиную открылась, вошла жена и стала надо мной, а я сжался еще сильнее, словно мог запрятаться, раствориться в складках одеяла... А ей, может, и хотелось только, чтобы я отозвался, заговорил, хотя бы повернулся к ней. Она ушла. В дверях сказала: «Завтрак на кухне», — и люстра тихонько задрожала, эта дрожь передавалась фужерам в серванте и достигла меня — стало холодно.

Может, я и в самом деле умер? Вот слышу, как жена собирает Валерку в школу, как они переговариваются в коридоре, а меня словно нет, они точно так же переговаривались бы, если

бы меня не существовало вовсе. И уже земной страх, противный и липкий, овладел мной — заколотил озноб, и прошиб пот.

Захлопнулась входная дверь, и наступила тишина — только часы, как на счетах, отбрасывали время.

Я сдернул одеяло и жадно, словно рыба на берегу, вдохнул — живу еще. Надо выбираться из гроба, в который я сам себя вогнал, но тупая тяжесть навалилась, залила непослушное тело, может, оно и в самом деле умерло — а что тогда я? Но кто сдернул одеяло? И я же, в конце концов, дышу. Попробовал под давящей тяжестью сползти с кровати — и упал, больно ударившись боком о подвернувшийся локоть. Но физическая боль помогла, я еще раз убедился, что все-таки жив, и поднялся на четвереньки. Потом, опираясь на ножку торшера, выше, выше — эволюция по Дарвину. Когда я стал вровень с торшером, закружилась голова и пришлось опуститься на диван.

Отсидевшись, поплелся на кухню и долго хлебал из-под крана холодную воду, потом прибил к столу, на котором стояла прикрытая крышкой тарелка. Мысль о еде оказалась противной. Из положительных моментов вспомнилось, что будто бы разрешили сегодня выйти на работу к обеду. Однако, тут же я представил, что вот так тупо проторчу еще несколько часов на кухне, рассматривая клеенку и казня себя вчерашним, и захотелось в суетность дня. Там хоть какое-то подобие жизни.

Я резко встал, снова закружилась голова, пришлось придержаться за косяк, добрался до ванной, принял холодный — покомсомольски — душ, поводил по зубам щеткой, поскоблил бритвой щеки и пошел собираться.

На улице было серо и тревожно, словно некая пелена прикрыла окружающий мир, и там, высоко, за этой серой пеленой, готовилось нечто таинственное, неизвестное и оттого пугающее. Я осторожно двинулся по замерзшей за ночь дорожке к автобусной остановке и упал. Надо сказать, весьма здорово. Некоторое время я вообще ничего не соображал, потом возникло нечто блеклое в трещинах, оказалось, это небо сквозь ветви деревьев. И даже стало хорошо вот так недвижимо лежать и смотреть в треснутое небо. Потом наплыло пятно.

— Вставайте, вставайте, — тянул меня за руку человек в сером пальто. Когда я с его помощью утвердился на ногах, он подал мне отлетевшую шапку. — Вы поосторожней. — Добавил: — Тут песочком бы посыпать, и куда власти смотрят? — и оставил меня одного.

Куда, куда... А кто его знает, куда? Сам хочу знать. Иногда. Четвертый год как заведомо — а зачем, спрашивается?

В администрацию я угодил нечаянно: встретил на улице одноклассника по институту и тот позвал в предвыборный штаб одного из кандидатов на пост мэра. Помогите, говорит, нам сеть

наладить. Компьютеры тогда только в моду входили, а я на заводе ими занимался, хотя, как занимался: завод уже оскопили, он больше напоминал брошенную посреди дороги подыхать старую клячу, впрочем, как я сейчас понимаю, его просто готовили к банкротству и продаже, и мы, итээровцы, неприкаянно слонялись из угла в угол с чувством тоски и обреченности. А в предвыборном штабе нашлась конкретная работа, да еще за нее деньги платили. И атмосфера после нашей заводской тягомотины завораживала: все носились возбужденные, все время новые идеи, проекты, мечты о светлом будущем... в общем Смольный в семнадцатом. И неожиданно мы выиграли. Штаб распался, а меня новый мэр взял в администрацию и даже назначил начальником вновь созданного отдела — по системному обеспечению. Я стал получать нормальную зарплату, бывать на важных приемах и знаться с первыми людьми города, съездили с женой за границу, через год нам дали трехкомнатную квартиру. А еще через год жена заявила, что такой ценой ей эта квартира не нужна. И тогда, наверное, я первый раз задумался: куда я качусь?

Меня и самого пребывание в администрации стало тяготить. Революционная возбужденность, которая так завлекала, прошла, наступила рутина, и в ней как-то само собой все и все уравнилось до общего, весьма примитивного стандарта: заговорили на одном языке, простенькими фразами, появилось стремление не делать что-либо самому, а присоединиться к уже сделанному, при этом ревностно следилось за каждой похвалой или недобрым взглядом начальства и все это суммировалось, вычиталось, просчитывалось... Поначалу-то, пока делал компьютерные системы, я не особо втягивался в это, потом все отладилось, а тут еще дали в помощники двух весьма толковых в технике акселераторов, отлынивающих от армии, и я совсем расслабился. Теперь, как руководитель отдела, я только торчал на разных планерках и совещаниях, после которых ломило в голове, словно и в самом деле занимался напряженной мыслительной работой. Но доставали больше не сами совещания, а то, что к ним или по их итогам приходилось писать письма, отчеты, предложения... На эти случаи я состряпал себе некое подобие программки и даже подумывал доработать ее, чтобы можно было использовать в каждой конторе и вывесить в Интернете, но все лень было. Да и зачем, собственно? И сам себя оправдывал: а не поколотит ли меня за эту программку множащаяся чиновничья братия? Остальное время я лазил по Интернету, читал газеты, ходил по отделам и ждал конца рабочего дня. Впрочем, и домой-то я не особенно торопился: сын или делал уроки, или пропадал на улице, жена занималась по хозяйству или смотрела телевизор, который приходилось смотреть и мне. Ложились спать, и все чаще в разных комнатах. Я делал вид, что мне интересен спорт, который всегда показывали поздно, и засыпал под него, она говорила,

что устала и у нее болит голова. Я, может, где-то на клеточном уровне сознавал, что не было никакого смысла в такой жизни, надо выбираться из засасывающего болота, но другое Я, на другом, наверное, клеточном уровне так уже привыкло к мягкому креслу в отделе, что лишение его воспринималось с ужасом, как невозможная трагедия для всего моего целостного Я. И все находились отговорки. Теперь я говорил жене, что надо доработать эту предвыборную кампанию, и ссылался при этом на придуманную интеллигентскую порядочность: мол, неудобно бросать людей на столь важном этапе — все-таки квартиру дали... Вот тут жена и заявила, что такая квартира ей не нужна... Но до выборов оставалось совсем чуть-чуть. А тут эта Масленица. А Сенька, подлец, то есть Семен Германович, теперь все обращал в предвыборную кампанию.

Подошел полупустой автобус, ехать было три остановки, и я сел на расположенные друг против друга сиденья. Против меня оказалась пышная дама в такой же пышной шубе и русоволосый молодой человек в курточке и замызганных на коленках джинсах. Мода такая, что ли, пошла, подумал я про его грязные коленки? Молодой человек смотрел в окно, и лицо его было умирительно-спокойно и благодушно, словно он только что сделал тяжелую работу и теперь наслаждается заслуженным отдыхом. А мне только еще предстоит в эту тягомотину — душой и телом. И чего люди так стремятся в чиновники? Теперь еще — в политики... Сытые неудачники... Все хотят быть сытыми. И ради гарантированного куска готовы признать себя неудачниками.

Но я-то скоро уйду. Хотя... как, куда...

А тут еще этот молодой пижон с грязными коленками всем своим блаженным видом вопиющий, что есть какая-то другая жизнь, а не одно раздражение и томление духа. Я встал к двери, искоса поглядывая на него, и, когда автобус, тормозя, качнулся, он все-таки оторвался и посмотрел на меня. Именно на меня. И таким кротким и невинным взглядом, что у меня похолодело внутри. Откуда это?! Откуда берутся в наше беспардонное время люди, которые могут смотреть такими глазами, словно они прощают и мое раздражение, и мое осуждение... Влюбленный, наверное, попытался я хоть как-то объяснить себе молодого человека.

На работе — без перемен. Акселераты в «гараже» (так называли мы смежную комнату, где хранилось всякое железо и где занимались ремонтом) ковырялись с «левым» компьютером. За окном все то же затянутое небо. Вдруг на деревья, стоящие на площади перед администрацией, с шумом и толкотней опустилась стая грачей. Несколько минут стоял невыносимый грай, и вдруг так же резко все прекратилось, и стая улетучилась. Зачем они прилетали?

Я плюхнулся в кресло, включил компьютер и полез в Интернет.

В анонсах переплелись катастрофы, свадьбы-разводы, а кто просто так, терроризм и корпоративные вечеринки, но одна зацепила: у православных начался Великий Пост, и я, скорее, машинально, нажал ссылку, но то, что стало открываться, поразило точностью попадания в мои утренние ощущения, только я не мог так сформулировать и ясно выразить. Во всю страницу вверх было жирно начертано: «Душе моя, восстани, что спиши!..» Да — восстать, и именно — душе! Это простое откровение потрясло меня, и я некоторое время без движения сидел перед монитором, словно из того и в самом деле перетекала в меня и заполняла всего некая сила и хотелось, чтобы это «Душе моя, восстани...» дошло до каждой клеточки, до каждого атома моего существования. Потом я стал читать текст, написанный мелким шрифтом, и застонал от первых же слов: «После проводов Масленицы...». Застонал я, наверное, вслух, потому что кто-то из акселератов выглянул и удивленно посмотрел на меня. Я, словно больной, махнул рукой: мол, не надо мне ничего, и отключил Интернет.

Теперь, после того, как я уже испытал радость понимания и узнавания, что нужно восстать, мне напомнили, откуда, из какой ямищи. И не восставал я, а лишь вставал с постели, с ледяного тротуара... и мне снова вспомнился молодой человек с грязными колёнками: а он откуда вставал? Или все же он восставал?

Зазвонил телефон, и я с облегчением поднял трубку.

— Привет, старик.

Я понял, что должен испытать всю чашу своих мерзостей. Это был Сенька, то есть Семен Германович, пресс-секретарь администрации, с Масленицей это была его идея.

— Привет.

— Ну, как ты там? — и в его голосе послышалась издевка.

— Нормально.

— Это хорошо, — голос у него был до противного свеж и бодр, а пили-то вчера вместе, впрочем, он, как всегда, половинил, да и помоложе все-таки... — Тут как раз дельце по твоей части, поднимешься?

— А что?

— Техника эта нерусская артачится. Включаю, вроде, все гудит и экран мигает, а потом — бац — и рисует квадрат Малевича.

— Дела-а, — протянул я, идти в общем-то не хотелось.

— Ну, ты как? Или молодцов своих пришьешь?

Идти не хотелось не только потому, что в пресс-центре наверняка с утра шушукуются и обсуждают вчерашнее, сам пресс-центр расположен возле кабинета мэра, и там обязательно с кем-нибудь столкнешься, а все уже все знают, да еще в гипертрофированных версиях, и будут делать понимающий вид, сочувственно-укоризненно покачивать головами, а про себя веселиться: подставился, хорошо, что не я!

Но чашу надо пить и я ответил:

— Иду.

А что, собственно, такого случилось-то? Сенька в преддверии грядущих выборов придумал на городской площади бесплатную раздачу блинов и водки с последующим сжиганием чучела Масленицы и фейерверком. Чучело же черной копной волос, острым носиком и малиновым шарфом недвусмысленно намекало на главного конкурента в начавшейся предвыборной кампании. После же фейерверка аппарат отбывал за город на прикровенную заимку, где и продолжил... Как я добрался до дома?.. Ну, понятно, что развозили... Но как, что?.. Все, как в тумане... И вспышками... Ну, понесло меня еще на площади: раздухарился и полез с рюмкой ко всякому встречному и поперечному, зазывая пить за здоровье нашего распрекрасного мэра. Это свинство я помню. Как жгли чучело, не помню, фейерверк помню, смутно... И дальше вспышки с провалами. На заимке, на этой... Ведь предлагал же кто-то отправить меня домой и никуда не тащить... Нет, уперся, баран... А там снова пили и Катя... Вот... Чего я к ней лез-то?.. Скотина... И мне снова стало нехорошо, я встал на лестничной площадке перед входом на второй этаж и прислонился к стене.

И тут, вполне естественно, случилось то, чего я и опасался. Я услышал, как распахивается массивная дверь приемной мэра, его басовитый командирский голос и шум приближающейся толпы. «Это конец», — подумал я и не смог сдвинуться с места. Причем сейчас даже непонятно, чего я испугался: ведь я-то, казалось бы, только и мечтал, как бы разрешиться от нынешней работы. А тут такая представлялась легкая развязка: отставной полковник сейчас наорет на меня, рывкнет, чтоб духу моего тут не было — и я свободен, но аж затрясся от страха.

Первым на лестничную площадку вышел мэр, за ним, как волна за катером, — свита. Мэрский взгляд наткнулся на меня и некоторое время буравил, словно решая, казнить или миловать, а я успел подумать: почему всякая власть над людьми делает человека выше чисто физически? Я еще в армии это заметил, получил майора — сразу сантиметров пять росту прибавилось, и на заводе: стал начальником цеха — вытягиваешься сразу, голос на несколько децибел крепчает. Какие все-таки в организме резервы...

А мэр тяжелой полковничьей рукой хлопнул меня по плечу и рыкнул:

— Молодец! — пожал мне руку и двинулся вниз по лестнице.

И дальше вся свита, стараясь улыбнуться и заглянуть в глаза удачливого молодца, стала хватать мою, только что обласканную мэром руку и до неприличия бурно трясти и тискать ее. Мне стало невыносимо тошно, словно выставили на посмешище, на позорище и никак не отвертеться от этого — я должен тоже всем улыбаться. И я улыбался. А если бы мэр наорал на меня?

Но прошли и эти...

Я отдышался и пошел в пресс-центр, неся, как неживую, правую руку и застывшую глупенькую улыбочку. И сквозь улыбочку выдавил:

— Здрасьте.

— Здравствуйте, здравствуйте, Сергей Иванович, — пропела сидевшая у окна Оленька. — Рады видеть вас в добром здравии, как вы зажигали-то вчера! — и глаза сверкнули чертиками.

А соседка ее подняла на меня большое круглое лицо и бесцеремонно уставилась, словно на витрину в магазине. Только Катя не оторвалась от монитора.

— Семе-ен Германови-ич, — снова пропела Оленька, и из смежного кабинета появился Сенька.

По напору и жажде деятельности он явно перерос наш городишко: благополучие понималось исключительно как материальная ценность, а порядочность и честность — как условности прошлого века.

— Старик! — и он распахнул объяття, словно мы — встретившиеся через годы братцы из индийского кино.

От объятий я уклонился и протянул и так уже поистаскавшуюся руку.

— Понимаю, — тут же скорбно вздохнул он, словно у меня кто-то, умер, и широким жестом распахнул дверь своего кабинета: — Прошу!

С компьютером все примерно было понятно, но я научился, как, впрочем, и все, раздувать из мухи слона. Это получалось само собой, и все знали об этом и делали вид, что верят в сложность предстоящей работы, отсюда и бумажная канитель, которая только оттягивала то или иное, увеличивая его объемность в глазах непосвященных, отсюда «приходите завтра, а лучше через неделю», отсюда, в конце концов, и «откаты», в общем — жизнь.

Я снял чехол с блока и стал трогать провода.

— И пылищи у тебя тут... — Я уже был человеком, от которого зависели, и имел право поворчать. Запустил компьютер по заводским установкам, дождался, пока нарисует экран, и спросил: — В интернет-то лазил?

— А куда без него?

— И что это у тебя за привычка отвечать вопросом на вопрос? — скривился я. — Я про порнуху спрашиваю.

— Нет, — быстро и четко, как пионер клятву, выпалил Сеня.

Я просматривал историю и был беспощаден:

— Ну, я же вижу, — кажется, я даже позволил себе ухмыльнуться, и тут мне стало противно. Что я лезу и мелко мщусь. Да и за что? За то, что все кругом смеются надо мной? Так ведь правильно — заслужил. Так что же, и мне платить тем же? И в голове повисло: «Я никогда не выберусь отсюда».

— Хоть не скачивал ничего? — стараясь говорить как можно мягче, уточнил я.

— Да нет... — и по тону я понял, что не врет.

— Ладно, ничего страшного — заберу машину часа на два.

Уходя, я мельком окинул оживающий пресс-центр, бодренько бросил: «Не прощаюсь», — но никто не обратил на меня внимания. И Катя — тоже. Ну и правильно, решил я.

Акселераты поставили тестировать компьютер — не все им левойтой заниматься — и позвали обедать. А я вдруг вспомнил про статью в Интернете и ни с того, ни с сего брякнул: «У православных начался пост», — и вышло нравоучительно, мол, вот я — православный, у меня пост, а вы, нехристи, жрать идете. А мне просто есть не хотелось. Ну, не хотелось и все тут, при чем здесь пост?

Ребята переглянулись и пошли в столовую, а мне так стало скверно от собственного вранья: да какой я православный! Крестился в девяностых с одноклассниками за компанию. Тогда многие крестились, мода такая пошла, как на комсомол. Да и относились большинство так же: мол, с возрастом проходит. А тут жизнь пошла совсем бесшабашная и расхристанная — чего в стране творилось, успевай только! Кое-кто и успевал, конечно, я вот тоже успел: женился, сына родил — и все заботы века сего, как снежный ком, катящийся с горы, залепили, задавили, продохнуть некогда, какое там православие, только и думаешь: как завтра кормить семью? Только, когда в администрации оказался, это отступило. Но теперь порой наваливалась такая тоска и безысходность, что хоть в петлю лезь. Даже в самые расперестроенные времена у меня такой безнадеги не было.

Но крест я не снимал. Как-то привык к нему. Проснешься утром, чувствуешь его, потрогаешь даже: ну, мол, все на месте, жить можно. Я раз на речке обронил его. Нырнул, а крест слетел. Так я все дно прошарил, хотя, казалось бы, что он мне, не золотой все-таки? Я и в церковь-то не ходил, так, на Рождество или Пасху подойдем иногда к храму... Но отыскал со дна крест-то!

А новый мэр оказался не чужд веяниям, или правду говорят, что на войне неверующих не бывает, и церковь, по крайней мере, по большим праздникам, посещал, за ним, разумеется, влеклась и чиновничья наша братия. Народ пред нами расступался, и мы плотно держались вокруг мэра, словно оберегали от чиха и косяго взгляда.

Последний такой поход был на Сретенье. Запало в душу само слово своей мягкостью, нежностью, было в нем далекое из детства, материнское, дышащее теплом и любовью. Удивило, что в будний день много народа и, в основном, не как мы привыкли, классические бабушки, а мои ровесники да еще многие с детьми. А еще поразили двое мальчиков лет десяти, в золотых одеждах,

ставшие перед священником с зажженными свечами, когда тот читал Евангелие. Было в них высокое и светлое, поистине ангельское, и так захотелось, чтобы и мой сын стоял вместе с этими ангелоподобными ребятишками, и в его руках горела бы свеча, и он бы лучился... Вечером за ужином я предложил в ближайшие выходные сходить в храм, и жена, к удивлению, сразу согласилась и стала вспоминать, где у нее длинная юбка. Но в выходные, оказалось, надо срочно ехать к теще в деревню, на другие выходные выпало день рождения институтского товарища, затерлось, закрутилось, потом Масленица эта...

Тут из «гаража» раздался угрожающий рык — вирус попался; я быстренько его ликвидировал, дождался с обеда акселератов и понес машину обратно в пресс-центр.

Там уже кипела жизнь: ходили кругами озабоченные люди, по двое-трое, уткнувшись в мониторы, обсуждали, вычитывали, просчитывали. К Семену Германовичу не пустили — приехали люди из области. Переговоры. Я поставил компьютер в уголочке, но все не уходил. Никто не обращал на меня внимания, и это утешало: суета очередного дня покрывала вчерашнее, но этого было мало, чего-то не хватало. И опять вспомнился молодой человек из автобуса. Любви его не хватало. Хотелось, чтобы пожалели, простили, наконец, но не так: мол, с кем не бывает, а по-настоящему. Я посмотрел на Катю, и та вдруг оторвалась от сидящей возле нее с ворохом бумаг тетки, и мы встретились глазами. И я заметил, как она, только краешками губ и только для меня, чуть улыбнулась — и понял: прощен. Я, было, закивал в ответ, но Катя уже занялась теткой.

А я быстро вышел из пресс-центра, не хотелось, чтобы в толкотне и суматохе затерлось коснувшееся ощущение хорошего и светлого. И это хорошее и светлое росло во мне, и хотелось обязательно делиться этим, потому что одному, казалось, уже не вместить. Как раз на первом этаже напротив лестницы я наткнулся на кабинет Василь Василича, бодрячка и закоренелого оптимиста, проработавшего больше тридцати лет в администрации и пересидевшего все власти и названия, при этом успевшего поруководить в городе всем — от спорта и лесного хозяйства до партийного строительства и коммуналки, но более всего ценимого за умение произносить тосты и играть на гармошке. Как и положено добродушным людям, был Василь Василич в меру упитан, среднего роста и округл лицом. В данный момент он заведовал социалкой.

У Василь Василича сидела старуха, похожая на сломанную ветку, и при виде ее хорошее и светлое во мне остановилось, осеклось. А Василь Василич, едва я успел войти в кабинет, обрадованно вскочил навстречу, схватил за руку и, подталкивая меня к посетительнице, залопотал, что вот-де и я могу подтвердить, без

бумаг нельзя и надо восстанавливать, обращаться в военкомат, к пожарным, еще куда-то... Говоря все это он отцепился от меня и, ловко подхватив под локоток опешившую старушку, стал потихоньку подводить ее к выходу и, в конце концов закрыв за ней дверь, провел тыльной стороной ладони по лбу и издал звук выключавшегося пылесоса. Василь Василич сел в кресло и изрек:

— Достала! Просят и просят, просят и просят... А как в Мастере-то говорится? — и он торжественно посмотрел на меня, будто это он сам додумался: — Не проси — сами принесут!

— Это бес говорил, — заметил я.

Василь Василич внимательно посмотрел на меня и оценил не как инструмент для выпроваживания надоевших граждан, но как человека.

— Выпить хочешь?

Меня аж передернуло, но и представилось, как потечет по желудку горячий комок, как он постепенно растечется теплом по всему телу, станет приятно и безмятежно.

— Тебе не мешает, — ласково произнес Василь Василич и, направившись к «шкапчику», где у него всегда было, жизнеутверждающе добавил: — Даже полезно. Если учесть вчерашнее.

Зря он напомнил. А может, и не зря, кто знает, куда бы все повернулось, а так я отрицательно замотал головой.

— Чего? — удивился Василь Василич, взявшийся за ручку «шкапчика».

— Пост, — опять непонятно почему выдавил я и покраснел.

— Какой пост? — не понял Василь Василич и отпустил «шкапчик».

— Великий, — еще тише уточнил я.

— А-а, ты про это, — Василич махнул рукой. — Кто у нас сейчас православный? Вон наш-то водит нас в церковь, по лбам там стучим, а что толку-то? Раньше на партсобрания толпой ходили, теперь — в церковь. Ну, вот, — он с сожалением посмотрел на «шкапчик». — Все настроение испортил, — вернулся за стол, надул щеки и принялся сосредоточенно жать по телефонным кнопочкам.

А я вышел. Как хорошо, что отказался. И даже удивился сам себе: как я смог? Это, прям, не я какой-то. Вспомнил, что не сам отказался, а спасло меня то, что пост помянул. И снова почувствовал то хорошее и светлое настроение. Оно и не покидало меня, просто чуть прикрылось, пока я был у Василича.

В конце коридора увидел четко выделявшуюся на фоне светлеющего окна черную, словно вырезанную, фигурку старухи. И неодолимо потянуло к ней. Я подошел и спросил:

— Простите, может, я могу чем-нибудь помочь?

Старуха подняла на меня больные влажные глаза и покачала головой, потом, пристально глядя в меня, сама себе сказала:

— Словно сынок мой... Он такой же сейчас был бы-то...

Я смутился.

— Погиб он. А муж умер. Полгода как умер. Одна я осталась, совсем одна... — Она говорила безстрастно, словно не о себе. — А все сгорело. Давно сгорело, лет пять, шесть... Ильюша еще с нами был... А без документов... Бумажки все погорели. А без них теперь никак. Пенсию-то вдовам... А как же вот это? — Она вдруг ожила, и передо мной оказался сверточек, старуха неуловимо раскрыла его, и блеснули кругляки медалей. — Вот же они, вот, я говорю, чем не документ? А они смеются, может, ты, бабка, на рынке купила... Да как же такое можно. Помыслить даже... А им бумажку давай... — Она прикрыла сверток, и голос ее снова стал безстрастным. — Ей-Богу, в войну мы лучше жили. Бога не забывали.

Это для меня, возрадовавшегося, прозвучало как приговор, и я заторопился:

— Вы подождите, никуда не уходите, я быстро, — и кинулся к Василь Василичу.

Тот стоял у окна и созерцал.

— Снег пошел, — сказал он, ничуть не удивившись моему возвращению.

— У нее ведь и медали есть, — сказал я.

— Да видел я, показывала... — Василь Василич вернулся в кресло. — Ну, а что я могу сделать — нету у ней бумаг, нету. Было бы прошлое время — хрен с ним, а тут ведь столько контролеров и проверяющих развелось, только и ждут, как кого за задницу схватить! И я понимаю их — им кусок хлеба оправдывать надо. Вот и шарят, шарят — никому веры нет. А еще охранники эти! Время сейчас контролеров и охранников! У меня отец-инвалид сторожем дорабатывал, а теперь — вон какие мордовороты, на них пахать и пахать, а они все стариковские места позанимали. Раньше здесь, в администрации, на вахте бабушка божий одуванчик сидела, всем все расскажет, как пройти, кто в каком кабинете, а теперь как зыркнет этот, костюмированный, сразу себя мошенником чувствуешь.

— Вдова она, — вставил я. — Нету никого у ней...

Василь Василич словно обрадовался.

— А кто виноват?! Сын у нее по пьянке под поезд попал. Ну, это с кем не бывает, — то ли про поезд, то ли про пьянку заметил Василь Василич и снова оживился: — Так кто ж тебе не давал пять-шесть детишек-то рожать? Как раньше-то? Вот у тебя, — вдруг уставил на меня перст Василь Василич, — сколько детей?

— Один, — признался я и похолодел. Ужас прошиб меня, в яве представилось, что с Валеркой что-нибудь может случиться. Прямо сейчас, в школе, на улице, дома..

— Ты... ты что такое говоришь-то...

— А то, — примирительно произнес Василь Василич и направился к «шкапчику», — все под Богом ходим. Может, все-таки будешь? Ну-ну, — налил пузатую рюмку, в глоток одолел ее и запил минералкой. — И властей не страшусь! — то ли вместо тоста, то ли продолжая какой-то свой разговор, объявил он и вернулся за стол. — Ладно, хрен с ней, зови. А то ведь и впрямь достала...

Я выскочил из кабинета и, подбежав, подхватил старушку — та оказалась необычайно невесома, словно нечто безплотное оказалось рядом, и повлек ее по коридору.

— Идемте, идемте, — торопился я, — Василь Василич очень хороший человек, он все сделает, обязательно сделает.

Я приоткрыл дверь кабинета, старушка обернулась, и снова я увидел ее большие влажные глаза.

— Спасибо, сынок, — и поклонилась, не телом, не кивком головы, а глазами только.

И светлое, и хорошее во мне — я физически почувствовал это! — толкнулось к ней навстречу, настолько явственно и ощутимо было это движение, что я благодарно погладил себя по животу и груди.

В отделе я застал бездействующих акселератов, выжидательно косящихся в мою сторону.

— Ну, что? — поинтересовался я, — какие еще добрые дела вы спланировали на сегодня?

— Нам бы это... — начал один, — отлучиться... машину мы тут одну собрали... поставить бы...

— Валяйте, — разрешил я и, когда мигом собравшиеся акселераты были в дверях, великодушно добавил: — Можете не возвращаться.

— Спасибо, — хором ответили те и исчезли.

Я остался один. Некоторое время смотрел в окно, где крупными хлопьями, как компьютерная заставка, валил снег. В какой-то момент удивился, что молчит телефон, даже мелькнула мысль: может, трубку плохо положили, и потянулся, чтобы поправить, но... зачем мне это? Ну, начнут звонить, дергать или просто трепаться, обязательно появятся срочные, никому не нужные дела — станет от этого мир другим? Я — стану хуже и гаже. А сколько всего в этой тишине! Вот я узнал, что внутри меня стучит мое сердце, моя жизнь. А ведь я ничего не делаю для него, то есть, получается, для себя, для того, который весь внутри и который, собственно, и есть я. Вот оно стучит, а через мгновение может и перестать... Почему я раньше не слышал, как стучит мое сердце? Словно отзывается на что-то, старается биться в унисон чему-то общему, что уже вне меня, но не привычному суетливому ритму, который мы тут организуем сами себе, а иному, высшему началу, надо только попасть в этот ритм и тогда все придуманное отпадет само собой, как от-

падает короста от выздоровевшего тела. И пришло вдруг: можно быть здоровым, я еще не знал, как, но почувствовал, каким здоровым может быть мое Я, надо только очистить его. И начинать надо с сердца, надо внимательно слушать его.

Да это же — колокол, изумился я! Точно, это доносился колокол с расположенной за несколько кварталов церкви! Почему я раньше не слышал его?!

Да какая же я свинья! — едва не воскликнул я, быстро оделся, вышел на улицу — все застилалось белым покровом, и я пошел сквозь снежную вату на звук колокола.

И неожиданно красочной — обновленной — несмотря на покрывающую завесу, показалась мне церковь. Я увидел ярко-зеленые стены, синие купола — всю и сразу, со всех сторон, даже сверху — такая она была чистая и праздничная. И меня ничуть не удивила такая возможность видеть все и сразу, когда вмещаешь в себя нечто и оно открывается целиком, я только, грешным делом, на какой-то миг усомнился: а не благочестивый ли наш мэр дал команду срочно выкрасить храм, но тут же отмахнулся: разве человекам возможно?

Я открыл тяжелую дверь, вошел и, остановленный хором, замер:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя...

И я всем существом узнал то самое, когда чуть не крикнул с досады: «Да какая же я свинья!». И это узнавание обрадовало и вместе с тем опечалило. Обрадовало тем, что я правильно угадал чувство, а опечалило то, что правильно угаданное чувство было правдой.

А с хоров снова лилось протяжно-плачевное, как русская песня, но, вместе с тем, и необъяснимо-радостное:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя...

Я не разбирал толком, что произносил священник, но все его чтение как-то само собой складывалось в одну одновременно наполненную скорбью и радостью песню, припев которой я пел вместе со всеми. И меня снова ничуть не удивляло, что эти чувства — скорбь и радость — существовали и отзывались во мне вместе и сразу, но неслиянно и нераздельно, я понимал, что в мире, откуда я пришел, это — глупость, этого быть не может, это назовут раздвоением личности и пошлют к психиатру, но здесь это было возможно и более того — естественно.

Даже внешне здесь все соответствовало иному. Люди, одетые в темное и ветхое (я тогда порадовался, что надел черный джемперочек, а не чиновничий костюм), светились. Это были не лица — Лики!

Помилуй мя, Боже, помилуй мя...

И страшная мысль прошибла меня: «Неужели и я... такой? Такой... преобразившийся... Нет, этого не может быть! Я не достоин! Со мной этого нельзя! Я — грязь! Из грязи вышел...

Все стали опускаться на колени, а я о грязи, и тут же на ум зашла нынешняя мартовская грязь и мои чистенькие брючки и... я остался стоять. Все были коленопреклоненны, а я торчал, как Вавилонская башня, стыд и позор жег меня, но гордость — раз уж остался стоять, так теперь стой, держи марку — проявляла самость, но, как только первые слова молитвы достигли меня, я сам собою, или, точнее, не я, не моя оболочка, а то здоровое, что я почувствовал в себе, склонилось...

— Душе моя, душе моя, восстании, что спиши? Конец приближается и имаша смутитесь: воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый, и вся исполняй...

И снова наполнилось:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя...

И уже не отпусало.

Потом еще молились коленопреклоненно и это больше не вызывало никаких помыслов, наоборот, радовало единение, общность молитвы. И я уже ждал таких молитв, когда снова надо будет опускаться на колени, я, кажется, даже поначалу специально елозил на коленках, но потом возникло ощущение, что вообще бы не вставал с колен, но подымался со всеми и со всеми накладывал крестное знамение, потому что хотелось походить на этих светлых людей, подражать им. И все сильнее нарастало чувство, что еще большее откровение ждет меня. И я дождался. Священник вышел из алтаря и слегка дрожащим голосом, но все так же сильно и распевно произнес:

— *Господи, Владыко живота моего!*

И все опустились на колени.

— *Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не гажь ми.*

Вот оно — узнал я все то, что застилало, губило то здоровое, что почувствовал я сегодня...

— *...дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения даруй ми, рабу Твоему...*

...почему, почему я не желал, не просил этого раньше?!

— *...и гажь ми зрети своя пригрешения и не осуждать брата своего.*

...и сами собой потекли слезы...

...Домой я тогда влетел радостно-возбужденный, сбросил куртку, вбежал в комнату, раскинул руки, словно хотел обнять мир, и пропел:

— *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Жена удивленно посмотрела на меня. Сын — с любопытством. А мне было так хорошо! И я виновато улыбнулся:

— Я... то есть я хотел... — как-то так вышло, что я опустилсЯ посреди комнаты на колени. — Простите меня... — и добавил, глядя на всех снова радостными глазами: — Христа ради...

Игорь ИЗБОРЦЕВ
КАК РОЖДАЕТСЯ
МОЛИТВА?

*Размышление о романе
протоиерея Николая Агафонова
«Иоанн Дамаскин»*

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 году в Пскове. В 1984 году окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ.

Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

Как рождается молитва? Молитва, способная быть услышанной и принятой Тем, кому она предназначена... Ответ кроется в душе каждого христианина, он нестирающимися вечными письменами вписан в каждое страдающее, жаждущее утешения и помощи свыше человеческое сердце. В минуту отчаяния, в мгновения страдания, боли и страха, когда все надежды на «сыны и князи человеческие» утрачены, когда между тобой и Богом нет более никого и ничего — именно тогда рождается настоящая молитва... В один из таких моментов и появились на свет вот уже более тысячи лет знакомые всему православному миру слова: «Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет; или еще окаянную мою душу просветиши днем? Се ми гроб преддежит, се ми смерть предстоит. Суда Твоего, Господи, боюсь, и муки безконечныя, злое же творя не престаю: Тебе Господа Бога моего всегда прогневаю, и Пречистую Твою Матерь, и вся небесныя Силы, и святого Ангела хранителя моего...» — слова молитвы великого святого Православной Церкви Иоанна Дамаскина...

Мы читаем о нем в житиях, склоняемся в молитвенном призыве перед его иконами, познаем православие по его богословским трудам... Но вот перед нами художественное о нем произведение — роман протоиерея Николая Агафонова «Иоанн Дамаскин». Роман исторический, и в силу этого

стремится передать характер и колорит эпохи (и делает это вполне удачно), но, в тоже время, из-за преобладающих агиографических мотивов произведение о. Николая правомерно охарактеризовать как роман-житие, сродни романам Лескова. Путь главного героя к вершинам бытия, к святости показан органично и достоверно, без излишней дидактичности и проповеднического напора. Иоанн, как и прочие персонажи, остается причастным к стихиям времени, но находит в себе силы к борьбе, к преодолению искушений мира и собственной самости и в итоге — к победе.

Но продолжим чтение молитвы: «...Вем убо, Господи, яко недостойн есмь человеколюбия Твоего, но достоин есмь всякаго осуждения и муки. Но, Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя. Аще бо праведника спасаеши, ничтоже веліе: и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя, да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголаннейшей благодати и милосердію: и якоже хочещи, устрой о мне вещь». Это, возможно, одна из первых молитв, написанных будущим великим богословом. Он, как узнаем мы из романа, эту «молитву, родившуюся в минуты отчаяния из глубины его смятенной души... стал повторять с тех пор каждый вечер перед сном»¹ Что же это за «минуты отчаяния», коим обязаны мы появлению столь замечательной молитвы? Чтобы получить ответ, совершим вместе с главным героем прогулку по улицам града Константина Великого, столь колоритно, насыщенно и мастерски точно выписанного художественной кистью протоиерея Николая Агафонова.

Итак, юный Иоанн в самом сердце Византии, в ее столице... «Здесь, на многолюдной улице Константинополя не менее десяти локтей в ширину, с ее крикливой и пестрой толпой, он даже немного растерялся. Бородатые греки чередовались с гладко выбритыми франками. Попадались им навстречу и привычные для глаз Иоанна сирийские арабы в темных плащах и коричневых сандалиях, важно вышагивали армяне в военных доспехах и грузины в широкополых войлочных шляпах. Деловито сновали евреи. Целые группы аланов, варягов и болгар с любопытством бродили среди константинопольских кабаков и торговых лавок. Тут же, на улице, рыбаки чистили и жарили рыбу. Пробиравшись на лошадях сквозь толпу народа было бы довольно таки трудно, если бы впереди путников не шел слуга с палкой, который освобождал им путь...». Город контрастов, причудливого сочетания христианских и языческих символов. Не эта ли внешняя и внутренняя (духовная) эклектика и явилась причиной слабости фундамента Византийской государственности, рухнувшей под напором исла-

¹ *Протоиерей Николай Агафонов «Иоанн Дамаскин»* (в дальнейших сносках — «Иоанн Дамаскин», издательство Сретенского монастыря, Москва, 2007, стр. 57.

ма, сумевшего исторгнуть из самое себя все чуждое своему религиозному мировоззрению? Молодого Иоанна, привыкшего к реалиям чуждого языческому искусству Дамаска, пугают скульптуры греческих богов и героев. «Изображения демонские не только христианами отвергаются, но и сарадины их не любят», — признается он своему спутнику. И языческие демоны не мешкают в мести юноше за его к ним нелюбовь... «Каменные глазницы истуканов уже злобно наблюдают за юношей. Иоанн поворачивается, чтобы уйти с этой проклятой площади, но Зевс на колеснице преграждает ему путь. Тогда Иоанн в смятении пятится назад и натывается на изваяние лежащего Геракла, тот встает и начинает преследовать его. Ужас охватывает юношу, и он бежит к виднеющемуся вдали храму, надеясь спастись под его святыми сводами...»² Это всего лишь сон, но страх его реален, а отчаяние давит и жжет душу. В эти минуты и рождается его молитва...

*Протоиерей
Николай Агафонов*

Иоанн многого не понимает и не приемлет в Константинополе. Так нашему герою полностью чужда атмосфера игрищ на ипподроме, где однажды приходится ему побывать...

Ристалище... Бушующее море человеческих страстей. Пламень чувств, огонь желаний, ураганные волны азарта... Это Константинополь — второй Рим, как будто зеркально отражающий первый, языческий. Хлеба и зрелищ! Но где же твоя православная душа, исполненное молитвой сердце, город Святой Софии, выпестованный святыми равноапостольными Константином и Еленой? Где? Да здесь же на кипящих трибунах ристалища, в среде народной... «Трибуны голубой фракции запели "Отче наш", и весь ипподром стал подпевать. Когда закончили петь молитву Господню, зеленая фракция запела "Богородице Дево, радуйся", и опять зрители мощно подхватили молитву»...³

Протоиерею Николаю Агафонову удивительным образом удалось передать дух христианской цивилизации, где, как это ни парадоксально, добро и зло творится с одними именами на устах. Злодеи и праведники, падшие и совершенные — все призывают Христа, Пресвятую Богородицу, святых Божиих, все живут в пространстве, укрепленном единой духовно-нравственной

² «Иоанн Дамаскин», стр. 52.

³ «Иоанн Дамаскин», стр. 64.

вертикалью. Вот они — две бездны, разверстые в душе народной — падения и взлета. О, как это понятно русскому сердцу! Вспору вспомнить Достоевского. «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, — утверждает Федор Михайлович, — надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и преходящих, от рабства, от векового гнета, от загрубелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет, неповрежденный, в сердце этого народа».⁴ Это чудо истории, постепенно угасшее в Византии, с удвоенной, удесятеренной силой возгорится в Святой Руси. И никогда не поймет этого «гордый взор иноплеменный». «Не хотели европейцы нас почесть за своих, — с горечью отмечает Достоевский, — ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае...»⁵ Может быть и к лучшему? Да, наверняка! Сегодня нас за ноги вытаскивают из колыбели православной цивилизации. Почти уж вытащили.... И, если удастся эта вражия затея, что нам останется? Одна лишь бездна падения — мерзости и запустения — с клубящимся мраком тусклых неоновых огней витрин и красных фонарей, с удушающим бормотанием негрятянского рэпа и оглушающей взрывной волной канкана «Мулен Руж». А бездна взлета затворится, скроет Солнце Правды, и не о ком будет сказать, что он по тем (утраченным) «великим и святым вещам... и в самой мерзости своей постоянно воздыхает»⁶ Ох, Федор Михайлович! Легко ему было утверждать свое неизбывное: «Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать»⁷. Знал бы он, **чем** мы желаем стать сегодня! Видел бы он наших вождей, иногда (словно заблудились?) с отстраненными взглядами на деревянных лицах забредающих под своды святых храмов и окостеневшими руками куцо осеняющих себя крестным знаменiem. Может ли родиться в душе такого вождя мысль о том, что «...заповедь "око за око" никого не спасет. Спасает только Христос»⁸? Вопрос риторический. Мы слышим нелепое шуршание слов о «спасительной» силе конкурентноспособности, о «воскрешающем» подъеме экономической

⁴ Ф.М. Достоевский «Дневник писателя», 1877, январь, гл. 1, ч. III.

⁵ Ф.М. Достоевский «Дневник писателя», 1877, январь, гл. 2, ч. II.

⁶ Ф.М. Достоевский «Дневник писателя», 1876, февраль, гл. 1, ч. II.

⁷ Там же.

⁸ «Иоанн Дамаскин», стр. 219.

и финансовой деятельности, о «возрождении» духовности в рус-
ле общечеловеческих ценностей. И ничего о Христе! И совсем
немного о православии! И опять слово Достоевскому: «Не в нем
ли (православии) одном и правда, и спасение народа русского, а
в будущих веках и для всего человечества? Не в православии ли
одном сохранился божественный лик Христа во всей чистоте? И
может быть, главнейшее предызбранное назначение народа рус-
ского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб
сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чис-
тоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему
пути свои!»⁹ Но чтобы что-то явить «потерявшему пути свои»
миру, надо это «что-то» сохранить. В этом и есть наша главная
задача и цель. И трудность...

Но довольно о грустном. Вернемся к роману и вспомним жест-
того властителя Юстиниана. Человека, упивающегося своей
властью, безмерно ее любящего и готового ради нее пожертво-
вать многим, если не всем. Но и в его, казалось бы, каменном
сердце зреет семя, посеянное Константином и Еленой, и в его
душе, не прекращаясь, идет борьба света и тьмы, высокого и
низкого, и его иной раз до глубокой сердечной боли тревожат и
манят божественные отсветы благодатных огней горнего Иеру-
салима. Не потому ли так легко и органично в конце жизненного
пути возвращается он в лоно своего подлинного христианского
первородства — христианства не по букве, но по духу, — и без
всякого сожаления расстаётся с призрачной притягательностью
чечевичной похлебки временной земной славы и могущества...

Власть... Как высоко порой вздымаешься ты над толпой! Как
упоительны твоя сила, твой запах, вкус! Как ничтожно жалок гул
плебса у твоего подножия. Рев восторга и ужаса также тих перед
твоей высотой, как шепот зависти и стон страдания. Что пред
тобой человеческая жизнь? Одна, тысячи, сотни тысяч... — су-
хой хворост для костра твоего величия. Твоя заповедь — «око за
око, зуб за зуб!» Пылает твой костер, языки пламени тянутся к
самому небу... И трон твой взлетает в голубую высь и парит... Так
кажется отсюда, снизу, с пыльных плит ристалищ и торговых
площадей, но для птицы, скользящей под облаками, твой полет
невысок — он стелется над землей; а из тех небесных сфер, кои
доступны лишь взмахам ангельских крыл, он и вовсе не разли-
чим... Земная власть — ты прах, ты тлен! О, как горьки эти позд-
ние осознания Юстиниана, который нынче снят с «креста госу-
дарственной власти». Не заговорщиками, и вообще ни кем бы то
ни было из людей, но Самим Господом.¹⁰ Господь дал, Господь и

⁹ Ф.М. Достоевский «Дневник писателя», 1873, ч. VII.

¹⁰ «Иоанн Дамаскин», стр. 218.

взял! «Спасает только Христос»! О, как сладостны и спасительны эти поздние осознания императора второго Рима!

Но что же наш главный герой? Ведь и ему, вопреки его склонности к созерцательной и молитвенной жизни, до времени Господь благословил судьбу государственного мужа — продолжателя родительского служения. Достанет ли ему сил противостоять стихиям мира, этим всепожирающим жерновом, часто перемалывающим в прах и пыль природные добродетели и благие намерения? *Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику* (Пс.54, 23). Этому совету псалмопевца неукоснительно следовал Иоанн и, как всякий уповающий на Господа, не постыдился. Мир ловил его и не поймал!¹¹ Его жизненный путь — это путь духовных постижений и открытий. «У человека можно отнять все: богатство, здоровье, близких людей и даже саму жизнь. Но если человек останется с Богом, то у него, выходит, ничего не отняли. Ибо все земные блага временны. С родными и близкими мы рано или поздно встретимся в Царствии Небесном, а земная скоротечная жизнь без жизни вечной не имеет ровным счетом никакой цены».¹² Подобная мысль, вырванная из контекста повествования, могла бы показаться тривиальной, но благодаря художественному мастерству автора гармонично вписывается в плоть романа, не вызывая у читателя отторжения. Нам говорят о главном герое, что «молитва для него стала не просто повседневным обязательным правилом, но постоянной сердечной потребностью души»¹³. И мы верим, ибо это и есть путь праведника. Как верим и в чудесное исцеление его отсеченной руки. Этот эпизод романа написан о. Николаем столь естественно и достоверно, что не возникает никаких сомнений в действительности происходящего. Можно лишь вместе с Иоанном, воздев руки к небу, радостно воскликнуть: «Благодарю Тебя, Господи, Иисусе Христе, за чудо, которое Ты совершил по молитвам Пресвятой Девы Богородицы».¹⁴ Господь близ! Господь ведет его за Собой, и Иоанн не остается в долгу за столь дорогую и спасительную близость. Его богословские труды, письма в защиту иконопочитания расходятся по всему православному миру, помогая искоренять губительную заразу вспыхивающих тут и там ересей и заблуждений. «Работа по написанию сочинений ему всегда доставляла радостное блаженство, сравнимое, пожалуй, только с молитвой. Во время своих писательских трудов он совсем не замечал времени».¹⁵ Но

¹¹ Парафраз эпитафии на могиле философа Григория Саввича Сковороды (1722 — 1794): «Мир ловил меня, но не поймал».

¹² «Иоанн Дамаскин», стр. 106.

¹³ «Иоанн Дамаскин», стр. 107.

¹⁴ «Иоанн Дамаскин», стр. 327.

¹⁵ «Иоанн Дамаскин», стр. 245.

истинная радость и блаженство ждали его впереди — там новое рождение в вечность, монашеский подвиг, чудо истинного смирения и... труд, труд, труд во славу Божию и Церкви Его Православной!

Мы уже говорили о молитве. Но, где истоки его богословия, как рождались написанные им богослужебные тексты? Прежде всего — это плоды его верности Христу, освобождения души от всяческого плотского и тленного и, в силу этого, приобретения способности постижения сокровенного мира божественных логосов. Там черпал он все откровения! Пророчески звучат со смертного одра слова старца Диодора: «Многих, Иоанне, этот пасхальный канон утешит и многим даст свет во тьме греховной жизни земной, ибо эти песнопения низводят небо на землю, а человека воздвигают от земли к небу».¹⁶ И это не только о его пасхальном каноне, — это обо всех его трудах и подвигах вообще. Воистину — его жизнь, это свет миру, свет во тьме греховной жизни земной...

Здесь слово художественное сливается со словом житийным. Круг замыкается, и мы вновь склоняемся в молитвенном призыве перед иконой великого подвижника и богослова святого Иоанна Дамаскина: «Преподобне отче Иоанне, моли Бога о нас!»

Остается лишь поблагодарить писателя протоиерея Николая Агафонова за столь драгоценный подарок читателю — художественное произведение, новую духовную сущность. И пусть помнит читатель, что «художник духовно страдал, созерцал и творил. Он страдал не только за себя; и творил не только для себя, но и за других, за всех и для всех. И вот он выносил и прозрел. Он создал. Через него про-реклось то "главное", чем он сам исцелился и умудрился... И народ, живущий духом и видением, внемлет своему художнику, празднуя его дар, его победу и его радость, как свою собственную...»¹⁷

¹⁶ «Иоанн Дамаскин», стр. 219.

¹⁷ И.А. Ильин «Основы художества», с/с в десяти томах, М., «Русская книга», 1996, т. 6., кн. I. Стр. 59.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 225-69-93

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

*Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.*

Цена свободная

Корректор Г.А. Ильина
Компьютерная верстка Т.Б. Макаровой

Подписано в печать 15.09.2007 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП "Павел" ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.